

ЦВЕТЫ
ЗВЕЗДЫ
СМЕРТЬ

ЕВА РАЙДЕР

18+

КОГДА КРОВЬ СТАНОВИТСЯ ВАЛЮТОЙ,

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ — РАЗМЕННОЙ МОНЕТОЙ.

Eva Ryder

Цветы Звёзды Смерть

<https://litres.ru/74305904>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда кровь становится валютой, а человеческая жизнь - разменной монетой, рассудок теряет цену. Быть сумасшедшей в мире, захваченном вампирами и населенном зомби, для кормилиц вампиров вроде Лиссы - норма. А выбрать следовать за одержимым местью циничным вампиром, может оказаться лучшим решением.

Жестокая и мрачная история о цикличности и искуплении, о том, как человек становится монстром, и о том, как чудовища пытаются сохранить остатки человечности в сеттинге викторианского декаданса.

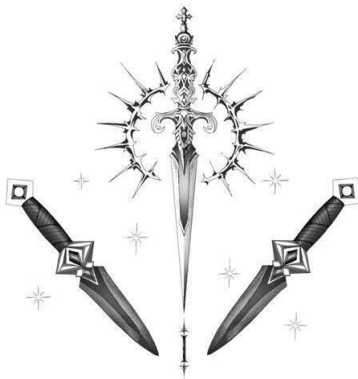
Содержание

Глава 1. Кровь и мёд. Лисса	4
Глава 2. Рассвет. Кадериан	21
Глава 3. Скот. Волки. Псы. Кадериан	43
Глава 4. Тропа костей. Лисса	65
Глава 5. Объятья монстра. Лисса	78
Глава 6. Апостол безумия. Кадериан	95
Глава 7. Пир во время чумы. Лисса	110
Глава 8. Корабль сынов бастардов. Кадериан.	140
Глава 9. Мотыльки летят на свет. Кадериан	152
Глава 10. Тайны претерпевших. Лисса	173
Глава 11. Раздор. Лисса.	197
Конец ознакомительного фрагмента.	213

Eva Ryder

Цветы Звёзды Смерть

Глава 1. Кровь и мёд. Лисса

— Помогите!

И это последняя его нота.

Мужчина передо мной медленно умирал: глаза мутнели, кожа серела, тело становилось похоже на смятую коробку томатного сока.

Мой хозяин заканчивал трапезу.

Небо светлело, редкие птицы запели, а лес ревел людски-

ми криками.

Я сжимала клинок, ощущая жгучее облегчение: сейчас моё горло не было в опасности. Чего нельзя сказать насчёт моих мозгов. Взгляд метался по тёмной чаще: живые трупы могли внезапно ворваться в охоту и испортить настроение хозяина, а я не могла позволить этому случиться. Снова...

Я с содроганием вспомнила первую охоту, на которую явилась орда. Крокус был так пьян, что мне пришлось отбиться одной и тащить его тело до ближайшего тента. Но сейчас я жалею, что не оставила его снаружи до восхода солнца.

Меня выращивали как пищу, но вампиры хотя бы давали моей крови восстановиться, прежде чем взять ещё. Зомби же были ненасытны. Живой, необузданный хаос.

В тени блеснули чьи-то глаза. Я отвела взгляд от потенциальной жертвы хозяина, надеясь, что тот слишком увлечён тем, кому уже не помочь.

— На вкус... забродивший клюквенный сок, - сказал Крокус с хищной усмешкой.

Он поднялся, отряхнулся, в его улыбке сиял холодный азарт, белая рубашка и лицо испачканы кровью. Вампир толкнул меня к дереву и подошёл так близко, что я ощутила его аромат: густой, насыщенный мускус — смесь железа, терпкого вина и горелого дерева. Запах жизни и смерти, переплетённые в один невыносимый шлейф.

Пряди его рыжеватых волос нависли надо мной, крепкая рука схватила за подбородок.

— Попробуй, — приказал он.

Я, без слов, послушно открыла рот, и его палец загулял по моему языку. Кровь на вкус — всегда кровь, человек разницы не почувствует. Внутри меня трепетал страх, когда он был так близко. Я заглянула в его глаза — золотые, словно две раскалённые монеты, — и пыталась понять, чего он хочет в этот момент: повиновения, согласия, поддержания игры?

— Но твоя кровь... ммм... сокровище, — произнёс он, и окровавленные пальцы оставили следы на моей щеке.

Я опустила голову, перекинула волосы, обнажая шею. Он наклонился, язык едва коснулся кожи, и вдруг оторвался, словно играя со мной.

— Хорошая девочка... но сейчас — дегустация.

Вдруг шорох в кустах заставил его рвануть в сторону, молниеносно преодолев расстояние до прятавшегося человека.

Я двинулась следом и остановилась, когда Крокус разочарованно вздохнул: его добычу уже держал другой хищник. Девушка, казавшаяся подростком, вгрызлась в горло жертве, на вид ее ровеснику, хотя на самом деле их разница в возрасте составляла сотни лет. Она была частой гостьей в замке, хотя их отношения с хозяином едва ли можно было назвать дружескими.

— Ох, чёрт... — Лира откинула тело в сторону. — В этом году они совсем не вкусные! Кажется, то ли их кормят чем попало, то ли из какой-то низкосортной фермы закупили. И

за что мы только платим?

Она откинулась назад и сплюнула кровавую слюну на землю, затем подняла полный очарования взгляд на Крокуса:

— Хочешь?

Она качнула головой в сторону бьющегося в конвульсиях тела. Вампир мотнул головой, и Лира поднялась, не удосужившись прервать страдания юноши.

— Я осталась сегодня голодной! А твоя фляжка выглядит вкусной...

Девушка встала. Её короткие чёрные волосы качались, завораживая блеском при каждом шаге.

— От неё пахнет мёдом и цветами. Необычная деталь для человека...

Её длинная рука потянулась к моей шее.

— Разрешешь?

— Конечно же нет! — рявкнул Крокус, мгновенно ударив Лиру по руке.

Девушка обиженно надула губы, но не отошла.

— Я знаю, что у мужчин особенный привкус, но, думаю, Овс тебе понравится.

Она поцокала, и из-за дерева вышел подтянутый, коротко стриженный юноша в бордовом костюме. Я тут же отвела взгляд.

— Может, поменяемся? Хотя бы сегодня?

— Не испытывай моё терпение.

И я мысленно просила о том же. Из всех стратегий пове-

дения, испробованных с Крокусом в моменты его раздражительности, я знала: лучше подчиняться. Особенно сейчас.

— Ты всегда такой жадина или только когда дело касается твоей любимой фляжки? — спросила Лира с провокацией, проверяя границы.

Она обманчиво повернулась ко мне спиной и потёрлась плечами, как кошка, собирая с меня запах.

— Такие обычно быстро приходят в негодность. Я знаю, о чём говорю: чем больше ты их бережёшь, тем ощутимей их тяга к свободе.

На лице Овса промелькнула печаль.

— Я всегда такой, когда дело касается того, что принадлежит мне, — холодно произнёс вампир.

Рука на моём горле сжалась крепче, и он отстранил меня от вампирши.

— Ну и вредина же ты!

Она как ни в чём не бывало подошла к моему хозяину и подхватила его под руку, сняв капризную маску с лица.

— Нужно торопиться. Скоро рассвет, не хочу обгореть до костей.

Сухая листва зашуршала под ногами, голень протяжно заныла от ночи беготни по лесу.

В прошлом году из-за короткой беседы с Овсом Крокус сломал мне ногу. И теперь при долгой ходьбе трещина напоминала о себе. Это была не первая травма и не последняя травма, которую он оставил мне.

Наш путь пересекала вытоптанная полоса - с рытвинами, кряжами и притоптанными кустами, будто орда или, по меньшей мере, несколько медведей бежали на восток, как раз в сторону нашего лагеря. Я замедлилась и обеспокоенно осмотрелась, но быстро догнала беседующего хозяина: даже если бы беспокойная мысль была стоящей, я не имела права перебивать.

Несмотря на обманчивую холодность и спокойствие Крокуса, я чувствовала, как в нём что-то в нем начинало закипать. Мозг судорожно пытался найти причину, но каждый раз утыкался в тупик: что бы я ни сделала, я не имела возможности предотвратить гнев хозяина.

Но я точно знала, что что-то упускала...

«Фляжка должна быть удобной!» — прогремели слова из далёкого прошлого в моей голове.

Я старалась. Правда старалась. И каждый раз, когда мне казалось, что я научилась филигранно подстраиваться, хозяин менял правила игры.

Ненависть к Крокусу медленно разгоралась в груди, как тлеющий огонь — заразительно и неумолимо.

С каждым его грубым словом и ударом я всё сильнее хотела вырвать это проклятое сердце из его груди или жадно смотреть, как он сгорает под солнцем и вопит от боли, а затем танцевать в прахе.

Овс провёл рукой по зализанным волосам, и я убрала чёлку с глаз.

Своеобразный язык жестов фляжек означал «всё в порядке?»: если вторая фляжка проводит рукой по волосам — ответ положительный, если чешет нос — отрицательный.

Не то чтобы это как-то помогало нам, но было приятно иметь что-то тайное и личное. То, что нашим хозяевам не заполучить.

Юноша нервно поджал губы.

Что-то его беспокоило, и вдруг я вспомнила это выражение лица... Именно так он смотрел на меня, когда меня забрали с фермы. В этот же день, ровно четыре года назад.

Четыре года...

Меня рано отсеяли с простой фермы для пропитания низших вампиров и перевели на ферму для фляжек.

Разница заключалась в том, что нас не откармливали как свиней, а наоборот — растили и тренировали: чтобы мы были выносливыми, красивыми, чтобы нас берегли; здоровыми, чтобы наша кровь была вкусной; сильными, чтобы защищаться от зомби и не быть обузой.

Нас обучали хитростям и приёмам, чтобы угождать хозяину. Но самое главное качество фляжки — преданность. За своего хозяина мы должны отдать жизнь.

Но если бы это было возможно, эти жёлтые глаза закрылись бы навеки.

Четыре года назад, во время отбора на ферме, едва завидев Крокуса со сцены, я поняла, что он выберет меня.

Мне было всего пятнадцать, но вампиры, как хищники,

выбирают по запаху.

Его внешность сверкала и требовала изображения на полотне: высокий лоб, резкая линия скул, губы, которые редко улыбаются, а если и изгибаются, то в насмешке или в предвкушении трапезы.

Его цепкий взгляд облюбовал меня. Он перебил все ставки, и я стала его единственным выбором, хотя древние, богатые вампиры окружали себя изобилием фляжек, чтобы не брать слишком много крови из одного сосуда, и чтобы вкус не приедался.

Тогда я не поняла сочувственный взгляд вампиров-фермеров.

Но сейчас я стала самой долгоиграющей игрушкой Крокуса, и это лишь вопрос времени, когда он сломает меня.

Мысль о скорейшей кончине больше злила, чем пугала.

И вот...

Я нашла то самое упущение.

Из-за всей этой рутины, сборов на долгожданную охоту я совсем забыла о нашей годовщине.

Ровно четыре года назад хозяин забрал меня с фермы.

В первый год по этому случаю он устроил праздник.

Тогда мне ещё наивно казалось, что я смогу найти к хозяину подход, отгадать пароль от его души, остаться в живых...

Я была рада его вниманию, но затем он преподнёс мне подарок. В чёрной коробке лежал контракт, который он заключил с моей фермой. «Видишь ли... моя предыдущая фляж-

ка оказалась бракованной, и мне дали скидку на срок годности моей следующей закуски. Вашего поколения на ферме всего семь человек. Странно: у них обычно более пятидесяти выпускников. Что же проредило вас? Хотя нет, не хочу знать. Хочу скорее увидеть твоё лицо, когда ты посмотришь на свой срок годности».

Четыре года.

Срок годности означал, что по прошествии этого времени вампир может не сдерживаться: осушить сосуд до конца, убить и вообще делать всё, что заблагорассудится.

И мне оставалось лишь надеяться, что Крокус забыл об этом.

Ноги привели меня в лагерь, наминавший пристанище цирковых артистов: безумный кровавый пир с красно-белыми полосатыми тентами вокруг кострища.

Трупы жертв, сброшенные в кучу у высокого сухого дуба, не вызвали во мне ни страха, ни сочувствия — лишь мысли о том, что я не хочу стать одной из них.

Тела и внутренности зомби, на которые было сложно не наступить в сумерках, остались тут с открытия охоты — развлечение, чтобы участники могли размяться перед более ценной добычей.

Худые, бледные вампиры уже сидели у костра и отмывали пятна крови с кожи, делясь впечатлениями.

Но я смотрела на остальных фляжек. Они стояли покорно: юные, тихие, почти такие же мертвенно бледные, как их хо-

зыева. Чем старше, тем болезненней вид и чернее круги под глазами. Никому из них я бы не дала на вид больше двадцати пяти лет.

Крокус подошёл к вампиру, который раздосадовано пнул ветку. Та пролетела через костёр и разбилась надвое о встречное дерево.

— Да как она посмела?! — его голос сорвался на визг. — Я подписал контракт на год, а она и месяца не прожила!

— Его фляжка сегодня сама прыгнула на зомби. Даже не защищалась. И как ему это доказать? Фермеры скажут, что он сам виноват, раз не спас её - Лира, прикрыв рот ладонью, сплетничала с Крокусом, а затем потрепала Овса по голове. - Как же мне повезло с тобой!

— Нужно будет рассмотреть варианты других ферм, — покачал головой Крокус.

— Почему ты не закупаешься в дворцовой ферме? Ты же вроде как Княжич!

Вампирша хихикнула и тут же поймала колючий взгляд моего хозяина.

Он ненавидел это прозвище. Насколько мне было известно, когда его обратили, он был младшим сыном Княжны, но с тех пор прошло много лет, и титул стал чем-то вроде насмешки. Такой прямой разговор о поиске новой фермы заставлял моё сердце биться быстрее: неужели он уже всё решил?

— Говорят, в порту Улья есть корабль-ферма, и все в вос-

торге от вкуса их подопечных.

— Нужно будет посетить на досуге, — задумчиво сказал Крокус, поворачиваясь ко мне.

Лира недобро улыбнулась и потащила Овса за руку в свой шатёр.

Тревога скручивала живот. Крокус заменит меня. Он убьёт меня.

Жар от высокого костра обжигал щёки. Я заворожённо смотрела сквозь рыжие языки пламени: вампиры кружились в хороводе вокруг огня, выкрикивая громкую старую балладу.

«Дьявол по мраку пламя несёт, Мечты людские в пепел крушит. Он в души не верит - верит в счёт, Ради любимой судьбу решит. Бедная звёздочка с неба падёт, В крови утонет Пирит, Но эта трагедия его не спасёт. Лишь пустотой замок кишит. О, Каллисто, сломанный агнец, держит в руках мир, О, Каллисто, брошенный агнец, но не удержит её».

Губы сами двигались, подпевая. О многих первородных вампирах было сложено немало легенд и баллад, но мало кто из новых вампиров и людей знал их истинный смысл и историю. Со временем глубина стёрлась, остались лишь пустые слова, которые, впрочем, немного отвлекали меня от приближающейся кончины.

Крокус, заметив на мне несколько голодных взглядов, грубо схватил за плечо и повёл в личный шатёр. Пламя веселья позади разгоралось, делая привал всё более шумным и яр-

ким, отчего я недовольно напрягалась, опасаясь, что звуки и свет привлекут орду.

Вампир отпустил меня, проходя вглубь палатки. Его пальцы затрепетали над оружием, и я опасливо оглянулась в сторону выхода, хотя знала, что при всей удаче побег невозможен.

— Это было увлекательно. Конечно, в прошлом году все прошло веселее, жаль, что ты была слишком болтлива и испортила мне праздник, — Крокус вытер с биты мозги зомби. — Подойди.

Я послушно сократила дистанцию и задержала дыхание.

— Лира снова не сдержалась и выпила свою фляжку без остатка. Думаю, Овса ждёт такая же участь, — слова звучали с неожиданным нажимом, проверяя мою реакцию, но я оставалась спокойна, концентрируясь на шуме. — Тебе стоило бы больше ценить мою сдержанность.

С Овсом у нас было лишь взаимное чувство вины друг к другу и, признаться, не настолько сильное, чтобы кто-то из нас прыгнул на рожон ради другого.

— Я очень благодарна вам, хозяин.

— И вот опять... — он обхватил прядь моих волос и покрутил между пальцев. — Я совсем не слышу искренности в твоих словах. Это и отличает тебя от других фляжек. Ты пахнешь предательством.

Он неожиданно резко повалил меня на пол.

— Смотри мне в глаза...

Пересилив себя, я встретила с блеском в глазах хозяина.

— Знаешь, я никак не могу выбрать, чего мне хочется больше: показать тебя всему свету или запереть в замке, чтобы ни одно существо не смело марать тебя своим вниманием.

Оголив клыки, он прошёлся их острыми концами по моему лицу, и я по привычке подняла подбородок, освобождая шею.

— Нет, милая, сегодня на десерт я хочу особое блюдо...

Он обхватил меня за талию, крепче прижимая к себе.

Холодные руки растянули защитный костюм и загуляли по моему телу. Напряжение скопилось в груди. Казалось, воздух в шатре стал плотным, почти вязким. Его дыхание было ровным: он нависал надо мной, не позволяя отрывать взгляд, и снял с себя рубашку, открывая моему взору точёное, перепачканное в крови тело.

— Ты слишком отстранена, — пробормотал Крокус, скользнув ладонью по моему боку. — Я хочу видеть твою реакцию...

Он осматривал моё декольте и возвращался к глазам, но я, точно испуганная лань, просто замерла на месте.

— Страх, мольбу, желание... что угодно...

— Но вы ведь не примете отказ? — спросила я, и это стало катализатором.

Его дыхание стало тяжелее, глаза сузились. Крокус наклонился к моей шее, а я ощутила ледяное остриё его клыков на коже — одновременно пугающее и манящее.

— Ты принадлежишь мне, — прошептал он. Его руки обвили меня крепче, заставляя почувствовать полное владение. — И мне не нужно согласие. Я хочу тебя полностью. Все твои чувства, каждую пробегающую мысль и даже ту, что прячется в тёмных уголках души... Но, похоже, единственный способ получить тебя — осушить до конца.

Страх, желание и сопротивление смешались в груди. Каждая клеточка дрожала от напряжения. Его клыки впились, и я ощутила пульсирующее тепло, дыхание стало глубоким.

Внезапно волна трепета и бессильного притяжения прошла по телу. Так работают вампирские укусы, доставляя жертве удовольствие. Я всегда утешала себя тем, что смерть от клыков хотя бы приятна.

Я надеялась, что это пустая угроза, но...

Он взял больше, чем обычно...

Теперь больше, чем нужно...

Я перехватила нож с бедра в надежде доставить немного боли своему мучителю, прежде чем умру, но он перехватил мою руку, подняв над моей головой, и сжал до боли. Почувствовав белый шум в ногах, я похлопала Крокуса по плечу свободной рукой, которой было не дотянуться до оружия, но он нервно зарычал в ответ, и клыки лишь глубже вонзились в мою плоть.

Он не остановится, и меня ждёт участь юноши в лесу.

Сердце стучало в ужасе, и звуки мира уходили на второй план.

Мышцы расслабились.

Чистое предсмертное удовольствие.

Когда я открыла глаза, увидела сверкающее звёздное небо. Ко мне вернулся слух, и праздное веселье сменилось криками. Так звучит смерть для меня — прекрасная симфония страданий вампиров. Мои губы тронула улыбка.

Невидимая сила скинула хозяина.

Несколько секунд я просто продолжала слушать быстрое биение своего сердца, но удовольствие плавно отпускало меня, и ему на смену приходила боль.

— Лисса! Лисса! Помоги! — кричал Крокус.

Звезды пульсировали перед глазами несколько мгновений, прежде чем я осознала, что все ещё жива.

Крокус держался за собственное горло, из которого струилась моя кровь, а его нога была неестественно вывернута. В костре горела безжизненная Лира, заполняя воздух запахом горелого мяса. Лагерь напоминал кровавое месиво: всюду лежали почти мёртвые или уже безжизненные тела — с проломанными головами, оторванными руками, высосанные до предела, перебитые и разорванные на куски.

Ведомая страхом, я перекатилась и спряталась за сундуком, сжалась, прячась от невидимой угрозы, и достала из-за спины арбалет, но уловить источник хаоса не удавалось. От слабости клонило назад. Серый вихрь, разносящий всюду брызги крови и крики боли, был слишком быстрым.

Через несколько минут всё затихло.

И тишина казалась даже страшнее бойни.

Я задержала дыхание, прислушиваясь, но, кажется, даже птицы замолкли.

Тихий треск веток... или костей?

Я позволила себе выглянуть из-за укрытия.

Серый вихрь застыл на месте. Сквозь пар виднелась мужская фигура, стряхивающая с себя внутренности.

Я спустилась пониже, опасаясь быть замеченной. Тихие шаги начали удаляться, и только сейчас я почувствовала, как быстро бьётся моё сердце. Кровь с шеи продолжала течь, и моё тело поддерживала лишь вспышка адреналина.

Крокус закричал и потянул ко мне руку. Несколько секунд я смотрела на его изуродованное тело.

Сейчас его жизнь была в моих руках — отдать остатки своей крови, чтобы он мог исцелиться и сбежать от таинственного урагана.

Умереть во имя хозяина. Выполнить долг фляжки.

Я зажала рваную рану на шее рукой и зашипела от боли. Мне в любом случае конец. Но я хотя бы могла забрать этого урода с собой. Я подняла глаза к медленно расцветающему небу и показала Крокусу средний палец и зажмурилась.

Север. Мортианна. Земли первых. Замок Крокуса. Если я каким-то чудом доберусь до столицы в таком состоянии, без хозяина и с вышедшим сроком годности, меня в лучшем случае отправят на ферму для скота.

Восток. Земли, захваченные живыми мертвецами, что,

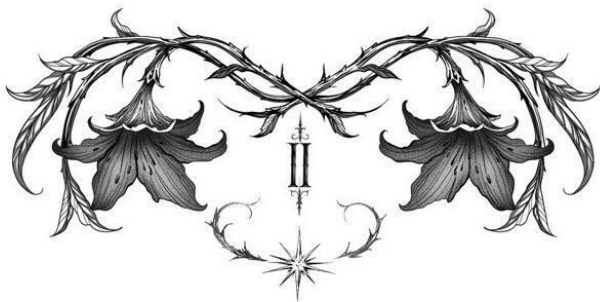
точно стайки рыб, собираются ордами и дрейфуют меж разрушенных строений. Там от меня даже костей не останется.

Юг. Земли дьявола Каллисто. Диких, неистовых вампиров и упырей. Они не раз нападали на мою ферму и выкрадывали детей — оживший кошмар наяву.

Запад. Королевство свободных вампиров. Земля принцессы. Перепачканная в крови и внутренних органах чудовищная сила, перебившая с пару десятков вампиров в считанные минуты, скрывается за деревьями.

Я выбирала свою погибель.

Глава 2. Рассвет. Кадериан

Очнуться, обгладывая чьё-то тело, — не лучшее утро. Но со мной случалось и хуже. Выплюнув кусок плоти, я оглядел кровавую картину, созданную моим голодом.

Тихо. Статично. Грандиозно.

Всю гармонию портил лишь чудом уцелевший юноша, зажатый в угол. Казалось, если я его не прикончу, судьба сделает это за меня. Он трясущимися руками выставил вперёд какую-то игрушку, пытаясь отогнать чудовище. Маленький серебряный крестик на тонкой цепочке дрожал вместе с его пальцами. Я наклонился, сорвал украшение и положил в карман. Может, оно чего стоит. Юноша заскулил и вжался в дерево.

То ли он выглядел слишком жалко, то ли я переел, но желудок неприятно свело. Я обшарил несколько сундуков в надежде отыскать немного золота, но нашёл лишь примитивные клинки. Сквозь кусты я заметил ещё одно недобитое тело — рыжего вампира, что тянулся к спасению.

Солнце вскоре зачистит поляну за меня, а остальное доедят зомби. Щедрое подношение нижнему звену цепи. Я зевнул и направился к зеленеющей полоске горизонта.

Со временем я умер не только телом, но и душой. Подобные трапезы больше не вызывали ни отвращения, ни удовольствия, ни тем более раскаяния. Такова жизнь: даже хищник однажды встречает высшего хищника.

Я прилично отошёл от лагеря, когда вдруг уловил в воздухе запах, совершенно чуждый этим проклятым лесам. Медовый, тягучий, с лёгкой пряностью трав. Сладкий, но не приторный — как поздний летний вечер, густой от луговых цветов и сот. Внутри кольнуло воспоминание, от которого я поспешил отмахнуться.

Я обернулся.

И заметил ещё одно упущение.

Женщина... продолжала преследовать меня и даже держала на мушке арбалета.

Мгновенно сократив расстояние, я прошептал прямо ей в ухо:

— Ну, ну, ну... что мы имеем здесь?

Она вздрогнула, выпустила болт в пустоту и подпрыгнула,

как лань. Я скрестил руки на груди, рассматривая её. Человек. Полуживая. Хрупкая. Волосы — тёплый закат, мягкие волны по плечам. Карие глаза с янтарным отливом, острый нос, усеянный веснушками. Кожа такая тонкая, что проступают вены.

Фляжка. Хороший экземпляр.

Но... еле живая. Шея изодрана, колени дрожат, в ней почти нет крови.

Это я сделал?

— Как долго ты следишь за мной?

Она приподняла крошечный нож и направила его прямо в меня. Дышала тяжело, глаза сверкали испугом. Я медленно поднял руки в лёгкой пародии на сдачу — жест, полный насмешки.

— О-о-о, уже угрозы? Как мило.

Она наклонила голову, её взгляд бегал по мне.

— Убейте меня, — неожиданно твёрдо сказала она.

Я подошёл ближе, пальцами коснулся лезвия ножа и отвёл его в сторону.

— Хочешь, чтобы я стал твоей милосердной смертью? Но зачем так напрягаться? Ляг здесь — и умрёшь через пару часов: от потери крови, от зомби, от голода... От чего там ещё умирают люди?

Её глаза пронзили меня насквозь.

— Я вкусная, — произнесла она просто.

Это вызвало у меня смех.

— Осушите мою плоть до конца... — неожиданно она сделала шаг мне навстречу, опустила глаза и, соблазнительно склонив голову набок, подставила мне целый участок шеи.

— Вы убили моего хозяина, мне больше некуда идти.

В её голосе я уловил ложь. И это только подогрело интерес.

— Или оставьте на потом и сделайте меня своей фляжкой.

Ультиматум от маленькой мыши — редкое зрелище. Она поставила всё на кон, и сама шагнула к чудовищу прямо в лапы.

Но её тело не выдержало: колени подогнулись, и она покачнулась, готовая удариться о дерево. Я поймал её, не из жалости, а скорее как охотник, прихватывающий добычу, что сама угодила в силки.

Девушка была без сознания и выглядела действительно весьма аппетитной. Почему-то её охотничий костюм был расстёгнут. Я бы предположил, что она сделала это сама, в расчёте, что это сыграет ставку на моё решение, но никто не оголяет декольте до пупка. Я застегнул её наряд и какое-то время просто смотрел на её безмятежное, нежное лицо.

Хорошенькая. Выручу за неё сотню золотых, не меньше.

Разве это не глупо — сжечь лес, а затем спасти птишку?

Но я подхватил её на руки, лёгкую, как пушинку. Её кровь меня мало волновала, но всего одним своим появлением она вызвала во мне столько вопросов, что если бы я оставил её там, то мучился бы догадками долгое время.

Аромат, что просачивался сквозь её кровь и волосы, казался мне до одурманивания странным. Для людей это необычно. Может, среди её предков были вампиры? Тогда она стоила бы ещё дороже.

Запах, как и внешность, как и характер и ряд других атрибутов, оставался с вампирами в момент их первой гибели или обращения, запечатывая в вечной жизни худшее смертное воспоминание.

Вишенка на торте проклятой жизни.

От меня пахло холодом и морозом, но она — человек.

Что с ней не так?

Вероятно, дело в том, что её кровь имела столь выраженный вкус и потому захватила и воздух.

К реке я вышел через пару часов. Умылся, затем омыл её шею. Она была слишком горячей даже для человека. Я раздражённо простонал и прокусил себе руку. Струйка багровой жидкости коснулась её губ. Это порой спасает людей.

Я кормил её глотками, делал остановки, охотился по пути, но она всё не приходила в себя. На второй день меня уже забавляло таскать с собой её бездыханное тело. Иногда мне чудилось, что она вот-вот очнётся: сон её становился беспокойным, губы шептали обрывки слов, брови прочерчивали морщины. Но затем она снова мирно сопела.

Когда луна поднялась высоко, я развёл костёр. Девушка дрожала, мёрзла. Если не очнётся сегодня — её шансы ничтожны. Милосерднее было бы прикончить, но вместо этого

я укрыв её плащом и сел рядом.

Из кармана я достал свёрнутый в несколько раз клочок бумаги, перепачканный кровью, грязью и чернилами. Моя лестница силы. Большинство имён вычеркнуто, следующим был «Эсторн. Местоположение: Улей.». Я плотно сжал зубы, ожидая нашей встречи.

Шорох сзади заставил меня обернуться.

Девчонка рывком села, осматривая меня так, будто видит впервые. Ах, ну да — в нашу первую встречу я предстал перед ней залитый кровью и обмазанный внутренностями. Теперь моя внешность должна была её впечатлить, но, казалось, ещё больше напугала.

— Чш-ш... всё в порядке, — сказал я ровно, пряча усмешку. — Тебе нечего бояться.

— Где я? Кто вы? Что происходит? — котёнок, загнанный в угол. Она похлопала себя по бедру и, не найдя ножей, подняла на меня недоумённый взгляд.

— Ты в безопасности. Ножи тебе не понадобятся, пока я рядом.

Она потёрла голову, и в тишине протяжно заурчал её живот. Глаза пробежали по поляне — память после столь долгого сна возвращалась к ней постепенно.

— Так вы согласны взять меня фляжкой?

Я усмехнулся её прямолинейности. Сразу начала с того, на чём мы остановились.

Прошло два дня, а я всё ещё не знал ответа. Она проси-

ла взять ответственность, которую я не хотел и не мог себе позволить. Да и деньги в моём путешествии будут отнюдь не лишними.

— Сколько времени ты просишь? — спросил я.

Она нахмурилась, будто удивилась самому вопросу. Фляжек о таком не спрашивают: продолжительность жизни определяется фермерами и в случае несоблюдения договора за следующий сосуд платят вдвое больше. Люди — ресурс, и особенно жадных потребителей наказывают.

Должно быть, человеку тяжело отмерить длину собственной жизни. Девушка помедлила с ответом и, поджав губы, устроилась поближе к костру и закуталась в мой плащ.

— Год.

Весьма скромно. Для вампира год — словно миг, но... долго. Для меня. И не потому что я боялся наказания или переплат.

— Мои условия: пока ты со мной — делаешь всё, что я скажу. Безоговорочно. — Я протянул ей кусок хлеба и флягу с водой. — Ешь. Не хочу, чтобы ты умерла у меня на руках от истощения.

Я не сказал «да».

Она набросилась на еду, быстро осушила флягу и запихала хлеб всухомятку. Ни крупички манер, о которых не мне просить и не от неё ожидать. Я только качнул головой.

— Нож в плаще. Сейчас добуду тебе что-нибудь по-настоящему съестное.

За несколько секунд я исчез в деревьях. Лес гудел, как чрево зверя: влажный мох пружинил под сапогами, где-то далеко ухнула сова, запахи ночи тянулись тяжёлыми нитями. Я замер, прислушиваясь.

Заяц. Тонкие лапы скребли землю совсем близко. Я уловил шорох, слабый запах шерсти, присел на корточки. Ни одного лишнего движения. Ветер повернул, и заяц насторожился, но было поздно: вспышка, рывок — и зверёк дёрнулся в моих руках, не издав даже писка.

Я прижал тёплое, быющее тело к груди, слушая, как сердце зверя бешено колотится о рёбра. Несколько мгновений я просто держал добычу, словно пробуя её страх на вкус. Потом одним точным движением свернул шею.

Тушка ещё теплилась. Я поднял голову: в ветвях что-то зашуршало. Запах гнили и разложения ворвался в ноздри.

Я поволок тушку по земле, оставляя явный след запаха, и бросил её в траву ближе к костру. Тяжёлые шаги мертвеца приближались, всё громче звучали хрип и потрескивание суставов.

Надеюсь, девчонка ему будет интереснее, чем заяц и огонь: зомби очень привлекает яркий свет, и будет скучно, если этот безмозглый просто сгорит. Я отступил в тень и, прислонившись к дереву, наблюдал, как мертвое потянется к живому. Обнаружив добычу покрупнее, полуразложившееся тело сменило маршрут.

— Ну что, маленькая фляжка, — пробормотал я почти

ласково, — посмотрим, на что ты годишься, кроме как подставлять шею.

Её тонкая фигурка отбрасывала большую тень от костра, пока со спины к ней подкрадывалась опасность.

Из-за кустов вышло существо — шаткое и гнилое. На лице — штрихи человека, но глаза пустые, выеденные смертью.

Спина дрогнула, она обернулась и попятилась. В её руке уже предусмотрительно был нож — не для меня ли он был заготовлен? Она резко вскинула руку. Когда тварь бросилась, отпрыгнула в сторону, и лезвие рассекло гниющую плоть по плечу.

Хрупкое тело согнулось, сдерживая рвотный порыв, и даже до меня долетел запах гниения, но она выпрямилась и кивнула труп, будто он мог её понять.

— Давай... — прошептала она.

Зомби зашипел и пошёл снова, а девушка — на этот раз точнее — вонзила клинок прямо в глазницу. Существо содрогнулось, затихло и рухнуло к её ногам.

Я вышел из тени деревьев и лениво зааплодировал.

— Bravo, птишка. Я ждал, что ты просто закричишь и дашь себя разорвать — люди ведь такие слабые. Но ты... удивила.

Я легко закинул тушку зайца на плечо, подошёл к костру и принялся свежевать добычу одним из её ножигов. Возможно, она стоит даже больше, чем я полагал.

Девчонка сжала рукоять так сильно, что побелели костяш-

ки пальцев; даже не глядя на неё, я чувствовал вскипающую злость.

— Тебя стоило бы поздравить, но, знаешь ли, твоя техника оставляет желать лучшего. Ты слишком долго ждала. Если бы это был не жалкий дохляк, а что-то побыстрее — твое сердце бы уже кормило червей.

— Я справилась.

Её руки всё ещё тряслись — то ли от пережитого стресса, то ли от голода, то ли от потери крови.

— Справилась? — я прищурился. — Ты едва не рухнула в обморок, когда запах разложения ударил тебе в нос. Это не «справилась». Это... — я сделал паузу, смакуя её ожидание, — везение.

Я оставил тушку зайца над костром, схватил за шиворот вонючего мертвеца и потащил прочь. Запах забивался в лёгкие, вонзался иголками в ноздри, и даже мне он начал надоедать. Но стоило сделать пару шагов, как воздух справа разрезал резкий свист.

Нож вонзился в сосну всего в ладони от моего лица, оставив дрожащую рукоять.

Я медленно повернулся. Карие глаза, освещённые пламенем костра, горели твёрдым светом.

— Я предпочитаю дальний бой, — произнесла она. Голос звучал без угрозы.

Мои губы тронула улыбка. Я отпустил зомби — тот глухо рухнул на землю.

— О-о-о... живая, — медленно произнёс я. — Интересно. Поход до таверны обещает быть куда веселее, чем я думал.

Мясо зайца запекалось на костре, аромат горячего жира смешивался с лесным смолистым воздухом. Её дыхание стало ровным, когда она кусала мясо, остужая его прямо во рту, и казалось, всё напряжение покинуло её тело.

— Я благодарна, что вы спасли меня. Как вас зовут и как бы вы хотели, чтобы я обращалась к вам?

Упоминание благодарности — редкое блюдо для таких, как я.

— Меня зовут Кадериан. Хотя, может быть, это звучит длинно и формально? Может, просто гад? Или дьявольское отродье? Никаких титулов. Никакого «вы». Хотя я бы предпочёл «прекрасный» или «моя радость».

Её тонкие губы растянулись в улыбке, и на миг мне показалось, что она стала очередной жертвой моего обаяния.

— Хм! А я думала, у моего предыдущего хозяина были странные замашки... Так мы договорились насчёт моего служения? Я буду послушно исполнять приказы, можешь, например, приказать мне больше не кидать в тебя ножи, моя радость.

Она явно тестировала границы дозволенного.

— У тебя талант раздражать тех, кто держит тебя за шиворот, — мой голос стал шёпотом. — Надеюсь, ты понимаешь: я не тот вампир, что любит слушать иронию. Но... — пауза. — Мне нравится эта игра.

Я отступил назад с изящным взмахом накидки.

— Продолжай так же — только в меру. А то решу проверить, хватит ли у тебя крови ещё на одну выходку. И нет, мне не нужна фляжка. В ближайшей таверне я найду для тебя нового хозяина — без... «замашек» и, возможно, более живого, чем тот, кем я позавтракал пару дней назад. А до тех пор я твой хозяин.

Девчонка не переставала жевать, обдумывая мои слова, и коротко кивнула.

— Моё имя Амариллис, или Лисса. Впрочем, ты можешь звать меня как твоей неуспокоенной душе угодно. Где мы и куда мы направляемся? Я думаю, группа, что найдёт убитый лагерь, будет искать вас.

Я улыбнулся. Она не восприняла мои слова как оскорбление — напротив, сама дала повод двинуться дальше. И всё же её спокойствие поражало: слишком ровное для человека, видевшего, во что я превратил пару десятков вампиров и их прислужников, а также едва не убил ее. Впрочем, во взрослом возрасте мне не приходилось общаться с фляжками, может для них это норма?

— Амариллис... милый цветочек, — протянул я. — Но ведь ядовитый, не так ли?

Она лишь слегка пожала плечами.

— Меня растили в качестве пищи, а не энциклопедии.

Я усмехнулся. У некоторых людей, как и у зомби, имён и вовсе нет. Но ей повезло: по традиции фляжкам давали име-

на растений — их век короток, и увядают они так же коротечно. Вампиры же нарекались в честь звёзд, созвездий и планет — вечных и холодных.

Лисса наконец твердо встала на ноги и подошла к убитому зомби, тень узнавания легла на ее лице: «Так вот что происходит с теми, кого не добивают на охоте» - пролепетала она самой себе и вернулась ко мне, готовая выдвинуться в путь.

— Мы идём туда, куда я прикажу, — отрезал я. — До ближайшего города пара дней пути.

Как же я ошибался... Я давно не имел дел с людьми и забыл, насколько они слабы. Лисса была медленной, её легко изматывал голод; она выглядела уставшей, едва открыв глаза, хотя ни шагу не сделала за последние пару дней. Для неё каждая миля оказывалась испытанием.

— Солнце уже встаёт, — она подбежала и толкнула меня бедром.

— Как и каждый день, — саркастично ответил я, но по её недоумённому взгляду понял, что она имеет в виду. — Верно, нужно найти укрытие.

Я раздражённо вздохнул. Ещё одно упущение. Ей не следовало знать, что у меня есть особенности, так что для сохранения секрета придётся подыграть: ведь ещё неизвестно, чьей слугой она станет. Вполне может статься, что эта глупая оплошность будет стоить мне жизни.

Так что дни пути тоже нужно было где-то пережить. Подсчитывая, насколько сильно она задерживает меня, я ед-

ва сдержался, чтобы не осушить её на месте. К счастью Лиссы, я знал эти леса достаточно хорошо и порядком устал за последние пару недель скитаний. Я набрал шаг, чтобы успеть до рассвета.

Узкая тропинка привела нас к маленькому покосившемуся деревянному домику, обьятому плющом. Пять лет назад, когда мои перекусы стали выходить за рамки и я перешёл на блюда уровня «пять звёзд» — или, проще говоря, дворян, — скрывать следы своих преступлений стало сложнее. Тогда пришлось временно затаиться, и это место стало мне убежищем. Оно спасло меня, а в ответ я спас его. Хотя опоры уже успели потрескаться, краска — облупиться, а в окне зияла трещина.

Дверь скрипнула, будто узнала меня. Лисса юркнула под моей рукой внутрь.

— Осмотрись, — сказал я немного опасливо, пытаюсь вспомнить, не оставил ли внутри что-то, что может выдать моё происхождение.

На первый взгляд внутри была только пыль и скелет какого-то заблудшего бедолаги. Он сидел идеально прямо, словно просто ждал, когда ему нальют вина. Я оставил сумку с припасами и водой.

— Наберу хвороста для печки.

Но не успел я пройти и пятидесяти метров, как из дома раздался визг. В тот же миг я ворвался внутрь.

Картина была следующей: Лисса стояла на кровати и на-

правляла клинок на скелет.

Тот протягивал ей чашку. Не угрожающе. Почтительно.

— Спасибо? — несколько мгновений спустя она наклонилась, нюхая содержимое.

Скелет опустил в реверансе, держа кружку на весу, и я уже готов был нанести удар, но Лисса протестно закачала головой и опустила оружие.

— Ого, а ты милый, — пробормотала она. — Буду звать тебя Бон-Бон.

Я застыл в дверях, пальцы всё ещё сжаты в кулаки.

— Имя? — прошипел я, глядя на скелет, который теперь аккуратно скрещивал костлявые ноги и кланялся Лиссе. — Дорогая, ты только что дала этому проклятию имя? Как домашнему питомцу?

Она взяла кружку из его рук.

— Он мне чай принёс!

Скелет тихо фыркнул — звук, как треск старой кости, — и сел на стул, жестом приглашая Лиссу сесть рядом. Я шагнул ближе.

— Не пей. Ни капли.

Лисса, глядя прямо мне в глаза, сделала глоток.

— Вкусно... Пряный. С травами. Сам собирал?

Бон-Бон кивнул, показывая на разложенный на подоконнике чабрец.

— Оу, да всё-то он понимает!

Даже не знаю, что раздражало меня больше: то, что в моём

доме завёлся разумный скелет, или то, что Лисса сочла это недоразумение своим питомцем.

Я забил дрова в печь. Мы прилично оторвались от лагеря и были довольно далеко от ближайшего города, так что я не беспокоился о том, что дым привлечёт нежелательное внимание.

— Почему ты не послушала меня? — от её безрассудства напрямую зависела цена, которую я предложу за выкуп будущему покупателю.

— Ты не сказал «пожалуйста», — Лисса пожала плечами.

— Я не говорю «пожалуйста». Кем вообще был твой предыдущий хозяин, что командовал тобой через просьбы?

Она не ответила. Я закрыл ставни, пропуская в дом лишь тонкие полосы света. Пыль, поднятая моими шагами, плясала в воздухе, будто время здесь двигалось иначе — лениво, неохотно.

Лисса устроилась у окна, пальцем проводя по мутному стеклу, и вскоре на нём появилась нелепая карикатура: худое лицо с клыками, огромные глаза и подпись: **КА ДЕ РИ АН.**

— Что это, по-твоему? — спросил я, подходя ближе и щурясь на это издевательство.

— Портрет, — ответила она с видом великого мастера. — Это ты. Какой ты есть — весь такой мрачный, надутый, но с... шармом.

— С шармом? Это больше похоже на... — я наклонился ближе, прищурился. — Летучую мышь с похмелья.

— Я подумала, что ты, бедняжка, не видел себя в зеркале уже лет сто. Пусть хоть так вспомнишь.

Я ухмыльнулся, опираясь о подоконник.

— Как заботливо! Если я похож на это чудовище, тебе стоило бежать от меня.

Лисса добавила ещё пару линий.

— Вот теперь идеально.

Я покачал головой.

— Художница из тебя как из пиявки философ.

Из угла донёсся лёгкий скрип. Мы обернулись. Бон-Бон, аккуратно держа в костлявых пальцах сухой цветок, подошёл к окну и пальцем провёл по соседнему стеклу.

Только сейчас я заметил на его безымянном пальце медное кольцо, настолько изъеденное временем, что его уже не продать. Его линия дрожала, но уверенно складывалась в смешной, лохматый силуэт Лиссы.

— Эй! — Лисса всплеснула руками. — Да это вообще не похоже!

Скелет не выдержал — скрипнул челюстью, будто смеялся, и аккуратно дорисовал между портретами маленькое сердечко.

— Он такой романтик! — Лисса погладила его по голове.

Бон-Бон повернул к ней череп, чуть скрипнув шеей. С пустых глазниц на нас смотрела вечность — спокойная, безмолвная и странно безобидная.

Скелеты населяли подвалы замка, в котором мне не по-

счастливилось застрять. Я не питал к ним ни страха, ни отращения, но мне казалось, что за пределами столицы их не существует, и все они подчиняются правой руке Королевы — Воеводе Люцису. По крайней мере, за последние тридцать лет я не встретил ни одного.

Я лег в кровать и залез под сырое одеяло. Утомлённость сказывалась: я уже забыл, когда в последний раз дремал так. Я помнил этот дом очень хорошо, и в нём теплилась какая-то странная иллюзия безопасности. После нескольких попыток сфокусироваться на Лиссе, что тыкала кочергой в горящие дрова, меня утянуло в сон.

Я очнулся на закате.

Лисса рылась в старом сундуке у стены — доски жалобно скрипели под каждым её движением, в воздухе стоял запах пыли, сухих трав и чего-то давно забытого.

— Ну и залежи... — пробормотала она, отбрасывая в сторону потрёпанное одеяло, потом полусгнившую книгу. — Кадериан, ты точно не прятал здесь трупов?

— Только один, — лениво отозвался я. — Труп своего терпения.

Через секунду послышался радостный возглас.

— О! Смотри, что я нашла!

Она вытащила из сундука старый, покрытый толстым слоем пыли проигрыватель — угловатый, тяжёлый, с латунными вставками и крошечным клеймом в виде розы на боковой панели.

— Не может быть... — тихо произнёс я, подходя ближе.

Я провёл пальцем по крышке, и пыль осыпалась лёгким облаком. Под ней проявился гравированный орнамент — переплетённые крылья и змея.

— Украденная классика, отобрал его у одного жадного вампира из Совета. Помню, он любил устраивать «вечера изысканной музыки»... И пел, раздражающе громко пел.

— И ты его...? — Лисса вопросительно подняла брови.

— Для любого, кто слышал его вокал, не осталось бы места осуждению.

Я опустил на колени, открыл крышку и привычным движением поставил пластинку. Игла закрипела, зашипела — и вдруг из динамика, словно сквозь время, прорезались звуки старого вальса: глубокие скрипки, мягкий шелест фортепиано и потрескивание винила, будто отголосок далёкого бала.

Лисса застыла, прижимая ладонь к губам.

— Это... красиво. — Она шагнула ближе. — Знаешь, я всегда мечтала побывать на настоящем балу. С платьем, свечами, оркестром... чтобы все кружились в танце.

— Вау, как трогательно, — безучастно отозвался я и Лисса будто потакая моей реакции сняла улыбку со своего лица.

В этот момент скрипнула дверь, и всё тот же нелепый скелет неторопливо поднялся со стула. Он медленно поклонился, одну руку прижав к груди, другую протянул Лиссе.

— Бон-Бон, ты... — она засмеялась, но не отступила. — Ты хочешь пригласить меня на танец?

Скелет кивнул, кости щёлкнули с достоинством истинного кавалера.

— Но я танцевать не умею, — предупредила она, будто ожидая от груды костей первозданных навыков.

Пародия на вальс: неумелые топтания на месте и кружения под руками. Но от чего-то уголки моих губ дрогнули.

— Осторожнее, он не держит ритм.

— Молчи, ревнивица, — парировала Лисса, кружась и возвращая ладонь в холодную костлявую руку.

Музыка усилилась — старый вальс наполнил крошечный домик. Лисса и Бон-Бон закружились между столом и кроватью, едва не задевая потолок. Скрип костей и шелест её подола из простыни звучали странно гармонично.

Скелет хромал, запястья были тоненькие и, скорее, предпочитал, чтобы его вели в танце, так что, вероятно, он был женщиной при жизни. Но я не был знатоком анатомии.

Пока день клонился к вечеру, в домике царила странная, тёплая тишина. Солнце почти скрылось, а на пыльных окнах остались два кривых лица, глядящих друг на друга сквозь пелену серого света — и сердце между ними, нарисованное костлявой рукой.

— Пора выходить, — сказал я, хотя внутри было странно уютно.

— А ты? — Лисса повернулась к скелету. — Пойдёшь с нами? Можешь стать моей фляжкой, я из тебя весь воздух выпью!

Я прыснул. Бон-Бон поклонился, помахал нам рукой в прощальном жесте, сел обратно за стол и принялся чинить собственную руку, тихо напевая себе под нос — скрипучим, почти музыкальным звуком.

Сумка с припасами стала легче.

Казалось, со вчерашнего дня похолодало — искусственное ощущение, созданное контрастом с теплом внутри домика лесника.

— Никогда не видела таких зомби! — восхитилась Лисса, идя спиной вперёд и не переставая махать скелету, выглядывающему в окно.

— Я тоже, — соврал я, чтобы не навлечь на себя лавину вопросов.

Через несколько минут Лисса тоже начала напевать знакомую мелодию, тихо, но от этого мои лёгкие сжало крепкой хваткой.

— Где ты слышала эту музыку? — едва ли я мог сдержать подступившую ярость.

— Не помню, может, хозяин пел, хотя он редко пел, скорее скулил, как раненная собака... Не знаю... — кажется, она и сама крепко призадумалась, но затем продолжила мычать.

— Заткнись, а то тебя ждёт участь вампира с проигрыва-телем.

Она тут же замолкла.

Дело было не в Лиссе. Это песню я знал с детства: никаких нот, лишь тонкие пальцы королевы выбивали её на большом

рояле, быстрая, такая, что человек с двумя руками никогда бы не сыграл, и ни один музыкант не мог повторить и запомнить ноты. Отец всегда восхищался талантом мачехи.

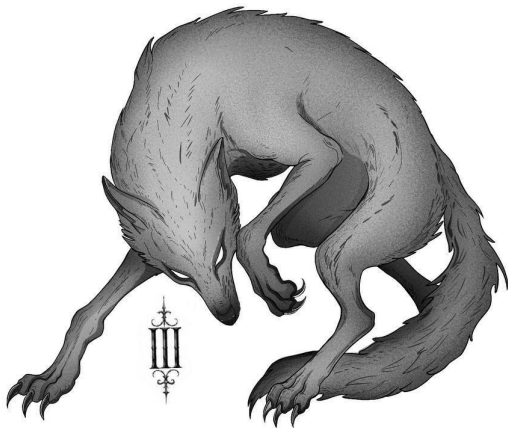
Но откуда обычная фляжка могла знать её?

Мой затылок прожигал её изучающий взгляд, так воры смотрят на особенно сложный замок, перебирая в руках отмычки.

И что не так с этой женщиной?

Глава 3. Скот. Волки.

Псы. Кадериан

С первыми лучами солнца деревья расступились, и перед нами открылся город. Или то, что от него осталось. Каменные стены, некогда белые, теперь были серыми, покрыты лишайником и трещинами. Крыши провалились, окна зияли дырами.

Тишина стояла неестественная — лишь скрип ветра в выбитых ставнях и редкий стук железа: где-то ещё держались на петлях старые ворота. Лисса внимательно осмотрела над-

гробие в ограде.

— Здесь жили люди?— Давным-давно, — ответил я. — Пока их не пожрала тьма или жадность. Иногда одно и то же.

Я шагнул вперёд; звук моих сапог отразился от пустых улиц, и эхо словно поползло по разрушенным зданиям. Лиса остановилась у покосившегося фонтана: каменные рыбы без воды, потрескавшийся мрамор и чёрные следы плесени, словно ожоги. Её глаза жадно ловили всё, что видели вокруг.

Мы углубились в город, мимо перекошенных дверей, заросших плющом лестниц, мостовых, где сквозь булыжник пробивалась трава. Солнце поднималось выше.

Я свернул на узкую улицу, где тень падала гуще, и остановился у обвалившейся церкви. Витражи выбиты, но окна плотно заколочены и завешаны чёрными шторами — то, что нужно «бедному» вампиру. Внутри виднелись обломки лавок и пыльные алтарные плиты.

— Здесь, — бросил я.

Она не ответила, только оглядывалась, будто пыталась услышать в этих руинах отголоски тех, кто здесь жил. Я вошёл первым. Когда-то оно, наверное, считалось величественным; теперь же было всего лишь убежищем из камня, которое вот-вот рухнет на голову от первого же ветра.

Запах внутри ударил резко: тухлое мясо, прелые ткани, застоявшаяся кровь. Здесь кто-то уже хозяйничает. Я приподнял уголки губ в улыбке. Отлично.

Первый зомби показался из-за полуразрушенного алтаря

— кожа слезала клочьями, глаза мутные, челюсть скособо-
чена, чёрная ряса мешала ходьбе. Он завозился, почуяв жи-
вое. Я шагнул навстречу, не давая ему времени рычать. Ры-
вок — и мои пальцы впились в его глотку, раздавив одрях-
левшие позвонки. Тело дернулось, как кукла, и затихло.

Из боковой двери вывалилась пара — вонючие, шаткие,
но быстрые на бросок. Я кинул их на пол так, чтобы кости
захрустели, и отбросил туши в дверь.

— Осторожно! — тонкий голос Лиссы прорезал тишину.
Но прежде чем я обернулся, Лисса метнула свой нож. Лез-
вие вошло прямо в середину лба — зомби упал.

— М-м, — протянул я, вытирая ладонь о его рваную одеж-
ду. — Всё-таки есть польза от твоих игрушек.

Она уже достала второй нож, и я пошарил по карманам,
понимая, что в какой-то момент она успела стащить его у
меня.

— Их ещё двое, — заметила она.

Один рванул к ней, но я перехватил за плечо, поднял над
полом и с хрустом обрушил спину об обломок лавки. Второ-
го уже заколола Лисса, с нездоровым удовольствием наблю-
дая, как он издаёт последний стон.

Я оглядел зал. Тишина. Лишь капли воды, сочащиеся
сквозь трещины свода.

— Чисто, — сказал я, сбросив трупы к обваленной стене.
Лисса подошла ближе, всё ещё с ножом в руке. Её взгляд
скользил по колоннам и треснувшим каменным плитам.

— Что это за место? — спросила она, не отрывая глаз от высокого потолка, где некогда были яркие фрески, а теперь в них едва ли можно было различить сюжет: краска облупилась и поблекла.

— Просто здание, — отрезал я. — Слишком причудливое, чтобы быть полезным, и слишком крепкое, чтобы развалиться. Сегодня оно будет нашим домом.

В центре зала возвышалась статуя женщины. Лицо её спокойно и светло, глаза обращены к небу. В сложенных у груди ладонях — мольба. Одежды каменной святой ниспадали плавными складками, будто их трогал ветер. Даже холодный камень источал ощущение тепла, чего-то недостижимо чистого.

Я на миг задержался. Каким бы ни был этот мир, люди некогда верили, что подобные фигуры способны оберегать их. Забавно — оберегать от таких, как я.

Лисса стояла у подножия, задрав голову и приоткрыв губы. Её глаза горели детским интересом.

— Это... была женщина? — спросила она и, не дождавшись ответа, сама пробормотала: — Наверное, очень вкусная, если вампиры решили сделать её из камня.

Я моргнул, не сразу поверив, что расслышал правильно. Она полезла на статую и стала внимательно осматривать её шею.

— Ты серьёзно? — я шагнул ближе, скользнув взглядом по её лицу. Она действительно смотрела на камень с искрен-

ним и наивным восхищением. — Они воздвигли эту статую, потому что она для них была святой. Символ веры. Надежды.

Она посмотрела на меня так, словно я произнёс бессмыслицу. Её рука загуляла по каменным ключицам.

Смешно и жутко одновременно. Для неё любой человек — всего лишь сосуд, даже тот, кого когда-то превозносили выше небес. Она умылась дождевой водой, что собралось в купели, а затем подошла к шкафу и завозила там.

Вышла через несколько минут, по-хозяйски завернувшись в плащ, легла на одну из скамеек. Ах да — ещё одна уязвимость людей и причина, по которой без вампиров не выжить: им постоянно нужен сон.

Подложив под голову руку, Лисса пробормотала:

— Как думаешь, её кровь вкуснее моей?

— Не играй с огнём, дорогуша.

Глаза Лиссы закрылись, дыхание стало ровным.

За день я пролистал пару потрёпанных книг, оставленных в церкви богами или дураками, поохотился и даже ухитрился поймать куропатку — редкая удача в этих мёртвых лесах. Однако ни одного заблудшего вампира или потерявшей жертвы с вампирской охоты... ничего для меня.

От вида гнилых тел в углу подступала тошнота. Всё же я был не так голоден. Я повернул голову в сторону Лиссы и сглотнул. Она спала, беспокойно ворочаясь, словно боролась с кем-то во сне.

Я наклонился ближе. Веки её дрожали, губы шевелились,

как будто она спорила с невидимым собеседником. Она резко распахнула глаза и соскочила, будто вырвалась из кошмара. Её взгляд метался по зданию, пока не остановился на мне.

— Снилось что-то интересное? — спросил я, подавляя аппетит, наблюдая, как её дыхание постепенно выравнивается.

Она моргнула и резко мотнула головой, отгоняя наваждение, и заметила тлеющие угли у моих ног. Я вынул из-за спины поджаренную куропатку. Её глаза вспыхнули радостью — такой простой, такой человеческой, что я едва не рассмеялся.

Она осторожно взяла птицу в руки и нахмурилась, смотря на закатные лучи.

— Где ты...

— Сама забежала внутрь, глупая пташка, — я криво улыбнулся. — Ешь, пока не передумала и не улетела обратно в болото.

На её лице появилась странная улыбка — так улыбались дети, когда знали, что их обманывают, но подыгрывали. Она смотрела на меня слишком внимательно: с интересом, но вопросов не задавала. То ли была такой же глупой пташкой, то ли, наоборот, знала, что сблизиться со мной не стоит, и некоторые тайны могут быть опасны. Набив полные щеки еды, она пробубнила:

— Спасибо, а ты голоден?

— Нет, дорогуша, я уже поужинал, — сказал я, ухмыляясь, когда она коснулась своей целой шеи.

Она обыскала церковь, нашла мешок и, простирала его в застоявшейся воде, захватила остатки мяса. Затем на целый час спряталась за статуей, и я не стал её беспокоить. Ещё раз проверила свою шею, ища отражение в осколках того, что некогда было витражом или зеркалом, несколько раз обернулась на меня и встала.

— Солнце село, пора выдвигаться, — сказал я и добавил с прежней дерзостью: — И да, если продолжишь так щупать шею при мне, я обязательно воспользуюсь приглашением.

Ночь встретила нас прохладой, и, на удивление, лес был тих — казалось, зомби ощущали моё присутствие и не мешали. Кроны деревьев становились пышнее, создавая плотную тьму.

— Ты давно живёшь? — она заскучала, и я тоже. — Относительно людей — да. — Так значит, фермы для людей раньше выглядели так? — Лисса указала большим пальцем за спину. — Выглядит не очень безопасно, так что не удивительно, что её забросили. — Это не ферма, это город. Там жили люди, до того, как часть из них стала зомби. До того, как дьявол Каллисто принес на землю ад.

Она хмыкнула, верно думая, что я подшучиваю над ней.

— И до того, как появились вампиры? — Как знать? — я пожал плечами. — И что давали вампиры людям взамен, когда не было зомби? — Смысл этого вопроса не укладывался у меня в голове, и она пояснила: — Ну... Люди — это скот, зомби — волки, а вампиры — псы. Вы защищаете нас — мы

кормим вас.

Всю жизнь овца боялась волка, в итоге её съел пастух.

— Вампирам не нужно что-то давать, чтобы взять, дорогуша. Сказки про взаимный обмен очень выгодно ложатся в архитектуру мира фляжек, но это лишь мусор в твоей прелестной головке и не более. Кто сильнее — тот и прав.

— У вампиров много слабых мест, — почти мечтательно сказала она. — Зомби больше, чем людей; людей больше, чем вампиров. Если зомби раньше были людьми, разве сила в численности не была на стороне людей? Почему вас просто не истребили?

На самом деле... пытались, но об этом я умолчал.

— Знаешь, милая, бунтарство — слишком специфичная приправа даже для моего будущего завтрака. — Конечно, радость моя.

Через несколько часов я обернулся — Лиссы почти не было видно, она плелась вдали, хромая. Раздражённо зарычал:

— Дорогая, если хочешь провести со мной побольше времени, можешь сказать прямо, а не тащиться со скоростью улитки! — Люди устают! — ответила она, тяжело дыша. — Знаешь, что? Я свою еду тащу на себе, а твоя еда рядом с тобой ножками топает! — Оу, — протянул я и подошёл к ней. — Так бы сразу и сказала.

Она ощутила угрозу и посмотрела на меня вопросительно, когда я подхватил её на руки и понёс, преодолевая расстояния между деревьями.

— Нет, я не... я не это имела в виду! — кричала она, крепче вжимаясь в меня.

Это было уморительно. Но через несколько минут она ослабила хватку и осторожно осматривала меня. Её внешность была настолько притягательна, что мне приходилось прилагать усилия, чтобы смотреть вперёд, а не на неё.

— Так мы дойдем быстрее, чем ты могла бы поползти сама, верно? — ухмыльнулся я, увеличивая скорость, пробираясь сквозь тьму леса.

Спустя несколько мгновений мы прибыли к небольшому озерцу. Полумесяц бликовал на тёмной глади воды. Я опустил спутницу на гальку; она глубоко вздохнула и недовольно взглянула на меня, хотя я чувствовал, что это напускное.

— Я наберу воды, можем немного передохнуть тут. Что с твоей ногой? Ты поранилась по дороге? — Пустяки, — она отмахнулась и погрузила руки в воду. — Если у нас есть немного времени, я бы искупалась, а то на мне кишков больше, чем во мне, — её руки обхватили тело, и она смущённо спросила: — Ты бы мог отвернуться? — Ох, дорогуша... Ты просишь меня — своего временного хозяина-вампира — прилично отвернуться? — Я выдержал паузу. Она скинула пальто на землю и, не отводя от меня взгляд, начала расстёгивать костюм. Я развернулся к озеру спиной и скрестил руки за головой. — Только не пытайся убежать, это было бы крайне глупо.

Я старался игнорировать ощущение жжения на кончи-

ках пальцев — желание прикоснуться. Кожа, волосы, острые ключицы, выступающие в полумраке. За спиной слышались плески воды, и я крепко сжал зубы. Голод подступал.

Спина заныла от напряжения, сжимающего мышцы. Дышать стало трудно. В голове всплыл болезненный образ тонущей женщины: она кричала, выпуская пузыри воздуха и долбилась в ледяную гладь, оставляя красные пятна, тут же смываемые водой.

— Идём? — Лисса сидела рядом на корточках, с кончиков её волос стекала вода, и обеспокоенно оглядела моё лицо. — Всё в порядке?

Я кивнул и встал, принимая непринуждённый вид, и мы двинулись дальше.

— Деревья становятся всё выше и шире, — заметила Лисса. — Место, куда мы направляемся, построено из секвой. Они спасают город от солнечного света. Эти деревья старше большинства ныне живущих вампиров, им тысячи лет, они видели, как менялись ландшафты, пережили сотни войн, выросли такими огромными, что были слишком высокими даже для пташек вроде тебя. А затем вампиры решили соорудить из них грязный улей. — Ты жалеешь деревья? — Я не переносу безвкусную архитектуру.

К рассвету мы достигли естественного укрытия — огромная скала нависала над узкой расщелиной, образуя почти пещеру. Тёплое утро едва касалось леса, а тень каменного свода оставалась густой и прохладной. Лисса шла рядом, хро-

мая, но стараясь не отставать.

Я разложил небольшой костёр; дым лениво плыл к сводам, создавая причудливые тени. Я оставил её в покое, разложил пищу и воду, наблюдая, как Лисса аккуратно разделяет куропатку и пробует кусочки. Её движения были неловкими, но уверенными. Она стала интересным объектом наблюдения: её реакции и мысли открывали для меня новые грани человеческой натуры.

— Я прогуляюсь вглубь пещеры.— Как скажешь, — я завёл руки за спину и облокотился на каменный выступ.

Внезапно раздался резкий шорох. К нежным ароматам Лиссы добавился звериный; я раздражённо поморщился и за несколько секунд преодолел расстояние до неё. Что-то огромное и неуклюжее вздрогнуло из темноты, глаза блеснули в сумраке. Лисса замерла, сжала нож.

— Стой... — выдохнула она.

Существо — покрытое шерстью, с длинными когтями и зубами, что блестели в слабом свете — вышло из тени. Солнечная полоса, пробившаяся в пещеру, образовала барьер между нами.

— Не подходи! — закричала она и указала на просвет.

Я почувствовал, как внутри поднимается раздражение. С её игрушечными ногами у неё не было ни малейшего шанса против этого чудовища, похожего на потревоженного медведя, но в два раза больше. Но мне не хотелось смотреть, как мои «деньги» утопают в вонючей пасти, которую я всё равно

намеревался съесть.

Зверь клацнул зубами и зарычал, Лисса присела готовая рвануть. Задние лапы зверя уперлись в землю готовые к прыжку, секунда...

Один быстрый рывок — и я оказался на безопасной стороне полосы, а затем ловко пронзил животное когтями и клыками, мгновенно прервав его сопротивление. Лисса отошла в сторону, совершенно не испугавшись, но внимательно наблюдая за мной.

Я сделал театральный шаг назад, положив руку на грудь и изящно скривившись.

— Ох, — протянул я, — чуть не обжёгся! — и слегка пошатнулся, изображая боль.

— Я сказала тебе не подходить и извинять не буду.

— Ты... та ещё головная боль, — я медленно уселся на выступ. — Но... — сделал паузу, заметив, что она ушла в себя, задумалась, словно пытаясь переварить увиденное, — но я всё равно согласился взять тебя с собой, чтобы ты развлекала меня... пока ты справляешься.

Она показала мне язык.

Прошло несколько часов. Свет солнца мягко рассеивался за пределами пещеры, а внутри сохранялся полумрак. Лисса была жива, и это делало рассвет удивительно тихим и почти священным.

— Ты чувствуешь холод? — Нет. Голод, жажда, усталость... Я могу их ощутить. Но холод — нет. — Я нахму-

рился, глядя на неё с лёгким любопытством. — А почему ты спрашиваешь? Тебе холодно?

Она неожиданно встала и села рядом со мной, а затем положила голову на моё плечо и обняла.

— А так? Ты чувствуешь тепло?

Я замер, застигнутый врасплох. Разум, обычно такой холодный, вдруг будто оледенел ещё сильнее. Лёгкое движение на моём плече — её голова устроилась удобнее. А пальцы загуляли по моей руке.

— У тебя снова жар? — мозг искал подвох, она молчала. — Да. — А солнечное тепло ты чувствуешь? — её рука поднялась выше, к моей шее. — Нет, вампиры не переносят солнца, — коротко ответил я, всё ещё не совсем понимая, что происходит.

Я проследил за её хитрым взглядом, и её рука гладила мою кожу, которую лизнул пробравшийся сквозь щель луч света, и тут же зашипел, отстранившись, дуя на совершенно целую руку.

Она не поверила.

— Тогда что ты такое?

Я нахмурился, голос стал чуть хриплым. «Что я такое...?»

Я сделал медленный вдох, стараясь успокоить собственный пульс, и ответил:

— Я порождение ночи, дорогуша. Я дитя тьмы. Я — тот кошмар, что вырвался из цепей. Я — клык во тьме и последнее, что видят глупцы перед концом.

Она улыбнулась и покачала головой, демонстрируя, что ответ её не устроил, и снова облокотилась на меня, оставив голову на моём плече.

— Хорошо, я поиграю с тобой в это, пока ты даёшь мне поспать.

Через несколько минут, убедившись, что она уснула, я разделался с трупом медведя. Живот сводило от голода ещё со вчерашнего вечера, так что его плоть меня лишь больше раздражила, но урчание утихло, и это дало ещё немного времени для моей названной «фляжки».

Я вернулся на своё прежнее место и невольно улыбнулся виду Лиссы, свернувшейся на земле «спит как щенок», и почувствовал тяжёлую усталость в ногах, задремав вместе с ней.

Мне снился первый сон за долгие годы: цветочное поле, но серое, будто лишённое красок, и в центре ярко-красное пятно. Я подошёл ближе — и сладкий аромат окутал меня. Амариллис. Едва я коснулся цветка, как ощутил дурноту, боль, резкий укус в шею.

Я открыл глаза. Лисса сидела верхом на мне и сжимала челюсти на моей шее снова и снова. Я инстинктивно дёрнулся, стараясь оттолкнуть её прочь. Мышцы были напряжены, глаза расширились.

Она залилась громким смехом и откинулась назад, но я удержал её за талию.

— Что ты творишь, женщина!?!— Решила действовать на

опережение.

Черт... Я осмотрел её зубы, надеясь, что дозировка моей крови была недостаточной для её обращения, но нет. Мой нос бы учуял это, её запах бы сменился.

— Ты... Ты на вкус как человек. Я имею в виду, твоя кожа... — пытаюсь пошутить, Лисса замялась, и кончики её ушей порозовели.

Я усмехнулся, а потом усилием воли вернул на лицо свою обычную дерзость.

— Ты ожидала яблочное варенье? — я насмешливо вскинул бровь.

Нервно одернувшись и спрятав лицо за волосами, она огрызнулась:

— Ожидала не отравиться трупным ядом!

Я сощурился, пытаюсь понять, попала ли она в точку случайно или сделала отсылку на то, что я вампир, но взорвался коротким, искренним смехом.

— Трупный яд? — переспросил я, всё ещё хихикая. — Ох, дорогая, если бы было так, ты бы уже в бреду бегала по лесу с красными глазами.— Проверим? М? Моя радость?

— Повтори это ещё раз, — прошипел я почти игриво, наклоняясь к самому уху. — Сделай попытку, попробуй меня снова и... посмотрим, кто из нас быстрее.

Едва я договорил, она дернулась, пытаюсь снова меня уку-
сать, но я перехватил её за волосы и опрокинул голову назад.

Пауза. Я глубоко вдохнул.

Дороги венки разлились под тонкой бархатной кожей, умоляя испить их, шрамы от чьих-то уродливых клыков, запаха тёплого августовского заката.

Пульс участился.

Всё моё тело защищало от хищного предвкушения.

Мне хотелось переломить эту шею, чтобы впитать всю кровь сразу, разломить эту прелестную голову и ощутить тот чёрный пожар души, что пылает в её сердце, когда я буду раздирать на части её хрупкую грудную клетку.

Я крепко зажмурился и силой оторвался от её шеи, в которую почти вонзил клыки. Она выдохнула, когда я отпустил её волосы, которые, похоже, оттянул слишком сильно. Девушка перекатилась, и я встал, протягивая ей руку, чтобы помочь подняться.

Солнце ещё не зашло, но я больше не видел смысла играть этот спектакль. Находиться тут с ней наедине было просто невыносимо.

Ещё чуть-чуть — и я бы обглодал её ребра.

Тишину нашего следующего похода она не решалась нарушить.

Что-то в Лиссе было не так.

Нет, это не новость: с самого начала с ней было что-то не так.

В её фундаменте был надлом — крохотная трещина, что ползла всё дальше, из-за которой каждый порыв ветра мог разрушить строение. Но, кажется, с момента начала наше-

го маленького путешествия таких трещин становилось всё больше.

— Ты собиралась стать вампиром и поэтому укусила меня? — догадался я, ведь уже был знаком с такими историями. — Это естественное желание, — она буднично пожала плечами. — Кто хочет быть скотом? Эта идея была абсурдна... Судя по тому, что ты сказал, люди ведь как-то стали вампирами? И я подумала, что может это сработает. Рисковать стоило.

Хорошо, что она не понимала, насколько близка к истине. Хотя моя кровь для этого, конечно, была не годна, она с большим успехом могла бы подарить ей вечное забвение. Я притормозил, позволяя ей пройти вперед.

На её бедрах гордо качались четыре клинка. Конечно, я знал, куда они пропали, но она сделала это так нежно и аккуратно, что я не мог не оценить её навыки карманника. Вид её хрупкого тела снова разлил во мне волну голода.

Святая из церкви всплыла перед глазами — холодный камень, чистый лик, застывший во времени. Она была образом того, что мы теряем, идя по пути клыков и голода. Я задумался: может быть, выбор не так прост, как думала Лисса? Может, не всегда стоит выбирать быть монстром?

Но не мне читать ей нотации.

Она остановилась. — Прости, — сказала она абсолютно неискренне, но вдруг сблизилась и протянула руки для объятий. Я удержал её за плечо, отстраняя.

Мы вышли на дорогу. До города оставалось недолго, и большую часть пути Лисса ехала верхом, запрыгнув на мою спину. Я торопился и надеялся, что случайный бродяга или путник выиграет для неё немного времени. Вся концентрация была вложена в то, чтобы удержать трезвое сознание, но мысли о мясе, о крови, о мозгах и сочном сердце прорывались.

Наконец мы вышли в пригород — бедный и захламлённый, в отличие от центральной части, представлявшей собой единое мрачное куполообразное строение, защищённое от света, с потрясающими башнями и шпилями.

Здесь жили отбросы, кому не посчастливилось быть изгнанными с земель Каллисто, изгои среди изгоев. Я нашёл тихий закуток и усадил Лиссу на деревянные коробки. Закрыв пространство за собой, чтобы никто даже случайно не мог её обнаружить. — Сиди тихо, ясно?

Она молча отвернулась. Злится? Обижается? На то, что я не обнял её? На то, что собираюсь продать? Нет... Что-то другое... Но сейчас я не мог тратить время на раздумья. Я завалил проход с двух сторон, чтобы никто случайно не смог найти её.

Неблагополучный район встретил меня вонищей тухлой крови и мокрой гнили. Узкие улочки были завалены мусором, в котором копошились крысы, и ещё более жалкие твари — вампиры, павшие до упырей, потерявшие облик и гордость. Их глаза горели пустым голодом, как у зверей, знаю-

щих только один инстинкт.

Я шёл, не таясь. Моя дорогая одежда была порядком потрепана дорогой по лесу, однако мне понадобились бы столетия скитаний, чтобы стать похожим на них.

— Эй, — раздался сиплый голос сбоку. Из тени вывалился первый — худой, вытянутый. — Золото? Кровь?

Я не успел ответить. Из подворотни выскользнули ещё двое. Они окружали меня, как псы, обнажая гнилые зубы и дешёвые клинки.

— Голод, голод, поиск! — сказал старший, сделав шаг ближе.

Они думали, что поймали жертву.

Мир резко сменился оттенком. Я чувствовал, как хищная часть во мне поднимала голову, вытягивала когти, скользила под кожу. Я позволил ей. Слишком долго я играл сдержанного, слишком долго обходился крошками.

Первый вскрикнул, когда я вонзился ему в горло, вырывая кусок мяса зубами. Тёплая, густая жидкость разлилась по моим губам, потекла по подбородку. Остальные рванули в стороны — и я был везде сразу. Разорвал, порезал, впечатал о стену, сжал череп, пока он не хрустнул, как орех.

Их крики быстро стихли, уступая место влажным звукам рваной плоти. Я жрал. Не пил, не пробовал — именно жрал, будто сам превратился в зверя.

Наконец тяжёлое дыхание вырвалось из груди. Я облизал запястье, вытирая лицо, но кровавые разводы всё равно оста-

вались. Это было... облегчение. Неряшливое, дикое, но настоящее.

Я поднялся, расправил плечи и накинул плащ. Не стал рыться в их карманах — зачем? У них ничего не могло быть ценного. Я насытился. Этого было достаточно.

И поспешно вернулся к Лиссе.

Переулок встретил меня тишиной. Там, где я оставил Лиссу, пусто.

Я застыл. Холодная мысль прошла сквозь голову: она ушла. Или её увели.

Когти снова выскользнули, хотя я заставил себя спрятать их. Я не мог поверить, что позволил — что осмелился — оставить её одну.

В горле встал ком. Ну что ж, найду другой способ добыть деньги. Заберусь в дом, заберу золото — получится даже больше, чем с продажи фляжки. Всё равно мне предстоит перебить всю стражу в этом зловещем месте.

«Прекрасно, ушла. Разумно!»

Я откинул коробки в сторону, те с грохотом развалились на щепки.

«Но не посреди же вампирского логова!» Кулак пробил деревянную стену города.

Я привалился к мешкам, набитым тряпьем и мусором. Городское смрадное дыхание било в ноздри: гниль, перегар, тухлое мясо. Но сквозь этот адский запах прорезался тонкий цветочный шлейф. Я напрягся.

Из-за угла послышалось щебетание — голос Лиссы, но не привычно дерзкий и насмешливый, а тихий, почти девичий, нежный. К этому звуку примешался грубый баритон — тяжёлый, тянущий, как болотная жижа.

Я замер, оставаясь в тени.

Она вышла первой — лёгкая, тонкая фигура, прячущаяся в моём плаще. Только вместо того чтобы держаться настороженно, она хихикала, чуть приспуская ткань с плеча и обнажая острые плечи.

А за ней вышел дряхлый упырь — сгорбленный, с выцветшими глазами, в которых пылал лишь голод; язык облизывал потрескавшиеся губы. Он уже предвкушал трапезу, цокая зубами, будто прикидывая, как глубоко войдут клыки.

Он наклонился, его тень легла на её шею, и я уже сделал движение, готовый сорваться...

Но в следующий миг Лисса дернулась — и два ножа блеснули в её руках. Первый удар вошёл ему в глаз с таким звуком, будто лопнула сырая ягода. Второй — в другой глаз, ещё глубже, с хрустом и брызгами чёрной крови.

Упырь завыл, но крик сорвался на хрип.

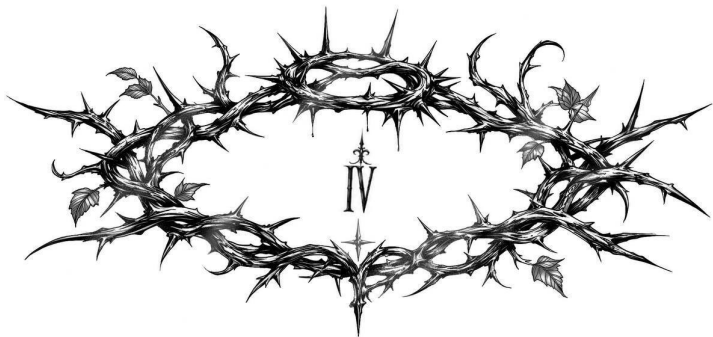
Она не отступила, наоборот — словно обезумев, прыгнула на него сверху, вонзая ножи снова и снова. Раз, два, три — удары падали по лицу, шее, груди, срывая клочья плоти и заливая её саму.

Её взгляд резко скользнул на меня, и лишь после медленный поворот головы догнал его. Лисса встала, её милое лицо

орошали брызги крови, по щекам тянулись тонкие алые линии. Тело тряслось, но не от страха, а от удовольствия.

— Куропатка, — хихикнула она, качнув головой в сторону хрипящего тела. — Сама забежала внутрь, глупая пташка.

Глава 4. Тропа костей. Лисса

Я забрала с трупа арбалет и покрутила в руках, прикидывая вес, и зацепила за пояс. Впервые я чувствовала себя так хорошо. Волны энергии пробежали по телу. Кровь и этот звук — хрип твари, истекающей чёрной жижой под моими ногами.

Моё дыхание остановилось. Не от ужаса.

От чего-то гораздо хуже.

Возбуждения.

И мне хотелось ещё!

В моей жизни не было жизни. Смерть. Смерть. Смерть. Бегство, прятки, сопротивление... И теперь я наконец ощу-

щаю силу.

Кадериан остался на месте, он смотрел на меня с непониманием. В том, как он пытался скрыть от меня свои приёмы пищи, было что-то постыдное — сожаление к собственной природе монстра, которой я завидовала. И мне хотелось показать, что я принимаю его.

Я стояла у кряхтящего вампира и выжидающе смотрела на своего спутника. Мне очень хотелось порадовать его в ответ за то, что он охотился для меня, но на его лице было выражение хозяина, которому кот приносит половинудохлой мыши.

Поняв, что мой дар не был принят, я улыбнулась, пнула окровавленное тело, схватившее меня за ногу, и, перешагнув через него, подошла к Кадериану. Моя рука сама погладила его по щеке, размазывая кровь.

— Нам бы... умыться.

Кадериан карикатурно вскинул брови.

— Тебе бы умыться, — он положил руки на моё лицо и растёр большими пальцами следы крови. — Между прочим, ты могла заразиться вирусом зомби, так что не советую тебе облизывать твои милые губки, глупая девчонка.

— Тебе бы тоже не помешало!

— Не выдумывай, — он обернулся, оценивая близость главных ворот, и нетерпеливо затопал ногой.

Я отстранила руку.

— От нас воняет!

— Я просто... сохраняю естественный аромат выживания! Это часть образа, понимаешь? Дикая и загадочная личность, а не какая-нибудь размалёванная куртизанка из города!

Теснившиеся в тёмных углах улиц упыри шептали:

«Кровь».

«Запах».

«Другой».

«Примесь».

Кадериан быстро поднялся, отряхивая свои тёмные брюки от сцепленной на кармане челюсти, и посмотрел на меня сверху вниз, прищулив светлые глаза на отступающих подальше упырей.

— Действительно, лучше умыться, — заключил он. — И вообще, хватит на меня так смотреть. Сонный вид тебе не идёт, милочка. Давай, пока прохлада окончательно не превратила тебя в ледяную статую.

Он был прав. Несмотря на внутренний восторг, я чувствовала себя помятой: сон был обрывистым, нога ныла от долгого пути, мышцы затекли от сна на камнях.

— Я знаю один пустой дом, — я юркнула в узкий проход, убедившись, что вампир следует за мной.

Деревянное высокое строение с колоннами стояло у окраины Улья, огороженное забором.

— Откуда тебе известно, что он пустой?

— Ну... я надеюсь, что тот упырь жил тут один. Когда я

выследила его, он как раз возился с замком.

— Стоит вернуться за ключом.

— Нет нужды.

Я присела, оглядывая скважину, и, вытащив отмычку из кармана комбинезона, завозила с замком.

— И всегда ты носишь с собой воровские инструменты?

Я кивнула и сосредоточилась на ритме выемок внутри замка.

Щелчок.

Дверь заскрипела, и я, довольная, подскочила, ожидая похвалы от Кадериана, но он лишь запрокинул голову, оценивающе глядя на меня.

Ну же! Смотри, какая я полезная!

— Откуда такие навыки?

— Меня часто наказывали и запирали где попало.

— Не удивительно, — Кадериан первым вошёл внутрь.

В сенях висели несколько плащей, изъеденных молью, и пара сапог, покрытых слоем пыли настолько плотным, что казались вылепленными из серого войлока.

В центре большой комнаты — длинный дубовый стол стоял посреди помещения, застеленный истлевшей скатертью, а на нём — оплывшие свечи в потускневших серебряных шандалах.

Кадериан присвистнул.

— А хорошо он жил для упыря.

По стенам — трофеи: щиты с гербами, скрещённые клин-

ки, потемневшие от старой, давно засохшей крови.

— Хм, я считала, что упыри вроде как безмозглые.

— Это правда лишь отчасти. Они сохраняют бытовые привычки. Многие зомби, кстати, тоже не лишены этой глупой человеческой рутинности.

— Он коллекционировал оружие при жизни?

Кадериан прошёл вглубь и заглянул в соседнюю комнату. Я прошла следом. В ней было несколько столов: часть завалена бумагами, часть — металлическими брошками. Вампир взял одну из них и покрутил в руках.

— Судя по орденам и наградам, владелец дома не меньше чем военачальник. Теперь я жалею, что не принял твоё подношение, дорогуша, — он откинул перстень в сторону. — Вряд ли в нём было то, что мне нужно, но, может быть, в нём была душа воина?

— А что тебе нужно?

Кадериан оставил мой вопрос без ответа.

В соседней комнате, в спальне, на стойке стоял парадный мундир полководца: некогда алый, с золотым шитьём, теперь выцветший, с проеденными молю прорехами на плечах. Ткань казалась хрупкой, как пергамент.

— Думаешь, он участвовал в Алчной войне?

— Нет, от тех упырей остались только кости... Может, это был его правнук? Или просто какой-то несносный упырь занял чужой дом? Мы этого никогда не узнаем.

Кадериан указал на потолок, и я невольно открыла рот.

Прямо над кроватью раскинулась карта.

На пожелтевшем пергаменте, потемневшем по краям, раскинулся суровый материк, окружённый холодным, чёрным морем. Его береговая линия не знала плавных изгибов: зубчатые утёсы, разбитые волнами скалы, узкие бухты. На карте казалось, что материк находится под наклоном, и действительно, пока мы шли, казалось, что поднимаемся всё выше. Материк был буквально объят горами с запада.

На северо-западе море разбивалось на крошечные острова.

Южнее начинался западный полуостров материка. На самом мысу возвышался величественный маяк. Его яркий золотой огонь — единственное тёплое пятно на всей карте. Он освещал широкий пролив между полуостровом, главным материком и цепью крошечных островов.

Ниже стояла крепость «Шпиль». Замок словно вырос из прибрежной скалы. Его тонкие башни были настолько высоки, что получили собственное имя, а стены почти сливались с тёмным камнем берега.

Между полуостровом и материком море глубоко врезалось в сушу, образуя огромный залив.

— Мир такой огромный, — с восхищением сказала я.

— Это не весь мир. За морем есть и другие земли, но там никто не живёт. Мы вот тут, — Кадериан указал на порт по другую сторону залива, но город на карте совершенно не был похож на тот ужасный купол, который представляет собой

это место сейчас. Словно прочитав по моему лицу эти мысли, Кадериан добавил: — Раньше Улей был обычным портово-рыбацким городом, с рынками и сельским хозяйством. Теперь он занимается поставкой еды на фермы. Уж не знаю, вдохновило ли местных бездарных архитекторов название или просто так совпало.

Вампир посмотрел в окно на колодец.

— Я принесу воды, — он качнул головой в сторону старого умывальника. — Не сбегай в этот раз.

От стали в его голосе я довольно ухмыльнулась. Он явно торопился, но в то же время тянул время, и хотелось верить в то, что это происходит из-за меня.

Я откинула покрывало и забралась в кровать. На удивление, она выглядела нетронутой. Наверняка упырям, как и зомби, не требовались сон и отдых.

Но, кажется, судя по карте над кроватью, хозяин этого места и при жизни покоя не знал.

Замки не повторяли друг друга: где-то они напоминали огромные соборы, где-то — неприступные крепости, а где-то — древние родовые поместья. Между ними извивались дороги, среди холмов были разбросаны деревни, часовни, руины, мельницы, посёлки и одинокие сторожевые башни. Тёмные хвойные леса чередовались с каменистыми грядами.

Восточная часть материка постепенно менялась. Леса становились реже, земля темнее, деревни исчезали, и наконец появлялась необычайно огромная белая стена.

Она начиналась примерно в центральной части восточного побережья и, извиваясь среди холмов, спускалась к югу, не доходя до северных земель. Это была настоящая граница между жизнью и смертью.

За стеной начиналась территория, обозначенная как Земли мертвецов.

Мой взгляд опустился на стопки писем под столом — прогнивших и превратившихся в один смятый комок бумаги.

Упырь был не первой моей жертвой и теперь я была уверена, что не последней. Может, мне стоило показать раскаяние за убийство? Всё же он не совсем труп, но... игры утомляли, холод покалывал кожу, и я свернулась калачиком, с брезгливостью откинув в сторону пыльное, грязное одеяло.

Усталость стекала по коже волнами, и я совершенно не заметила, как меня унесло в сон.

Когда я очнулась, я больше не дрожала. Кадериан лежал рядом, его лицо было близко к моему и совершенно очаровательно. Хотелось его укусить и поцеловать одновременно.

В камине горел огонь, заливая комнату теплом, а меня укрывал его плащ. В кармане штанов торчал край листа, который казался мне безумно любопытным.

Во сне Кадериан практически не дышал, хотя вампиры обычно прогоняли воздух, чтобы чувствовать запахи.

Медленно я протянула руку к бумаге и выудила её из кармана, стараясь не двигаться и не дышать.

Белый лист развернулся перед моими глазами вверх кар-

ты на потолке, и наконец я смогла разглядеть его внимательно.

В тот самый момент, когда я очнулась посреди леса, я поняла, что хочу стать не просто свидетельницей, а участницей тех разрушений, что ему предстоят.

Слабый свет едва освещал список: в нём было зачёркнуто несколько известных мне имён — сутенёрша, пропавшая пару лет назад, разыскиваемый вор, подружка Крокуса, что исчезла ещё до нашего с ним знакомства.

Кадериан в тот момент свернул список и спрятал его сразу же, как только понял, что я проснулась.

Ещё раз убедившись, что он дремлет, я решила изучить его план повнимательнее.

«Семья портного. Местоположение: прибрежная часть Праховодья» (вычеркнуто).

«Дворцовый могильщик» (вычеркнуто).

«Серийный вор по прозвищу Тень. Местоположение: ?» (вычеркнуто).

Далее тянулись многочисленные зачёркнутые имена или придуманные самим Кадерианом прозвища...

За последние пять лет в знатных кругах погибло много вампиров. Лира и Крокус обсуждали это не с подозрением, а со злорадной радостью.

Загадка десятков громких убийств и исчезновений лежала сейчас со мной в одной кровати.

Его лицо казалось почти ангельским, с этой россыпью

светлых ресниц и неожиданно контрастных бровей, но таким, словно жизнь выкачала из него все краски. Даже на фоне этого мрачного мира Кадериан казался очень однотонным.

И этот обаятельный идиот методично идёт по головам самых известных кровопийц.

Я с интересом перешла к именам, которые ещё были свежими, не тронутыми, но уже запланированными.

«Эсторн. Местоположение: Улей».

Так мы тут не просто так...

«Траппист. Местоположение: земли Венеры. Замок Шпиль».

«Творец Вирго. Местоположение: неизвестно».

«Графиня Венера + три графа пса. Поместье Венеры».

На карте эти места пятнами лежали у маяка на северо-западе. Имена звучали знакомо, но я ничего не могла вспомнить о них. Однако неожиданно карта со скучными названиями превратилась в путь крови и убийств.

«Справа пометка: заглянуть в банк крови на юге».

Я подняла глаза и проследила маршрут. Казалось, это было совершенно не по пути, но во всём этом, начиная с простых слуг и заканчивая графами, прослеживалась явная иерархия, так что, скорее всего, без предыдущей жертвы нельзя было получить следующую.

Большинство имён были скорее набором букв, но я внимательно проследила весь путь на карте.

«Княжна Морова. Местоположение: Вельскар».

Этот город лежал почти посередине материка, с небольшим смещением к востоку. Его огромный кафедральный собор с зеленоватыми медными крышами господствовал над окрестностями, а дороги от него раскинулись рукавами по всему матерiku.

Вельскар выглядел самым живым и самым цивилизованным местом карты.

«Люцис. Северный замок».

«Королева».

«Король?»

Я нашла глазами северные земли, чтобы представить, насколько я далеко от дома, и я была далеко. Это приносило чувство странного успокоения.

Северный замок — величайшая крепость королевства. Позади него скрывалось огромное озеро правильной формы, полностью окружённое высокой каменной стеной.

Последнее имя в списке было:

«Каллисто».

И что-то в этом звучании вызывало комок в груди. То ли то, что под звуки песни о нём Крокус едва не расправился со мной, то ли детские страшилки...

Для фляжки не было ничего страшнее, чем оказаться во служении первого вампира, и, хоть нянечки и успокаивали нас, что Каллисто никогда не брал фляжек, страх всё равно оставался.

Замок Каллисто был на самом юге. Это была мощная цитадель из тёмного камня, построенная на прибрежных утёсах. Её стены были массивнее остальных крепостей, башни шире, а архитектура казалась более военной, чем дворцовой.

Несколько дорог расходились отсюда по всему матерiku, словно артерии.

Справа, в конце списка, была пометка:

«Выяснить, говорил ли могильщик правду о Красном острове».

Кровать чуть прогнулась, и я быстро спрятала лист под плащ и тут же провела рукой по бедру Кадериана, пытаясь замаскировать объятиями возвращение списка.

Его мышцы напряглись под моими руками. Я прижалась щекой к его вздымающейся груди, и он медленно опустил глаза. Казалось, это внезапное проявление нежности буквально выбило почву у него из-под ног.

Он осторожно опустил ладонь на затылок, и я почти замурлыкала.

— Дорогая, я не твоя плюшевая игрушка, не нужно так цепляться за меня, — предостерёг он.

— М? — я прикрыла глаза, изображая сонливость, и потянулась, едва ли не зарядив рукой по его высокомерному носу. Он ловко уклонился, подняв бровь.

— Осторожнее, милочка, это лицо — единственное, чем стоит любоваться в этом доме.

Кадериан поднялся, и я выдохнула, что мои пальцы были

достаточно ловкими, чтобы вернуть список на место.

— Приведи себя в порядок, а я поищу что-то съестное.

Я подошла к ведру с тёплой водой и поёжилась. Живя за-творницей в замке, забываешь, как такие простые вещи могут стать роскошью.

Но я не должна допускать, чтобы мой прекрасный серебря-ровласый вампир смотрел на меня в таком виде.

Может, поэтому он всё ещё хочет продать меня?

К вечеру мы наконец зашли под купол.

«Добро пожаловать в Улей».

Глава 5. Объятья монстра. Лисса

Передо мной раскинулся город, какой я раньше видела только во снах — мрачный и величественный, словно выросший из самой тьмы. На Севере, в столице Мортианны, где я жила с Крокусом, было множество замков, соединённых между собой подземными переходами; здесь же проблему солнца решили иначе.

Узкие улицы вились между высокими зданиями с заострёнными башнями и арками, упирающимися в деревянное небо, каменные фасады которых почти полностью скрыва-

лись в тених. Сквозь густой навес сводов и навесных деревянных мостов, связывающих дома, пробивались лишь редкие лучи, дрожа на влажных булыжниках. В воздухе висел запах древнего дерева, камня и дыма. Фонари с чёрными решётками горели тусклым золотым светом, бросая длинные тени на старые двери и резные ворота.

Я шла за Кадерианом по булыжной мостовой, и мои пальцы касались холодного камня стен. Всё было одновременно чужим и невероятно притягательным.

И вот наконец мы прибыли к шумной таверне. Пьяные тела, громкая музыка, звуки веселья — но в противовес этому во мне закралась грусть. Я свернула плащ и осторожно вернула его Кадериану, ощущая, как в ладони остаётся тяжесть. Наши пальцы соприкоснулись — его руки были холодными, но крепкими. Он сжал сильнее, чем требовалось.

— Не время прощаться, — его голос был спокоен, но отстранён и холоден. — Мне ещё нужно найти дурака, что тебя возьмёт.

Я посмотрела на него, пытаюсь сохранить в памяти его холодную внешность. Высокий, худой до нездоровья, но рельефный — словно живёт не на еде и крови, а на цинизме и шутливых угрозах. Кожа обманчиво белая... будто не видела солнца годами. Глаза серые. Серебро в кольцах кудрей... В груди защемило. Он не позволял себе слабость, не показывал привязанности. И это делало его ещё более непостижимым.

— Полгода, — отрезала я, отдав половину своей жизни за

разрешение провести её с ним.— Что? — Он недоверчиво свёл брови, будто не расслышал.— Оставь меня на полгода, — повторила я чётко.

Он отрицательно качнул головой, и его рука отпустила плач. Я почувствовала лёгкое облегчение и одновременно пустоту. Пол года мне бы с лихвой хватило, чтобы запустить корни в его органы, оплести корнями его сердце и стать драгоценной, но... — Идём, — Кадериан открыл передо мной дверь шумной таверны.

Бар был полутёмным. Запах старого дуба, табака ипряного алкоголя смешивался в густую, почти осязаемую атмосферу. Я села на стул, свесив ноги. Кадериан кинул на бар несколько серебряных монет и выбрал три бутылки дорогого вина. Красная жидкость разлилась в бокале передо мной. Ранее я пробовала алкоголь только маленькими глотками; впрочем, Крокус всегда говорил мне, что я неспособна оценить вкус по достоинству, так что нет смысла переводить это на меня.

Кадериан сел рядом, плечо касалось моего, и по спине прошла дрожь.— Видишь их? — Он кивнул на пару человек у дальнего столика. — Первый — самодовольный, такие, как он, никогда не признают, что не правы; у них весь мир виноват. А его друг, кажется, вспыльчивый, — и будто в подтверждение этого бородатый вампир ударил по столу.

Я допила содержимое бокала, и бармен тут же долил мне ещё. Он странно прищурился, но быстро отвёл взгляд, когда

я им заинтересовалась. Мой спутник качал вино по стенкам, рассматривая гостей, и под такт музыки качал ногой.

— Смотри на этого. Любит командовать. Для тебя — катастрофа. А эта, — Кадериан понизил голос до шепота, увёл из-под руки вампирши по соседству бокал, выпил одним глотком и поставил на место, — слабовольная. Даже количество выпитого алкоголя контролировать не может, тебя выпьет за несколько минут. — Опустив глаза на пустующий бокал, она не удивилась и прокатила его по стойке к бармену.

Меня раздражало, что он смотрит на других, но льстило то, что его взгляд всегда возвращался ко мне. — Этот? — я кивнула на высокую фигуру в расстёгнутой рубашке, направлявшуюся к фляжкам, прижатым к бару. Они еле стояли на ногах, но всё равно игриво смотрели в сторону Кадериана. — Бессердечный. Любит власть, но не заботится о последствиях. А твой хозяин... Он не должен быть просто сильным. Он должен понимать, что с ним — не игрушка. Ни один из них не подходит.

И всё же он ищет для меня хорошие руки, а не просто стремится втюхать подороже, да побыстрее, а может, и вовсе не отдаст? Надежда забилась в груди.

Рядом со мной, едва не промазав мимо стула, плюхнулось полное тело. Я бы даже не подумала, что он вампир, если бы не его широкая добродушная улыбка с длинными клыками. — Приветствую, — сказал он. — Можно присоединиться? — Прошу, — коротко кивнул Кадериан, вниматель-

но прищурившись, но тон был нейтральным.— Сириус, — он протянул руку сначала мне и пожал, поцеловав пальцы, а затем крепко пожал руку Кадериану.

Мы быстро начали распивать тёмное, почти густое вино, которое давало лёгкое тепло и расслабление. Сириус говорил легко и без напыщенности, смешно рассказывая истории о знакомых и знакомых знакомых. Затем он пролил бутылку вина, чем вызвал раздражение Кадериана, но, поскользнувшись в той же луже и прокатившись на заднице под барной стойкой, сменил его гнев на смех. Он начал вставать, подняв руки, демонстрируя, что с ним всё в порядке, и ударился об столешницу, едва не разбив ещё несколько бутылок.

— У тебя такие маленькие клычки! — сказал он, умиленно глядя на меня, поднимаясь с пола.— Хочешь поговорить о размерах? — огрызнулась я, осушая четвёртый бокал.— Оу, нет, я не хотел вас обидеть, я люблю, когда у женщин маленькие... — он осекся и закрыл лицо руками, понимая, что лишь глубже зарывается.

То ли он был уже порядком пьян, то ли впрямь дурачок. — Этот, — отрезал Кадериан.

Я вопросительно оглянулась и возмущенно поджала губы. Он встал и приобнял Сириуса, как старого приятеля.

— Лисса — настоящая жемчужина. Она не вампир, мой пьяный друг, она — фляжка! Одна из самых ценных во всём королевстве: миролюбивая, дружелюбная, выносливая, надёжная, никогда не возьмёт чужого, верная, не оставит тебя

даже если вы будете посреди бури, а ты едва живой — пожертвует последней каплей крови! — Я отвела глаза в сторону, чувствуя в его словах слишком много иронии. — А её кровь, ммм... каждый глоток опьяняет!

Сириус понимающе кивал головой и улыбался, то ли обнимая Кадериана, то ли держась за него. Мой спутник усадил потенциального покупателя обратно на стул и встал перед ним, чтобы показать весь свой актёрский спектр.

— Но... к сожалению... — Он сделал несколько глотков из бокала, будто заглушая внутреннюю боль. — Наши пути расходятся... Моя дальнейшая дорога слишком опасна. И я боюсь... боюсь, что не смогу уберечь мою прекрасную Лиссу, мой драгоценный сосуд!

— Ох, мне так жаль, — Сириус положил руку на его плечо и понимающе закивал, хотя явно не понимал, к чему всё ведёт, а затем жестами показал бармену налить чего покрепче Кадериану за свой счёт.

Как только у бара появился гранёный стакан, серебряная голова поднялась, он стер несуществующие слёзы со своих глаз и вцепился в выпивку.

— Но, к твоей удаче, мой драгоценный, сегодня ты в правильное время, в правильном месте, можешь получить Лиссу в своё служение.— Ох, право, я не заслуживаю такой принцессы. Хотя, по правде сказать, мне бы пригодилась фляжка, — он вытер капли виски со своей щетины.— Сто золотых, — произнёс Кадериан спокойно, но твёрдо.

Сириус слегка покраснел и почесал затылок.— Но у меня есть только пятьдесят... и немного мелочи.

Кадериан не спешил отвечать. Он сделал лёгкий жест рукой, будто осматривая меня с головы до ног, оценивая.

— Хорошо, — наконец сказал он с лёгкой улыбкой, — пятьдесят, выпивка и ночлег за твой счёт.

— Но это все мои деньги! — взмолился толстяк.— Зачем деньги, когда есть кровь!

Вампиры пожали руки.

Я смотрела на это, на играющие тени от света факелов, на которых вампиры танцевали какой-то невиданный дьявольский танец, и злость подступала к горлу вместе с тем, как алкоголь бил в голову. Я достала из кармана охотничьего костюма серебряный крестик, который на подступах к городу выкрала из кармана Кадериана.

Я знала, кому он принадлежал. С тех пор как Овс стал любимчиком Лиры, она задаривала его разными безделушками, и это был её первый подарок.

Сердце защемило — не от того, что я была слишком привязана к Овсу, но ему едва исполнилось восемнадцать, и он явно не заслуживал такой смерти. Кадериан наверняка просто разорвал его, как и всех прочих участников охоты... В чём тогда вообще смысл? Рождаться? Жить? Мучиться пятнадцать лет на ферме, а затем терпеть дуру вроде Лиры?

На сцене бард пел незнакомую мне историю, а вампиры вокруг кучно подпевали.

«До алчной войны, до тумана, Где вода холодна словно лёд,
Без тени греха и обмана Прекрасная дева живёт.

Её называли Венерой тогда, Сияньем, дарующим свет. За сердце её, за улыбку, года
Падали рыцари в бред».

Музыка стелилась по комнате, пьяные гости качались в такт. Кадериан и Сириус весело болтали о каком-то крабовом пойле, особом алкоголе для вампиров, что сбивает с ног, совершенно не обращая внимания на меня. Я встала и протиснулась в толпу.

«Один засеял под башней цветы — Лилии, белый снег. Другой подарил ей маки мечты, Что жгут, как запретный грех.

А третий — синий, как небеса, Васильковый ковер стелил. И каждый, склоняясь, шептал слова: «Я за тебя бы убил».

Но сердце молчало, как замок без ключа, А время стекало, как воск. Когда изувечила кожу свеча, Любовь их сменилась на злость.

Она написала три письма — Просила не приходить. Лишь псов им отправила — верных сама, Чтоб память её сохранить».

Вампиры в баре весело гудели, подпевая старинную историю, а в моих глазах пылала злость, пока я пробивалась к барду.

«Но рыцари псов убили в ночи, Чтоб нести не могли проказ. А ветер по полю тихо кричит, Что верность — не вечный сказ.

Венера пошла к воде босиком, Страдания в ней утопить. Праховодье взяло под венок, Вернуло, чтоб отомстить.

В тот миг потухло солнце, Графы исчезли — без следа. Лишь цепи звенят в её дворце, И лай до рассвета слышен всегда».

Я достала смятый клочок бумаги и вышла на сцену.

«Так выпьем за тех, кто любил красоту И сгинул в её руках. Так выпьем за тех, кто пал в пустоту, И ветер развеял их прах».

Бард сделал паузу перед следующим куплетом, продолжая перебирать струны лютни. Он обернулся ко мне и прошипел: — Шоу фляжек уже закончилось!

И тут же получил пинок в спину. Бард упал со сцены прямо в руки пышной вампирше, и та громко загоготала. Музыка пришел конец.

В бар ворвался ветер, развеяв мои волосы, огонь задрожал. Пьяные взгляды начали липнуть ко мне, разговоры и звон бокалов постепенно стихли. Я развернула лист, который вырвала из церковной книги, подняла крест и громко зачитала:

«Да восстанет Свет над мраком, И кровь святая затмит жажду нечистую! Да падут тени, и да обратится прах в прах, А души проклятых обретут суд свой! Сила креста да изгонит пиявицу ночи, И имя Господа да станет клинком в сердце тьмы!»

Мои глаза горели пламенем. Я оторвала взгляд от листа,

представляя, как все они вспыхнут, оставив после себя лишь горстки пепла.

— Аминь!

После секундной паузы бар взорвался смехом. Вампиры покатались по столам и упали на залитый алкоголем пол. Я ненавистно прищурилась; чьи-то руки обхватили меня за плечи и повели к лестнице. Там меня поджидал Сириус.

— Да с ней не соскучишься!— Не то слово! — сказал Кадериан, впервые не солгав о моих талантах.— Что ж... Я обещаю быть заботливым хозяином и не переходить черту. Спасибо, что показала, что с тобой шутки плохи, Лисса, — пожурил пальцем Сириус и протянул мне руку.— Завтра, — отрезал Кадериан.— Ох, конечно, я понимаю, — Сириус сочувственно закивал, и эта его привычка начинала порядком раздражать. — Вам нужно попрощаться.— До завтра, мой драгоценный друг!

Едва Кадериан развернулся, он подкинул мешок с деньгами и, продолжая держать меня за плечи, поднялся со мной по лестнице. Нас встретил длинный коридор с кучей спален для ночлега.

— Крест украла?— Краденое не считается краденым, — я крепче сжала цепочку в руках и кинула злой взгляд на Кадериана.

Он внимательно осмотрел моё лицо.

— Я забрал только крест, но оставил ему жизнь.— Правда? — сначала во мне разлилась радость, а затем тревожные

мысли.— Совсем не обязательно, что он выжил, может его сожрали зомби...

Мы дошли до нужной двери в самом конце, куда почти не доходили звуки пьяного веселья с первого этажа, и он кинул мне ключ.

— Можешь оставить крест себе. Кто знает, может, он и впрямь убережёт тебя от чего-то. Я отпускаю тебя — больше я не твой хозяин, женщина, — сказал он твёрдо, отсекая меня, и с горькой усмешкой добавил: — Побудь хоть одну ночь свободной.

— Кадериан?— Да, дорогуша?— Я хочу поблагодарить тебя за помощь и за то, что за всё это время ты так и не коснулся моей шеи.— Не коснулся? Так значит, те зверства с твоей шеей сделал не я? — сказал он тихо, будто обращаясь не ко мне.— Всё в порядке, если я не в твоём вкусе... — я облокотилась на стену и опустила взгляд, стыдясь. — Мне просто больше нечего тебе дать.

Он резко обернулся ко мне, его глаза вспыхнули — не голодом, а чем-то острым, почти болезненным. Голос дрогнул:

— Не в моём вкусе? Ты? Да ты... вся как отравленный эликсир — сладкая снаружи и ядовитая внутри.

Он сделал шаг ближе, стукнул бокалом по двери за моей спиной, разбивая его.

— Меня бесит, что твоей шеи коснётся этот идиот! Но и я не делал этого не потому что не хотел, а...

Он дрожал — то ли от количества выпитого алкоголя, то

ли от того, что был таким уязвимым. Я перехватила его пальцы и переплела со своими, притягивая к себе.

— Тогда раз сегодня ровно одна ночь, когда я свободна выбирать, — я оттянула ворот костюма, оголяя ключицу, — я хочу довериться тебе и хочу, чтобы ты тоже себе поверил.

— Нет... нет! — резко отвёл голову, будто пытаюсь убежать от моих слов. От мысли, что ещё миг — и он не сможет остановиться. — Ты не знаешь, чего просишь... и не знаешь, как это опасно для тебя. Ты умрёшь или того хуже... — Пусть так, — я пожала плечами. — За последние несколько дней я прожила с тобой жизни больше, чем за всю предыдущую, и если сегодня она закончится, это будет хороший конец.

Слова повисли в воздухе — тяжёлые, простые... и невыносимо красивые.

— Не смей так говорить, — прошептал он, всё ещё борясь с наваждением.

Он нависал надо мной, и мы почти касались друг друга. Я провернула ключ в двери за спиной и сделала пару шагов назад; дверь отворилась, и он упал на меня, успевая перехватить меня в воздухе и поставить руку, чтобы смягчить приземление. Он наклонился ещё ближе и положил правую руку на талию, левой запустил пальцы в мои волосы, а затем уткнулся носом в моё плечо и зарычал, пытаясь справиться с переполнявшими ощущениями.

Его губы коснулись моей кожи, и я затрепетала. Лишь влажный след после вдоха, но этого уже достаточно, чтобы

голова пошла кругом. Я провела рукой по его спине, поднимая её выше, к серебряным волосам.

У меня просто не укладывалась мысль, что я когда-либо могла так отчаянно желать, чтобы кто-то взял мою кровь и тело.

Но Кадериан...Ка-де-ри-ан!

Словно вышел из мрачной баллады. Его голос хочется слушать вечно. Вино — старое, терпкое. В нотках дымка от сгоревших библиотек и шепота запертых в башнях поэтов. Он звучит так... будто он всегда немного издевается, даже когда говорит «доброе утро». И я мечтала услышать его стоны.

Мягкие губы скользили по моей щеке до самого уха. Он глубоко вздохнул, и я прижалась к нему ближе. А этот запах... лёд и холод. Я хочу его.

Кадериан сильнее сцепил зубы и резко вдохнул, стараясь совладать с собственными инстинктами. Но это было слишком трудно. Он хотел больше. Осторожно прикоснулся большим пальцем к моей ключице, следуя тонкой вене до самого ложа, а затем дальше к основанию шеи. Провёл губами за пальцем — легчайшее касание.

— Просто хочу... ещё миг.

Он говорил так, будто торгуется с самим дьяволом, и я крепче прижималась к его телу. Его руки легли по обе стороны моего лица, удерживая себя на весу. Я замерла в ожидании и умоляюще посмотрела в его глаза, затянутые туманом.

— Убей этого придурка точно так же, как того упыришку в подворотне, если посмеет причинить тебе вред, или...
— он зарычал, руки хаотично бегали по моим волосам, приглаживая светлые пряди, взгляд застыл на моих губах, и он коснулся их нежно. — Ты та ещё головная боль. И... мне это нравится.

Кадериан резко поднялся и вышел из комнаты.

Я осталась лежать на полу, сжимая кулаки от злости и обиды. Неужели я не справилась? Неужели я что-то сделала не так? Всё как по учебнику: протестировала границы, изучила реакции, была в меру соблазнительной, милой и раздражающей, старалась накормить...

А теперь мне нужно будет до конца жизни блуждать за этим придурком, пока он в конце концов не поймёт, что я проклята. Он продал меня за полцены. Как фермерши за треть срока годности.

Кадериан понял, что я ненормальная... Я достала клинок и повертела перед глазами. Нет, другой, этот не мой любимый. Я достала третий и метнула его в потолок прямо напротив своей шеи.

Один... рукоятка дрогнула. В этом мире я лишь вещь. Два... я выжидающе смотрела на клинок. Но даже вещь недостаточно хороша, чтобы выполнять свои функции. Три... я закрыла глаза.

И в этот момент дверь с грохотом распахнулась. Клинок застыл в воздухе — не от чуда. Просто рука вцепилась в ру-

коять на полпути к горлу. Бледная. Дрожащая.

Кадериан стоял у порога, грудь тяжело вздымалась. Глаза не серые, а чёрные, как будто весь свет погас внутри.

— Ты... — голос сорвался. — Невыносимая, — он выдохнул.

Я не ответила. Просто смотрела на него спокойным, нечитаемым взглядом. Странное дело: раньше я перекатывалась прежде, чем в моей голове звучала цифра три, уходя от опасности. Неужели теперь всё потеряло смысл?

Он медленно бросил оружие далеко за спину, подошёл ко мне, опустился на колени прямо перед моим грязным костюмом и положил ладони на моё лицо так осторожно, будто я могла рассыпаться.

— Дальше со мной нельзя.

Он подхватил меня на руки и положил в кровать.— Но сегодня монстр может поохранять твой сон.

Мне было жаль разменивать последние мгновения с ним на глупую человеческую потребность, но алкоголь, тепло и впервые за долгое время мягкая кровать сделали своё дело.

Сквозь сон я слышала фразу, которую он прошептал, когда моё дыхание выровнялось:

— Если ты станешь моей слабостью — я уничтожу тебя.

Утром вставать жутко не хотелось, но головная боль вынуждала подняться. Кадериана со мной уже не было. За дверью лежал свёрток, и по записке я поняла, что это подарок от Сириуса. Внутри — чёрное бархатное платье с затянутым

корсетом, ушитое жемчугом.

Я повертела его в руках, а затем оглядела свой выпачканный костюм и решила, что по такому поводу нужно принять ванну. Кто знает, когда такая роскошь мне встретится снова.

Собравшись, я завернула мокрые волосы в низкую шишку и покрутилась у зеркала в новом облике. Платье сидело неплохо, но меня раздражали эти длинные плоские вязки бретелек — я дернула пару раз без особого энтузиазма, и ткань затрещала, но не поддалась.

Странно в этом образе смотрелись ножи и арбалет, но без оружия я не пошла. Четвертый клинок, любимый, мне так и не удалось найти. Крестик я обмотала вокруг руки как браслет.

А дополняла мой вид совсем странная вещь — плащ Кадериана, который висел у выхода. Если бы пришлось выбирать единственную вещь из гардероба, это был бы он.

Головная боль заставляла массировать виски, и я спустилась вниз. Этаж был пустым: по видимости, большая часть гостей были путниками, а значит, привыкли спать днём. Хотя за окнами была такая же темень, как и ночью, жизнь здесь кипела.

Единственной фигурой на баре уже сидел Сириус, подпирая голову рукой. Ох, похоже, ему тоже было не сладко. Он протянул мне стакан с чем-то, напоминавшим виски. Я поморщилась, а он прохрипел:

— Поможет.

Я уселась за барную стойку, сделав маленький глоток. Горло продрало, но я старалась не подавать виду.

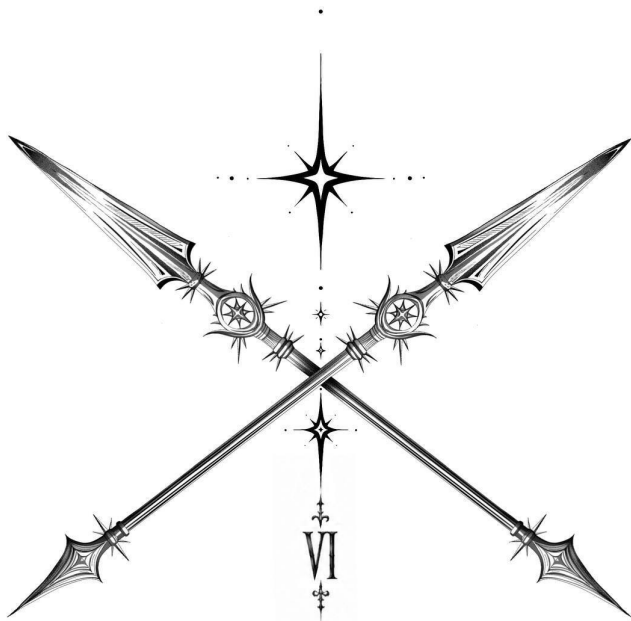
Бармен, протирая бокалы, помахал кому-то за моей спиной и указал на меня пальцем. Я думала, что там Кадериан, пока не увидела, как он спускается по лестнице в новой одежде.

Я обернулась и мгновенно протрезвела.

— О, уже нашла хозяина? — спросил Кадериан, салютуя Сириусу.— Да.

На пороге бара стоял Крокус.

Глава 6. Апостол безумия. Кадериан

Под утро я отправился в свою комнату, чтобы принять ванну и смыть накопившуюся грязь и пот с тела. Мне не хотелось осквернять её своими запахами, но когда я вернулся, дверь в комнату уже была закрыта. Я двинулся вниз быстрее,

чем следовало, и с выдохом обнаружил её у барной стойки вместе с Сириусом. Их лица были одинаково страдальчески-ми, и оба уже похмелялись.

— О, уже нашла хозяина? — пропел я.

Ещё одна человеческая причуда, о которой я забыл. Мое сердце слегка оттаяло. Я чувствовал, что Сириус хоть и редкостный болван, но добродушный, а Лисса уравновесит его беспечность. Может быть, когда я завершу все свои дела, мы снова свидимся, хотя век фляжек так короток. Редкий миг, когда я позволил себе помечтать и подумать о будущем, тут же омрачился.

В бар беспардонно ворвались.

И я почувствовал волны страха, исходящие от Лиссы. Даже меня она так не боялась при нашей первой встрече. И это разочаровывало.

— Так у нас тут джекпот, господа!

Я неприязненно поднял бровь. Рыжий мужчина в безвкусном костюме заводил в бар стражу. За его спиной стояли охранники — часть личная, часть городская. Все они продолжали заполнять комнату, и казалось, что им здесь просто не хватит места. Разве что-то ещё могло сделать это утро хуже?

— Вы их, должно быть, не узнаете, — обернулся он к стражникам. — Но эти лица весьма и весьма ценны. Позвольте показать: моя любимая фляжка-бегляжка, что оставила своего хозяина на верную погибель!

Я хищно облизнулся, обнаружив владельца тех уродских клыков, что оставили отметки на нежной шее Лиссы. Глупо приходить сюда только из-за того, что я прошлый раз его не добил — он явно ждал, чтобы я закончил дело.

За его спиной стояла моя вторая ошибка — юноша, владелец ключа, что не сводил глаз с моей пташки. По всей видимости, именно из-за него этот кретин выжил. Парень провёл рукой по волосам, и Лисса неожиданно сделала ответный жест, проведя по своей изящной причёске. Она кивнула ему, и он вышел из бара.

— Покойный, но воскреснувший бастард Короля вампиров! — неожиданно перевёл руку рыжий. — Таких серебряных волос на весь материк — Четыре головы: Король, королева Ноктилии и два принца. Поверить не могу, что слухи оказались правдивыми!

Лисса обернулась на меня и удивлённо раскрыла рот. Я вскинул руки и пожал плечами, уже собираясь перебить этого болтуна, но он неожиданно перевёл руку на Сириуса.

— Ну и это... враг двух королевств. Разыскиваемый беглец, вор и предатель короны.

Мы с Лиссой синхронно повернули головы. Мужчина испуганно захихикал и крепче вцепился в бокал, вжимая голову в плечи.

Воздух наэлектризовался.

За секунду рыжее недоразумение сократило расстояние, схватило Лиссу за шею и прошипело:

— Я часто давал тебе попробовать кровь своих жертв, а сегодня ты попробуешь свою собственную!

Я не ждал команды «фас». Что-то оборвалось внутри меня — будто не я, а сама тьма сорвалась с цепи. Вены налились огнём, мышцы ломило от переполняющей силы, и я прыгнул, снося рыжего наглеца с ног, пробормотав в гневе:

— В приличном обществе принято представляться первым, грёбаный глашатай!

Первый стражник даже не успел выхватить оружие — его позвонок хрустнул у меня в ладони, как сухая ветка. Второго я разорвал пополам, не чувствуя ни костей, ни плоти, только горячие брызги на лице. Кричали? Может быть. Но в этот момент я слышал только собственный рык — гулкий и звериный, заполнявший всё пространство бара.

Они пытались достать меня, но оружие билось мимо, а если и попадало, я этого не чувствовал, мгновенно восполняя нехватку крови. Я двигался слишком быстро — когтями рассёк грудь одному, зубами выдрал глотку другому, кровь текла по полу реками, а я всё рвал, рвал, рвал.

Когда очередной солдат попытался поднять крик, я схватил его голову и впечатал в стойку. Бар треснул, посуда разлетелась осколками.

А потом... тишина.

Я стоял, дыша, словно после бега, и только тогда заметил Лиссу.

Она сидела на груди Крокуса. Его глаза выкатились от

ужаса. В её руках были два ножа — она вонзала их ему в горло по очереди снова и снова. Каждое движение точное, жестокое, а на её губах — улыбка.

Кровь пузырями поднималась у него изо рта, он захлёбывался, дергался, а она наклонилась к самому его уху и шептала всё громче, словно издеваясь:

— Вкусно? Вкусно? Вкусно?

Она подняла голову — её лицо было заляпано алыми брызгами, глаза сияли огнём восторга.

Вид этой хрупкой девушки, жизнь которой я мог прервать за секунду, вызывал во мне ужас и завязывал желудок. Так бояться бешеного котёнка — маленького, милого, но лишь маленький укус приведёт к мучительной гибели...

Так жажда контроля боится хаоса...

Я медленно выдохнул, позволяя телу остыть. Серый дым, заполнивший комнату, постепенно опускался на пол. Он обнимал Сириуса, который забился под стойку, обхватив руками голову, как ребёнок, застигнутый среди кошмара.

Запах крови висел в воздухе густой и сладкий. Бар больше напоминал бойню.

А Лисса, купаясь в этом месиве, выглядела счастливее, чем когда-либо.

Я вышел наружу — и меня тут же окружили. На крышах — лучники и арбалетчики, во дворах — копейщики и стража, где-то добыли пороховое оружие. Целая река стального лязга и враждебных взглядов. Все они смотрели только на

меня.

И, чёрт возьми, мне это нравилось.

За их спинами Сириус, семена на цыпочках, пытался незаметно улизнуть из бара. Но Лисса, как хищная кошка, выпрыгнула следом и одним движением обвила его шею, взяв под локоть, заставив пригнуться и остановиться. Его руки всё ещё дрожали, стискивая виски, а она... улыбалась.

— Да-да, мои дорогие братья и сёстры! Сегодня вы совершили то, что не удавалось вашим предкам тридцать лет подряд! Вам удалось загнать в угол... меня!

Она сорвала с себя мой плащ и накинула его на Сириуса. С её плеч соскользнули лямки платья, и она макнула ткань прямо в бокал толстяка — тот даже не сопротивлялся, вцепившись в стекло, как в последний якорь самообладания.

Что она задумала? Её сумасшедшая маленькая головка всегда работала в сторону хаоса.

Она чуть склонила голову, будто спрашивая: «Ну? Где твоё выступление, Кадериан?»

Я поднял руки, сделав шаг вперёд, и оскалился.

— Я сдаюсь! Не ради себя! Ради вас, мои братья и сёстры! — ударил ладонью по груди, будто изображая святого мученика.

Стражники напряглись, когда я опустился на одно колено. В тот же миг раздался хлопок выстрела. Пуля вошла в ногу, кожа вспорота, кровь брызнула... но рана затянулась почти мгновенно. Я ухмыльнулся, даже не моргнув.

— Видите? Я спокоен! — выкрикнул я.

Хотя это становилось опасным. В ближнем бою мне ничего не угрожало, и если бы не десятки наставленных на меня арбалетов и старых пороховых орудий, я бы с лёгкостью положил весь город.

Стража расступилась, и на встречу вышел главный.

— Эсторн, — я коротко кивнул.

Это имя я желал вычеркнуть едва ли не первым из своего списка смерти. Порождение королевы, её главный рыцарь-защитник, в котором она разочаровалась после того, как стража замка не смогла отбить нападение упырей Каллисто, сослала его в этот гнилой портовый городишко.

Тот, кому не было дела до того, кого разрезает его меч, кого терзают его руки.

— Знал, что слухи не врал, — хрипло рассмеялся лысый вампир. — По мою душу пришёл? Я ждал.

Я оскалился. Эсторн не был первым, кого обратила Астрада, но был самым преданным. Именно он определял ту грань, когда я практически лишался крови, был глух к моим мольбам о смерти и никогда не отказывал себе в удовольствии слизать последние капли с моей кожи.

Рывок — и он бьёт меня в грудь, моя спина прорезает борозду в земле.

Из-за спин охраны вылетел светящийся болт, зашипев в воздухе. Я прищурился и встал. Лисса, запрыгнув на крыльцо дальнего здания, преувеличенно захлопала в ладоши,

подбадривая меня продолжать представление, и принялась обвязывать следующий болт мокрой от алкоголя лентой, пока Сириус выполнял роль подставки для факела.

Я размял шею и бросился на Эсторна. Серый дым вспух, как разорванный мешок с мукой — мир утонул в свисте, треске и глухом биении сердец. Я бросился вперёд, чувствуя, как под ногами хрустит гравий и пыль сливается со мной в единое движение.

Эсторн избежал первой серии моих ударов. Его движения не были быстрыми, но точными, как удары кузнечного молота.

Наши тела столкнулись. Его рука вцепилась мне в горло, другая ударила в живот, выбивая воздух. Я ответил коленом под рёбра и, скользнув вниз, вогнал локоть под челюсть. Кровь брызнула, и он зарычал.

Мы катались по земле, как два зверя, не различая, где небо, где грязь. Он силен, как всегда, но не тот, каким я его помнил — движения чуть медленнее, дыхание тяжелее, мышцы едва успевали за яростью. Я стал больше, сильнее, злее.

Я поймал его руку и рванул — кости треснули, как сухие ветви. Он ударил головой — хрустнул мой нос, но я уже знал, когда он ошибается.

Одно мгновение — и я оказался у него за спиной, прижав шею к своему плечу.

Он сжато плюнул:

— Всё ещё раб...

— Такой же, как ты, — прохрипел я, и зубы сомкнулись.

Горячая кровь хлынула в рот, обжигая, сладкая, с примесью металла и чего-то древнего, горького. Эсторн дёрнулся, его пальцы, когтистые и жёсткие, прошли по моей щеке — оставили три красные полосы. Я сжал сильнее, до хруста, до тишины.

Дым начал рассеиваться. Воздух стал гуще, в него вернулись звуки — крики, шорох стрел, щелчок арбалета.

Я стоял на коленях над телом, чувствуя, как кровь стекала по подбородку, пока я пытался выпить больше.

Стража замерла на границе серого облака. Их лица — смесь страха и неверия. Никто не спешил приблизиться.

Я медленно поднял руки, пальцы в крови дрожали, улыбка расплзалась по лицу.

— Всё в порядке, — проговорил я хрипло. — Видите? Я сдаюсь.

Ветер принёс запах горячей ткани — где-то за спиной Лисса и Сириус всё ещё играли с огнём. Ещё один болт с шипением ударил в небо. Потом второй. Третий. Но все глаза были обращены только ко мне.

Я глубоко вздохнул и поднялся на ноги. Стража насторожилась и пугалась каждого моего движения. И не зря.

— И это щедро с моей стороны, так что давайте просто поступим так, как вы желаете! — продолжал я, иронично разводя руками.

— Хватай его!

Стража сомкнулась кольцом. Выстрелы, клинки, вспышки — часть ударов я отразил, часть принял на себя. Я схватил ближайшего за горло и поднял над землёй. Он заорал, его кожа почернела, словно в огне, и ключьями слезала с костей.

Я нахмурился, не сразу поняв, что происходит. На нос упала тёплая серая крупинка. Пепел.

Я вскинул взгляд вверх — и замер.

Над площадью, раскалённый купол, вспыхивала паутина светящихся болтов. Они пронзали деревянные своды, образуя дыры, и туда хлынуло утреннее солнце. Лучи, ослепительно белые, били вниз, как копья небесной кары. Вампиры вокруг взвыли, их тела воспламенялись, рушились, обращаясь в пепел. Воздух заполнился визгом и запахом горячей плоти.

— Смотрите же! Даже солнце — лишь прожектор моего спектакля!

Тело в моей руке вспыхнуло и обернулось горстью пепла. Я разжал пальцы и позволил праху осыпаться на свои плечи, будто это были аплодисменты.

Среди всеобщего крика я вдруг услышал её — высокий, радостный щебет. Лисса скакала вдоль улицы, легко перепрыгивая через горящие трупы, высоко подняв крест. Пепел осыпался с неба, как снег, и она кружилась в нём, распластав руки, будто дирижёр ада.

— И СВЕТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ В НОЧИ! — взревела она, и звук её слов разорвал воздух. — ДА ГОРЯТ БЕЗБОЖНИКИ ОТ ПРАВЕДНОГО ГНЕВА!

Она взобралась на фундамент дома и, вцепившись в факел, с усилием оторвала его. Полыхнув, пламя осветило её лицо. Она повысила голос, будто читая древнюю религиозную догму, сочинённую на ходу:

— ДА ПРОПАДУТ ИХ ЛЖИВЫЕ ЗАВЕТЫ, ДА ПОГАСНУТ ОХРАНЫ И СТРАЖИ ИХ! ДА НЕ БУДЕТ ИМ НИ ЛОМА, НИ МЕЧА, НИ УКАЗАНИЙ, ЧТОБЫ ВСТАТЬ ПРОТИВ СВЕТА!

Каждая строчка уходила в крик, каждый поворот её тела — в новое проклятие. Она срывала новые факелы и метала их по крышам. Огонь отвечал ей вспышками.

— КТО СМОЖЕТ ВСТАТЬ ПРОТИВ СВЕТА МОЕГО — ДА УПАДЁТ СЕРДЦЕМ В ПЕПЕЛ!

Пламя лизало доски, она подбегала, била факелом по ставням, смеялась и кричала, как пророчица, неся свой приговор:

— КТО ПЫТАЕТСЯ СПАСАТЬ ДЬЯВОЛА — ДА ОСКОЛЬЗНЁТ В ОГНЕ!

В жесте религиозного безумия она кидала прах в воздух — и пепел кружил, ложился на её ресницы, на губы, на открытые плечи. В этом танце она была царицей: маленькой, священной и ужасной.

Сириус плотно приник к её спине, цепляясь за неё как за

единственную опору. Он шёл за ней, чуть согнувшись, лицо побелело от пережитого; пытался удерживать её или держаться за неё, как за единственный маяк. Но Лисса вырывалась, как вихрь.

И я шёл за ней, как заколдованный.

Её окружала стена огня, и казалось, что она сама этого не замечала. Я успел подхватить её в последний момент — как часть упавшего купола едва не раздавила её. На вампирской скорости мы вырвались из города, вспыхивающего и трещащего, и дорога остудила голову: адреналин сменился холодной злостью, как соль на свежую рану.

Порт встретил нас влажным ветром. Я опустил её на землю и обхватил голову двумя руками, наклонился близко к лицу и прошипел:

— Это что сейчас было, женщина?

Её лицо сияло.

— Ты ведь сам сказал, что ненавидишь безвкусную архитектуру! — Она перегнулась вперёд, глаза сияли. — Я просто... очистила мир.

— Когда!? Ох... — я помедлил, вспоминая разговор про секвой. Стоит взять на заметку: не говорить лишнего при этой психопатке. — А ещё я говорил тебе не играть с огнём.

— А ты больше не мой хозяин, принц Кадериан! Ты отдал меня какому-то предателю короны!

И легок на помине. За её спиной возник добродушный идиот, нахлобучивший мой плащ на себя и продаiraющийся

к нам на тех же невозможных скоростях. Он скулил, спасаясь от солнца, и это стало последней каплей.

— Ни ты, ни этот придурок в мои планы не входили!

— Мосты сожжены, — Лисса захохотала. На её фоне вздымался чёрный дым от улья.

— И вообще, это моя фляжка! — пробубнил Сириус.

— Так-то она так, но... — пташка приложила палец к губе, обернулась и начала закрывать его руками от солнца. — А вообще-то он прав!

Меж криками людей, рыбаков и лаем собак я увидел, как в бухту медленно вползал массивный корабль. Я укрылся с головой от солнца — не ради защиты, а ради того, чтобы вызывать поменьше вопросов. Он был не торговый и не военный — настоящий плавучий скотный двор фляжек: двухпалубный монстр.

Четыре пары несмышлёных глаз хлопали ресницами. Я глубоко выдохнул, решив, что оставлять их здесь точно нельзя, и качнул головой, велев следовать за собой.

На носу, небрежно опершись о перила, стояла проводница — женщина лет тридцати с лишним, с повадкой хозяйки борделя и взглядом шулера. В руках у неё была длинная трость, которой она постукивала по палубе, будто отсчитывая время.

Я поправил воротник, провёл рукой по волосам и легко взлетел по трапу, улыбнувшись:

— О, какое счастье, что судьба занесла нас именно к вам!

Видите ли... — я указал большим пальцем за спину, туда, где на горизонте всё ещё тянулся столб чёрного дыма, — мы бежим от пожара. Там был улей, теперь же... только пепел.

На моём лице отразилось всё сожаление, что было мне доступно, и я надеялся, что на моих плечах ещё остались остатки пепла, когда я отряхивал их. Проводница прищурилась, скользя по мне оценивающим взглядом, в котором было больше интереса, чем недоверия. Я наклонился чуть ближе, позволяя голосу стать мягче:

— Могу ли я уговорить вас дать нам место? Всего трое... но обещаю, дорогу вы с нами не забудете.

Я достал из кошелька несколько серебряных монет и звонко пересыпал их из ладони в ладонь, словно играя на её алчности.

— За меня, конечно, я плачу сам. А вот этот славный господин, — я ткнул пальцем в Сириуса, который всё ещё кутался в мой плащ, будто в саван, — оплатит за себя и за даму. Она теперь его фляжка.

Сириус дёрнулся, захихикал не к месту и полез в карманы. Из одного выпала лишь пробка, из другого — клочок бумаги. Он покраснел, заикнулся:

— Я... мм... э-э... я же говорил, дражайший друг, денег больше нет...

Лисса прыснула смехом, как будто это был лучший анекдот.

Я прикрыл глаза, втянул носом воздух, чтобы не со-

рваться. Сердце билось размеренно, но клыки предательски скребли по губам.

— Конечно, — прохрипел я, бросая ещё горсть серебра в ладонь проводницы, — почему бы и нет? Я оплачу и за вас.

Она довольно кивнула, поглаживая монеты большим пальцем.

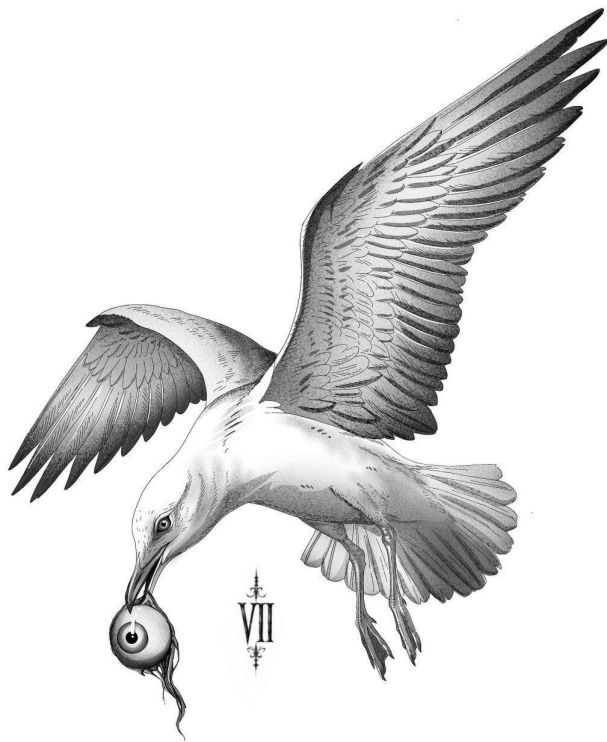
— Проходите, красавчики, — мурлыкнула она, прикусив губу и бросив на меня такой взгляд, что стало ясно: она решила взять за эту поездку не только деньги.

Я зашёл на борт первым, всё ещё рыча себе под нос. Лисса весело вприпрыжку шла следом, а Сириус, виновато поникший, семенил позади.

— А из-за чего улей сгорел? — вспомнила проводница, глядя на застилающий небо дым. — Вы не знаете, что там случилось?

— Божья кара, — с важным видом заявила Лисса и пошла на палубу.

Глава 7. Пир во время чумы. Лисса

Едва мы оказались на борту, меня прорвало — я вскрикнула, то ли от восторга, то ли от возбуждения после безум-

ного утра. Я остаюсь рядом с Кадерианом! И сама эта мысль кружила голову сильнее, чем алкоголь. То, что он кто-то там королю, подогревало мое помешательство.

На борт грузили мешки с провизией и выносили бочки, матросы переругивались, чайки слетались со всего порта и облепляли корабль, будто тоже были приглашены на борт. Мыбра, что едва не вывалила грудь на колени моему Кадериану, ушла готовить нам каюту.

Мы устроились под тентом.

— Ты не говорил мне, что она такая, — Сириус покрутил пальцем у виска, косясь на меня. — Я продал её за пол цены, — лениво отозвался Кадериан, откинувшись на спинку. — Даже у самого последнего идиота закрались бы сомнения. Когда ты последний раз покупал что-то не проклятое у таинственного торговца по пьяни? — Я... признаюсь, ни разу, ничего не покупал вообще, — Сириус почесал затылок. — Она понятно, — Кадериан кивнул в мою сторону. — Но ты-то откуда такой беспечный взялся? — Мы ведь в одной лодке, да? — улыбнулся Сириус, явно пытаясь смягчить напряжение и установить доверие.

Кадериан раскинул руки в стороны, театрально показывая залив:

— Как видишь, остолоп.

Я не выдержала и захлопала ладонями, подпрыгнув на месте:

— Оу! Он кипит!

Сириус усмехнулся, он шипел, и от него исходил пар; даже тент и плащ не помогали ему спастись от ярких лучей.

— Я на самом деле... недавно стал вампиром, — сказал он тихо.

Я внезапно стала серьезной.

— Стал? — шепнула я. — То есть ты был человеком?— Да. Фляжкой. Я служил королю... и для меня честь — встретить его сына, — он кивнул на Кадериана. — Но слушай, друг... — он понизил голос, — мы ведь плывём в восточный порт? Мне туда никак нельзя. Дай нам ещё несколько серебряных монет, мы пересидим здесь пару дней и вернёмся обратно.

Кадериан поправил серебристые волосы, углядев своё отражение в бочке с водой. Его голос стал мягким, почти усталым:

— Всё, что угодно, если это избавит меня от вашей компании.

И тут корабль дрогнул, сдвинувшись с места. Линия горизонта качнулась, паруса наполнились ветром. Я улыбнулась радостно, но Кадериан... замер. Он испуганно огляделся, и на миг маска высокомерия спала с его лица — он быстрым шагом прошёл внутрь корабля.

Но всем моим вниманием неожиданно завладел Сириус.

— Так на какой ферме ты вырос? — я подложила кулак под подбородок, оборачиваясь к новому хозяину.— Дворцовой, — на его лице возникла гордая улыбка.— Ммм, эли-

та, — зависть граничила с презрением, — так ты не Сириус, значит?— Это моё новое имя, я взял его после обращения, прежнее мне не нравится.

Я покивала, как это постоянно делает он, и покрутила в голове женские вампирские имена для будущей себя.

— А чего ты Кадериана тогда не узнал?— Так все же думали, что он помер лет тридцать назад... мне даже столько лет нет, сколько он считался мёртвым.— Так как ты говоришь, стал вампиром? Я слышала что дврпцрвых фляжек порой обращают за... Заслуги, но сомневаюсь, что им дозволено вот так слоняться по материку и называться «предателями короны», впрочем грехи твои меня не интересуют. Как тебя обратили? — я впилась в Сириуса взглядом, будто могла вырвать правду прямо из его горла.

Он замялся. Слишком долго. Губы дрогнули, пальцы нервно поглаживали край плаща, а глаза скользнули в сторону. Лгал бы — сказал быстрее. Но он боялся.

— Слушай... я не уверен, что должен рассказывать об этом, — пробормотал он. Голос срывался, словно он заглатывал собственный страх.

У нас уже не шкаф с костями, а целая гардеробная!

— Да брось! — я резко подалась вперёд, так что он дёрнулся. — Мы в одной лодке, и я твоя фляжка. Вместе, пока смерть не разлучит нас.

Он побледнел ещё больше: похоже, его отрезвление наступало вместе с осознанием, в какую авантюру он вляпался.

— Но если ты узнаешь... это, вероятно, будет МОЯ смерть, — выдохнул он.

Я откинулась на спинку и прищурилась.

— Ммм... ну хорошо, храни свои тайны при себе. Давайте все будем хранить всё при себе! — я щёлкнула пальцами и протянула руку. — Возвращай плащ!

Его глаза метнулись к горизонту. Дым, чёрный и густой, отдалялся, но в зрачках Сириуса он всё ещё стоял стеной перед лицом. Он сжал ткань над своей головой так, что костяшки пальцев побелели, а губы стали тонкой линией.

Он выглядел так, будто сейчас начнёт выть, и начал двигать стул к двери, куда ушёл Кадериан.

— Ладно! — рвано сорвалось у него. — Ладно... слушай!

Он нагнулся ко мне очень близко. Голос вновь перешёл в шёпот, почти заговорщицкий:

— Давным-давно люди нашли таинственное озеро. Каждый, кто пил из него днём, становился пеплом. А тот, кто ночью... получал вечную жизнь и кровавый голод. Элиты мира испили и стали править: король, королева и их дети — первородные вампиры, — продолжал он.

— Правда? И Кадериан тоже?

— Да, — кивнул он. — То есть нет, Кадериан — бастард.

— Что такое бастард?

— Ребёнок, рождённый вне брака.

Я кивнула, хотя не до конца поняла, как он был рождён и кем. Насколько мне было известно, у вампиров не могло

быть детей.

— Так прошли столетия. Люди жили в блаженном неведении, пока дьявол Каллисто не начал бойню с княжной. Он раскрыл тайну людям. Началась алчная война. Вампиры охраняли озеро, люди же... пытались его испить.

В голове шумело: предательство, тайна, озеро... Кадериан... Ка...Де...Ри..Ан...

— И тогда изумрудная гладь окрасилась кровью, — его голос стал почти безжизненным. — Озеро отравилось. И больше не давало вечной жизни. Только вечную смерть. Так появились первые зомби. До сих пор оно остаётся ядовитым и бесполезным как для людей, так и для вампиров.

Я моргнула, и в моём лице зазвенело раздражение.

— То есть оно так и не очистилось?— Всё верно, — он кивнул, и во взгляде мелькнула безысходность.

— ТАК НА КОЙ ЛЯД МНЕ ЭТА ИСТОРИЯ?! — я ударила ладонью по столу, так что стаканы дрогнули. — Как ТЫ стал тогда вампиром?!

— Тише-тише! — Сириус едва не вышел на солнце, пытаясь зажать мне рот.

Проводница появилась перед нами вновь, с обновлённым макияжем: губы намазаны такой толстой линией, что казались чужими, щеки переливались красными пятнами, глаза обведены жирным чёрным кругом.

Она грациозно вскинула руку, словно танцовщица, и певучим голосом объявила:

— Хозяева корабля рады пригласить вас к своему столу. У нас нечасто бывают гости, тем более... такие гости.

Сириус поднялся и скривил жалостливую гримасу. Я кивнула, решив, что у нас ещё будет достаточно времени, чтобы закончить этот разговор, и мы проследовали за женщиной.

Её платье тоже сменилось на что-то ещё более откровенное, она явно пыталась выглядеть «роковой», но походила скорее на актрису из дешёвого балагана. Когда её взгляд скользнул по Кадериану, я поняла: вся эта живопись предназначалась только для него. Я подумала, как бы было славно, если бы её хромая нога не удержала её на скользкой палубе.

Я шагнула внутрь, и первое, что бросилось в глаза — Кадериан. Он уже сидел за длинным столом, откинувшись в кресле, как у себя дома. В его руке лениво блестел бокал, наполненный густым тёмным вином.

Хозяева встретили нас шумно, с хлопками по столу и звонким смехом. Трое мужчин, каждый будто вырезан из дуба, сидели вдоль стола на своих местах, вокруг них хлопотала стайка женщин. Одна из них была на сносях — живот такой большой, что того и гляди разродится прямо здесь.

— Корабль не стоит без рук, — прогремел старший, он сидел во главе, коренастый кормчий с грубой шеей и толстыми пальцами, покрытыми белыми мозолями. — Я — Лён, держу штурвал, а эти... — он махнул на остальных, — каждый на своём месте.

Он представил их по очереди.

Второй, Фиал — высокий, жилистый, с сутулыми плечами и глазами, словно выцветшими от соли и ветра, казался немым, не смеялся, лишь показывал руками. Его руки были в мелких порезах, а под ногтями чернела смола.

Третий, Яров — худощавый, с длинной шеей и каким-то нервным подёргиванием губ, всё время крутил в руках нож, будто проверял остроту. Глаза у него были круглыми, налитыми кровью, на коже виднелись синюшные пятна, будто от ожогов.

Я вдруг поняла, что никогда прежде не видела людей старше тридцати. Люди до такого возраста почти не доживают, а вампиры чаще выглядят моложе. Их морщины, шрамы, седина — всё это казалось ненастоящим, жутким, как будто я смотрела на живые мумии.

Женщины улыбались мягко, приветливо, но их никто не представил. Они были везде: накладывали еду, наливали вино, расставляли посуду, готовили, расправляли салфетки — все в одинаковых платьях.

— У нас у каждого по две супруги, — сказал Яров, наблюдая за заинтересованным видом Сириуса.

— А у вас, выходит, наоборот, — подхватил Лен, глядя на нас с каким-то озорным прищуром. — Два мужчины и... всего одна фляжка!

Они расхохотались, и их жёны — тоже, звонко и в унисон. Сириуса посадили вместе с Кадерианом, мне за столом места не было, и я осталась стоять в проходе, глотая подступающие

от голода слюни.

— Добро пожаловать на наш корабль! Вы даже не представляете, какая честь для нас видеть вас за этим столом, — проводница говорила звонко, с наслаждением смакуя каждое слово, словно заранее готовила речь. — Наша ферма — уникальна! Она защищена со всех сторон. Зомби не умеют плавать, поэтому никто не потревожит наших фляжек. — Она улыбнулась так широко, что на её щеках затрещала краска. — Здесь они в полной безопасности, в отличие от городов, где на каждом шагу смерть. И это придаёт нашим продуктам особенный вкус, отличный от того, что вы могли бы представить!

Проводница сделала круг ладонью, будто показывая весь зал.

— Их кормят, и кормят хорошо. Никакой нужды — каждый получает свою порцию хлеба, рыбы, фруктов. Мы следим за тем, чтобы они были здоровы, сыты и довольны. Счастливый человек даёт сладкую кровь — а разве не в этом залог гармонии?

Она склонила голову набок и снизила голос, доверительно добавив:

— А главное, у нас нет вампиров. Ни единого! Так что большинство наших дорогих фляжек абсолютно девственны, можем гарантировать.

Всё, что она говорила, звучало как сказка. Безопасность и еда. Люди живут, не прячась, не убегая, не просыпаясь от

криков и стонов в ночи, от нападений упырей или внезапной тревоги из-за вспыхнувшего зомби-вируса.

У меня перед глазами тут же встал первый кошмар из моего детства: тёмная ферма, стук перебитых, хромых ног, искажённые лица детей, кровь, крики. Тот день, когда я впервые увидела, как ломаются тела и как мир превращается в мясорубку. Каким-то чудом я нашла лаз по трубам под потолком, там, в пыльном углу, я и спряталась; бойня была страшной, два дня меня не могли заставить спуститься с потолка. Это случилось, едва мне стукнуло пять лет, но я помню это так явственно и ярко, будто до сих пор сижу на этих трубах.

А здесь... Я видела довольные лица, слышала смех детей на нижней палубе, чувствовала запах свежего хлеба и варёной рыбы. Всё это казалось неправдоподобным. Рай для фляжек, настоящий рай!

Кадериан поднялся и поклонился с прямой спиной.

— Невозможно оценить, насколько я и мои спутники благодарны вам за радушный приём. Моё имя Кадериан, я простой купец из улья, точнее... был им... — драматичная пауза. — Из-за моих скитаний я обрел много друзей по всему свету, так что, несмотря на то что мои товары сгорели в том чудовищном пожаре, у меня есть богатства куда более ценное — это мои друзья на востоке, которые с радостью помогут оправиться мне от этой потери, — он сел и прикрыл лицо рукой, якобы скрывая боль.

Я невольно с улыбкой залюбовалась его представлением.

— А я говорила, что это наш особый гость, — проводница погладила Кадериана по плечам, а я погладила ножи, что висели на моём бедре. — Не каждый день на корабле оказывается дитя крови, да ещё и посреди дня!

— А я — Сириус, — он поднялся и попытался так же изящно поклониться, но это был провал. — Я вообще-то не здешний, просто мимо шёл, но... — он задумался, пытаясь выдумать ложь, — э... теперь я здесь.

— Раз уж судьба привела вас к нам, это не случайно. Нам кажется, что вы... — заскрипел Яров, обращаясь к Кадериану, — отличаетесь изысканным чувством вкуса. Может быть, вы попробуете кровь нескольких наших фляжек? Не просто дегустация, а пир! Так мы сможем выделить тех, кто стоит дороже.

Я резко выпрямилась, сжав пальцы в кулаки. Что значит «попробовать нескольких»?!

— Ох, конечно, это честь для нас, — Сириус поправил ворот серой рубашки. — Я как раз проголодался!

Мужчина криво улыбнулся вставке моего нового хозяина, но принял, что кормить придётся двоих.

— Я надеюсь, что вы не слишком голодны, партия прекрасной слитой крови была спущена с корабля в порту, мы никак не ожидали столь уважаемых гостей, но завтра... завтра будет лучший обед в вашей жизни, — его красные глаза блеснули.

— Конечно, конечно, — Сириус поднял руки перед собой.

— К тому же у меня есть перекус.

Взгляды обратились на меня.

— И как часто вы позволяете вашей фляжке присутствовать при ваших разговорах? — прохрипел Лен и опёрся на локоть, наклонившись к хозяину, так что тот заикался.

— Ну... не часто.

— Друг мой, я уже с десятков лет занимаюсь этим бизнесом, и послушай мой совет...

Проводница замахала на меня руками, будто отгоняя прибившуюся собаку, а затем вывела на палубу, неприязненной миной жестом попросив следовать за ней. За спиной лился голос моего прекрасного принца, начинающего очередной спектакль:

— Дерзостью ли с моей стороны будет попросить о взаимные услуги? Видите ли... когда случилось то несчастье, мы как можно быстрее покинули город, так что там сгорели все наши вещи...

Его прекрасный голос удалялся, пока меня вели по узким коридорам, но дверь, запертая на ключ, отворилась. За ней было почти такое же большое пространство, как и вверху, только без панорамных окон с видом на залив. Стол действительно был богат: мымра не соврала. За ним сидело около тридцати фляжек, примерно от пяти до четырнадцати лет.

Дети удивлённо уставились на меня, в их глазах таились вопросы, но они, похоже, стеснялись их задать. Обстановка в комнате фляжек была прекрасной: много комнат, стеллажи

с книгами, игрушки разных цветов и размеров. Если это не лучшая ферма, то точно одна из лучших.

Прежде чем приняться за еду, я крепко сжала крест в руке, зажмурилась и зашептала выдуманную молитву:

— Благодарю, Господи, что дал пищу эту мне и друзьям моим; да утолит земля голод просящего, да погребёт грешника. Аминь.

Дети недоумённо переглянулись. Один из младших повторил за мной позу и прошептал что-то неразборчивое. Я принялась за еду: сочная курица с приправами и овощами вызывала во мне невероятный аппетит.

— Ты фляжка? — робко спросил один мальчик. — Вампиры обычно не садятся с нами за стол.

— Да, — я смахнула соль со стола и, делая вид, что ловко подняла её, спрятала в декольте. — Хорошо вас тут кормят.

— Почему ты вся в крови?

— Утро умыло меня кровью грешников.

— Ты старая, — сказала милая девочка лет тринадцати напротив.

— Что ты сказала, мешок с кровью?

— Это комплимент! — она обиженно сложила руки. — Если ты такая взрослая, значит, тебя берегут.

— А... да... спасибо.

Воспоминание, острое как заноза, всплыло, само собой. Крокус привёл меня в своё большое поместье, распорядился накрыть шикарный стол: вкусная еда, изысканная серви-

ровка, богато обставленный интерьер. На меня это произвело такое впечатление, что я была готова поверить: кошмары фермы остались позади. А затем... золотые канделябры, тяжёлый запах вина и роз... На стол подали главное блюдо, и он при мне высосал до последней капли свою предыдущую фляжку, которую я при первом взгляде тоже сочла «старой». Старой — значит ненужной. Старой — значит готовой к смерти.

Я провела рукой по голове, прогоняя воспоминания, и девочка напротив почесала нос. Этот несерьёзный жест стал вспышкой тревоги. Я вновь пригладила волосы, и точно волна прошла по столу: несколько детей ответили мне тем же — почесали носы.

После этого привкус блюд казался странным. Местонахождение фляжек не было фиксировано на одной ферме: нас постоянно распределяли, кого-то перекупали во дворцовую и растили там, кого-то пытались избавиться и отправляли в неблагополучные места к частным фермерам по дешёвке. Особенно здоровых женщин направляли в колыбели для рождения детей; чей-то вкус крови быстро становился популярным у вампиров в других городах, и нас перевозили. Так язык жестов распространялся.

— Как ты дожила до своих лет? — спросил ребёнок справа.

— Следуйте правилам фляжек: играйте на слабостях вампиров, ищите места, где можно гладить, а где кусать безнака-

занно, влюбляйте, очаровывайте. И помните: все вампиры, особенно если вам не повезёт попасть в руки к высшим или первородным — собственники. Самое главное — никогда не теряйте их интерес. Вас должно быть в меру.

Трапеза закончилась, дети сами помыли посуду и даже поухаживали за мной. На стук в дверь никто не ответил, и я уже забеспокоилась, что меня продали. Дети рассказали, что здесь не всё так радужно, и самое важное — вести себя хорошо; если плохо вести себя, их заберут чайки. Я выдохнула, поняв, что их беспокойство вызвано детской страшилкой.

Через три долгих часа в двери показалось круглое лицо Сириуса.

— Смотри, какой толстый!

— Чья-то ФЛЯЖИЩА!

— А, ой, он вампир! А разве бывают такие?

Беспардонно шептались дети.

— Ты видел, какая у них игровая? — я пихнула нового хозяина плечом, попутно проверяя его пустые карманы.

— Да... э... ну у нас во дворце тоже была большая. Там много разного.

— Разного чего?

— Ну... много игрушек, с нами тоже много играли и всё такое, — он врал так же неумело, как несколько часов назад за столом.

Платье было странное, будто снятое с какой-то сбежавшей с борта пиратки: грубая ткань с запахом соли и гари, рваный

подол до колена, штопанные десятки раз разрезы по бокам, тяжёлый кожаный пояс с огромной пряжкой. На плечах — полосатая жилетка, которую невозможно было застегнуть, а на груди — корсет, слишком тугий, давящий так, что хотелось выломать все косточки из него и кинуть в море. Вдобавок дали сапоги на шнуровке и красную повязку, которую проводница собственноручно завязала мне на бедре, чтобы удержать сползающую юбку.

— Ох, мне кажется, тут совсем ничего не по размеру! — скуксился Сириус, ковыряя свои брюки, усеянные пятнами.

— У тебя только гачи в брызгах, застирай их в тазу, делов-то, — я подтолкнула его к двери, и он недовольно поплёлся прочь.

В комнате остались только я и Кадериан. Он сидел, чуть откинувшись на ящик, как на трон, в новом тёмно-синем пиджаке, обшитом цветочными элементами, который выглядел так, будто был пошит специально для него.

— Ну как тебе? — я прокрутилась вокруг, приподняв подол, чувствуя себя корсаршей.

— Не люблю корсеты, кости, перетянутые трупным коконом... бе... — его взгляд скользнул по мне.

— А какая одежда тебе нравится? — я прищурилась, наклонилась ближе. — Ну... на девушках?

— Мне нравится моя одежда на тебе.

Я улыбнулась, но тут же дверь распахнулась, и ввалилось облако запахов — пот и приторные духи. Я отстранилась от

Кадериана.

— Вам удобна каюта? Может, принести ещё вина? Или... составить компанию?

Я почувствовала, как дыхание стало слишком быстрым, как кровь отхлынула от лица. Я смотрела, как она опирается на его руку, чуть склонившись, и как он не отстраняет её сразу.

Меня трясло. Я улыбнулась, скрипя зубами, но внутри всё пылало. Хотелось сорвать с неё эту размалёванную маску и вогнать лицо в море.

— Вам идёт этот смех, — сказала я проводнице, не глядя на неё.

— Спасибо... — она помедлила с ответом.

— Как у чаек. Это из-за сигарет? Пойду помолюсь за ваше здоровье.

Мой Кадериан. Мой принц. Мой вампир. Как она посмела?

Я выскочила на корму, подставляя лицо морскому ветру, позволяя голове остудить мысли. Чайки кружили над морем, спускались, планировали и возвращались на корабль. Я наблюдала за ними и вспоминала, как сгорала от ревности, когда Крокус вытирал с губ светловолосой вампирши десерт из крови разных птиц и спрашивал:

— Вкусно?

На это воспоминание наложилось утро этого дня.

Надеюсь, он понял, что я имела в виду в своём маленьком

приступе агрессии. Интересно, он сгорел от солнца? Или огня? Или выжил?

Ревность — это привилегия вампиров. У людей нет права на чувства. Еда не может ревновать. Еда не может злиться. Еда не может мстить.

Я грустно улыбнулась. Разве мне стоило давать сегодня советы детям, когда я едва не стала десертом несколько дней назад?

За спиной раздался скрип двери, но я не обернулась и направилась на нижний этаж.

Крохотный раскалённый уголёк шевелился под рёбрами: станет ли Кадериан следующей жертвой моего пламени?

Я постучалась в комнату, и Сириус открыл мне дверь. Оглянувшись на пустой коридор, я вошла.

— Во-первых, с этой фермой какая-то чертовщина.

— О чём ты?

— Пока не знаю. Надеюсь, нас это не коснётся. Давай сразу к «во-вторых».

— Я принял решение не рассказывать тебе о своём обращении, — неожиданно дерзко ответил Сириус, устав от суеты вокруг.

Я помычала и хищно улыбнулась.

— Конечно, нам не обязательно раскрывать друг другу секреты.

Едва я схватилась за ручку двери, как Сириус сказал:

— Лисса, я голоден.

Я замерла, обдумывая.

— Да, хозяин, вечером я вас накормлю. Но... — я резко обернулась и подарила Сириусу очаровательный взгляд. — Есть условие. Одно маленькое. Чтобы я не слишком нервничала: молчать как рыба и не включать свет.

— Конечно-конечно, понимаю, — бормотал он.

Не дожидаясь конца его фразы, я выскользнула из каюты.

На палубе чайка, балансирующая на бортике, возмущённо гаркнула, когда я выдернула у неё перо. Снизу доносился женский плач — беременная женщина вылетела из столовой, держась за живот, и исчезла за углом. Её взгляд — полный ужаса — на миг пронзил меня. Крохотная часть меня хотела пойти за ней, но большая кричала: «Забиться о своей шее».

Я понюхала стакан с остатками алкоголя, обработала нож. Лезвием сделала тонкую царапину на руке: кровь выступила тонкой нитью. Бумаги не было, пришлось вырвать лист из святой книги.

«Господи, это ведь тоже жертва», — подумала я, макая перо чайки в кровь.

«Дорогуша, — я пародировала голос Кадериана пока диктовала себе, — надеюсь, ваше предложение ещё в силе и вы готовы составить компанию моему скромному вечеру после заката... И прошу, распейте мой скромный подарок до того, как моя дверь откроется».

Буквы вышли кривыми, но суть передавали. Внизу я добавила авторский портрет Кадериана с кривыми клыками и

разными по размеру глазами, и расхохоталась.

У раковины меня ждали недопитые бутылки. Я слила остатки алкоголя в одну, закупорила, подбросила записку и бутылку к двери проводницы. Постучала.

Нырнула за бочку и села вниз в возбужденном ожидании.

Хлопнула дверь, пропал свет, и с ним бутылка. Ловушка захлопнулась.

В этот момент по коридору мимо меня прошли женщина и мальчик, к счастью, не заметив моего присутствия. Фляжка — один из ребят, что сидел за столом со мной сегодня — визжал и тянулся назад:

— Не надо! Пожалуйста, не надо!

Они свернули за угол. Я пошла следом — и застала пустоту. Тупик. Склад. Бочки. Тенты. Ни звука. Ни крика. Ни следа.

Я потерла глаза кулаками. Ведь не могло же мне показаться? Или я и в самом деле начинаю сходить с ума? Взгляд зашарил по стенам, я заглянула за ящики и под тент, но... ничего.

— Заблудилась, маленькая фляжка?

Яров вышел из-за поворота. Его скрипучий голос пробежался по позвоночнику, как ногти по стеклу. От него несло спиртом и сладковатой гнилью.

— Может быть, — я наклонила голову, улыбнувшись, руки перебирали края юбки. — А может, вы можете найти дорогу?

Он осмотрел меня так, будто я была редким трофеем.

— Нашим фляжкам до тебя ещё расти и расти. Не удивительно, что у тебя сразу два хозяина. Так на какой ферме ты выросла?

— Дворцовой, — соврала я.

— Удивительная социализация для дворцовой фляжки...

— Яров хмыкнул. — Говорят, им подрезают язычки, чтобы много не болтали, но кажется, столь ценный экспонат не стали портить. Говорят, дворцовые не общаются со сверстниками?

— Да, верно, — поддакнула я.

— Это можно понять: ни создавать отношения между слугами. Но знаешь, мы бы наших фляжек ни за что не отдали в этот гадюшник.

— Очень мудро с вашей стороны.

Мы дошли до двери фляжек. Он полез за ключами. Я шагнула к лестнице, но его ладонь, грубая и мозолистая, сомкнулась на моём запястье.

— Что вы делаете!?

Вдали по коридору загремели шаги. Кадериан вышел из-за поворота. Его лицо сначала было раздражённым, потом — удивлённым. Он ускорил шаг. Его пальцы, холодные как ледяные цепи, сомкнулись на моём плече, отдёргнув меня от Ярова.

— Кто позволил тебе трогать чужие вещи? — его голос был полон стали.

Я замурлыкала, услышав нотки собственника, которые, как мне казалось, были свойственны ему куда меньше, чем другим вампирам.

— Фляжка заблудилась, я... я лишь... — Яров замялся, видя клыки, блеснувшие в улыбке. — Я посчитал, с остальными ей будет спокойнее.

— Тогда почему она пахнет страхом и отвращением? — Кадериан сжал моё плечо. Я спряталась за его спину. Вот так. Вот тут хорошо. Я в безопасности. Его сила была моей бронёй.

— Это им свойственно... — Яров ссутулился и скрылся. Запах спирта исчез. Я выдохнула, но не успела вдохнуть снова. Кадериан развернулся, резко перехватил мою руку и поднял, рассматривая. На рукаве расплывалось красное пятно.

— Это он тебя поранил? Или ты снова кого-то вскрыла? Он принялся. Его губа дёрнулась, клык блеснул. Он закрыл глаза, откинув голову, и несколько раз шумно вздохнул носом.

— Это сделала я.

— Зачем? — рука на моём запястье сжалась сильнее.

— В каком-то смысле, это была хорошая сделка. Я пожертвовала каплей крови, чтобы сохранить литр.

— Так этот разврат в нашей комнате — твоих рук дело? Я улыбнулась, глядя ему прямо в глаза.

— Ах, значит, мой план сработал. Ты ничего не испортил?

Я обещала накормить Сириуса.

— Я услышал стоны. Знал, что это не ты... хотя на миг...
— его голос стал тише, он качнул головой. — Нет. Там всё в порядке.

Я хихикнула, с удовольствием наблюдая за реакцией Кадериана.

— Тогда не будем мешать его трапезе.

Я двинулась вверх по лестнице и вышла на борт. Солнце сдалось луне, вокруг разливалась непроглядная темнота. Я перекинулась через перила и прислушалась: где-то внизу волны с глухим ударом били в борт, но их не было видно — только звук и холодная глубь. Резинка крепче обхватила талию; я обернулась и увидела, как Кадериан крепко держит один из слоёв моей юбки.

— Не делай так, — прохрипел он тихо.

Я молча выпрямилась, махнула рукой и направилась в столовую наверх. Прыгнула на крышу, протянула руку — он ухмыльнулся и не взял, запрыгнув одним махом.

За день солнце нагрело металлическую поверхность, и я с удовольствием легла на спину. Передо мной открылось потрясающее звездное небо. Перевернутое лицо Кадериана склонилось надо мной, и я показала ему язык, замахав рукой, чтобы он не загораживал вид. Он лег рядом, так что его голова оказалась рядом, а ноги — в противоположной стороне.

— Завтра вечером причалим на востоке, — проговорил

он, не отрывая взгляда от неба. — Потом вы отплываете обратно. Не знаю, как этот придурок нажил себе два королевства врагов... но надеюсь, у него хватит ума не дать вампирским ублюдкам трогать тебя.

— Зачем тебе на восток? Бежишь из Мортианны в Ноктиллию, меняешь шило на мыло. Нам рассказывали, что там ужасно обращаются с людьми и вампирам нечего есть.

— Вам наврали. В Ноктилии нет ферм, есть города. Как тот, что мы видели, только... — он сглотнул — живые.

— А там есть церкви?

— Сомневаюсь. И да, — он зацепил крест с моей шеи и начал крутить его в руках, — то, что я сказал про ту статую, то, что люди верили в это, вовсе не означает, что это правда. Согласно поверьям, серебро должно обжигать монстра вроде меня.

— Может, ты и не монстр вовсе? — я склонила голову, рассматривая профиль Кадериана.

— Шутишь что ли? — его губы исказились в ухмылке. — Я то?

— В книге сказано, что наказанием грешников будет ад. Сириус сказал, что люди уже наказаны за жадность, и это правда... Те, кто на фермах, скот и фляжки, сами стали объектом потребления. И может быть, тогда мы все уже в аду? А если мы в аду, значит, все мы — монстры. А если все мы — монстры, значит, никто не монстр.

— И в аду ты пытаешься креститься, птишка, или просто

развлекаешься? Крест не спасет тебя от настоящей нечести. Выброси этот мусор из своей головы, ну... — он отпустил крест, и он, звякнув, упал на крышу, — или копи, если тебе так легче или веселее.

Я помолчала и решила сменить тему.

— Так как людей защищают от зомби в Ноктилии?

— Люди живут свободно и сами отвечают за свою безопасность, добровольно делятся с вампирами кровью. Ад для бизнеса вроде того, что процветает в Мортианне. Дело рук моей сестры. Но люди там более самостоятельны, их больше. От зомби их никто не охраняет, они не живут в замках, ну кроме тех, кто служит королеве. Если хочешь, можешь сойти на берег там и остаться, но не думай, что восток безопаснее севера.

— Добровольно? — я переспросила. — Но разве не слаще та кровь, что берёшь насильно? Не вкуснее ли страх перед вкусом? Бог дал тебе клыки не для того, чтобы ты ждал милости.

Он медленно повернул голову.

— Я не отказывался от крови, данной мне добровольно, и забранной силой. Кровь на вкус всегда кровь.

— Да что ты? Моя шея ни раз была отвергнута твоими клыками! — шикнула я.

— Я не варвар, чтобы губить искусство, дорогуша.

Я замерла и отвернулась к фонарю.

— Ты сказал: «можешь остаться на Востоке». А если я

скажу... пойду с тобой?

Кадериан не сразу ответил. Он поднял руку к небу, как будто хотел сорвать падающую звезду, но поймал только пустоту, провёл пальцем по воздуху и тихо добавил:

— Я уже говорил тебе, женщина. Мне не нужна спутница. И уж тем более — фляжка.

Его взгляд опустился на меня, тяжёлый, спокойный. А я не могла оторвать глаз от мотыльков, что таяли у газового фонаря. Они сгорали и всё равно тянулись к свету.

Послышались звонкие шаги. Внизу стоял Сириус, щеки покраснелись, глаза блестели от выпитого вина или довольства.

— Наконец-то я вас нашёл! Лисса! — воскликнул он слишком громко, хлопнув в ладоши. — Спасибо тебе! Это было... ну... не совсем то, что я ожидал, — он рассмеялся в усы, — но всё равно... я доволен! И Ри... Кадериан, нам нужно поговорить.

Он спустился и проследовал за Сириусом, они ушли, оставив за собой облако дешёвых ароматов и тишину.

Я осталась одна, наблюдая, как по небосводу плывут звезды и как тают мотыльки.

Через несколько бессонных часов я соскочила вниз. Ноги сами повели меня в ту глухую часть корабля, где пропала женщина с ребёнком. Больше отказов я не любила только чертовы загадки и запертые двери.

Коридор был пуст и пах плесенью, тусклые лампы кача-

лись под потолком, отбрасывая длинные тени. Я остановилась у тупика — за ним не было ничего, только груда коробок и бочки с треснувшими крышками. Но что-то было не так. Я двинула одну из коробок в сторону — и заметила очертания железного люка. Круглая рукоять поблёскивала, словно ждала, чтобы её повернули. Оттуда тянуло холодом и сыростью, совсем не корабельной.

Я присела, провела пальцами по металлу и услышала — глухой стук снизу. Как будто кто-то медленно, с перерывами, бился изнутри.

Люк скрипнул, будто сопротивляясь, и холодный воздух ударил в лицо запахом железа и гнили. Я втянула голову в плечи, но всё же спустилась вниз по скользкой металлической лестнице.

Внизу открылось помещение, которого казалось никак не могло быть в трюме корабля. Темная комната освещалась из маленького узкого окошка в самом верху стены лунным светом. Стены, выложенные сырыми досками, были увешаны кривыми полками, на которых стояли сотни склянок. В одних густо плескалась тёмная кровь, в других — сгустки полупрозрачной слизи, в-третьих плавали органы, словно сорванные с живого тела и погруженные в рассол.

Кипящее месиво сливалось в один крошечный бутылёк с синими каплями. Я наклонилась и принялась.

Вся конструкция казалась живой, пульсирующей, как будто корабль заразили паразиты.

В центре комнаты возвышалась чудовищная конструкция: переплетение трубок, металлических прутьев и стальных рам, напоминающих кровати для пыток, а под ней — кушетка с цепями. Из неё свисали ремни с пряжками, а по стеклянным каналам медленно струилась тёмная жидкость — кровь, собранная в толстые сосуды. Под потолком болтались подсушенные тела крыс, птиц, а кое-где — человеческих младенцев, недоразвитых или изувеченных.

На столе в беспорядке были разбросаны чертежи и заметки. Строчки, написанные угольком, выводили формулы, схемы, рисунки — тела с впаянными трубками, карты человеческого организма, пометки: «слишком хрупкая ткань», «попытка 47», «добавить венозное давление», «рассечение мозга препятствует сопротивлению, не прекращает жизнь». Бумага была вся в пятнах.

Я прижала ладонь к лицу, но слишком поздно услышала чавканье. В углу, в клетке, сидело существо. Оно походило на ребёнка — худое, с тонкими конечностями, в обрывках одежды. Но глаза... мутные, мёртвые, а кожа бледная и пятнистая, с трещинами. Рот его был заляпан свежей кровью. В маленьких руках оно держало обглоданный кусок человеческой плоти и жадно вгрызалось в него, урча и поскуливая, словно щенок.

Когда оно заметило меня, его голова дёрнулась в сторону, зубы щёлкнули. Из горла вырвался низкий, хриплый рык, и по подбородку заструилась новая капля крови. Я машиналь-

но дернулась, сделала шаг назад и разбила пустую склянку.

Тут же Яров прыгнул с люка, приземлившись на скрипящую деревянную подставку с глухим ударом. Я машинально выхватила клинок, держала его крепко, ощущая, как ладонь потеет, а сердце колотится.

— Маленькая фляжка всё же пришла в гости?

Он достал из-за спины кортик и бросился прямо на меня. Едва я юркнула под стол и перекатилась, попытавшись ударить его в спину, тот пнул меня, и я отлетела к люку. Развернувшись, он налетел на меня.

Я отбивала удар за ударом, металл звонко стучал о металл. Я пинаясь и целилась в его глаза.

Склянки трескались, книги сыпались с полок, коробки падали на пол, поднимая облако пыли.

Я хорошим пинком в грудь отправила пьяное тело в стену, рука зацепилась за лестницу, я подтянулась, вынырнула наверх, но Яров оказался быстрее: он перехватил меня за лодыжку и с силой дернул вниз. Осколки стекла вонзились в обувь и спину, и я протяжно взвизгнула.

Яров обхватил меня руками и, сдавив плечи, поднял в воздух.

В следующую секунду я оказалась внутри свободной ржавой клетки. Лязг замка отозвался в пустоте, моё сердце сжалось от ужаса. Я повернула голову на зомби-ребёнка в соседней клетке. Оно сидело на полу, жадно ковыряясь в полу, и на мгновение наши взгляды встретились. Я отползла в про-

тивоположный от него угол.

— Что? Неприятный сосед? Не брезгуй, скоро ты будешь ему завидовать, хотя... если будешь смотреть на меня так же, как вечером, я подумаю над тем, чтобы сделать тебя моей третьей женой... или станешь нашей первой закуской.

Яров шагнул назад, оставляя меня внутри. Его тень растянулась по полу, а затем он медленно поднялся по лестнице в люк.

Я сложила руки, подобно статуе в церкви, и начала сочинять молитву. Дитя из соседней клетки тянулось ко мне разбухшими пальцами, точно это была его молитва перед ужином. Впервые я могла рассмотреть зомби так подробно, раньше мне казалось, что это просто мертвые разбухшие тела, но теперь я видела, что эти опухоли напоминали те, что появлялись у крыс в живом уголки на ферме, маленькие пульсирующие узелки под кожей.

Пахло смертью. И в этот раз — моей.

Глава 8. Корабль сынов бастардов. Кадериан.

— Фляжки легковнушаемые, их специально воспитывают

такими... хм... не особо разумными. Знаете ли, человеческая психика гораздо слабее вампирской. Вам гораздо проще воспринимать смерть, ведь вы знаете, что вас не тронут ни зомби, ни вампиры, вы будете жить вечно, если будете достаточно осторожны. Но разве можно сохранить трезвый рассудок, будучи чьей-то пищей? — Лен сделал глоток крепкого алкоголя. — Подобные разговоры при фляжках о их природе, вампирах, мироустройстве могут, скажем так, навредить. Так что мы всегда советуем нашим клиентам заботливо относиться к их психике, а то рано или поздно проснётесь с ножом в горле.

— Ох, да, Лисса — это огонь. У неё явно проблемы с головой, но... Она кажется заботливой. Мы только познакомились, а она уже спасла мне жизнь, — Сириус задумчиво покивал головой, ошибочно полагая, что город был сожжён во имя нашего спасения.

— Вот! Вот к чему это приводит, — Яров указал на Сириуса, будто подтверждая их слова. — Это их обязанность — спасти вампиров, а не одолжение. Она явно хорошая фляжка, раз смогла вам это внушить. Но знайте: их затачивают на выживание. Они скажут что угодно и сделают что угодно, лишь бы прожить подольше. Это удерживает экономику: фляжек знаете ли, ещё 15 лет растить. Для вампиров это может быть немного, но для людей... Полжизни.

То, как искренне эта женщина называла сожжение города и гибель десятков, если не сотен вампиров исправлением

ошибки архитектора, навевало мысль, что капитан прав.

— К ним относятся как к вещам, как к закуске. Но у людей тоже... — он сглотнул слюну, — есть те же чувства, что и у вампиров. Когда фляжка ломается, она перестаёт отличать служение, подчинение и власть от любви. — Он поставил кружку на стол с громким стуком и прохрипел: — Не надо недооценивать людей.

Яров встал, ведомый махами проводницы, и ушёл за дверь. Их перешёптывания остались для меня загадкой.

После трапезы я сразу вышел из столовой и помассировал виски. Вид бездонного залива вызывал тошноту.

Лисса больше не моя проблема.

— Ригель? — окликнул меня Сириус за моей спиной.

— Не называй меня так! — рявкнул я.

— Прости... Слушай, я хотел спросить. А Лисса реально верит в Бога и всё такое?

— Ещё неделю назад она даже не знала о существовании такой опции.

— Ну, я имею в виду... Что тогда в баре, когда она вышла на сцену? Она искренне хотела нас сжечь?

— Я продал её, так что, наверное, она была немного не в себе, но... — я забрал с его плеч свой плащ, с разочарованием обнаружив, что к чудесному цветочному аромату Лиссы примешался запах этого идиота. — Затем она ведь спасла тебя, хотя ты мог превратиться в горсть пепла, как и все остальные, кому не посчастливилось находиться на улице в

тот момент. Так что выбирай сам, что для тебя важнее: намерения или конечный результат.

— В таком ключе я даже не мыслил... ну, я думаю...

— Спаси меня от своих умозаключений. — Я пихнул ему плащ в руки. — Постираешь вместе со штанами, — я указал на темнеющие края серых брюк и поспешил поскорее пойти в закрытое помещение.

Каюта встретила меня четырьмя кроватями, расположенными друг над другом и для надёжности закреплёнными цепями. Я лёг на одну из них и, укачиваемый волнами, пытался отчистить голову.

Я с трудом вспоминал, сколько мне стукнуло лет — время теряет смысл, когда большую часть жизни провёл в подземелье, в клетке без солнца, молясь не о спасении, а о простой человеческой слабости... о смертности. Но удача никогда не улыбалась мне.

Моими забавами были соседи по заточению — вампиры и изнеженные людишки из королевского дерьма.

Я думал: вот он, расцвет человеческой сути — похоть до пены у рта, жадность до чёрных лёгких, гнев до саморазрушения... Слабость. Подлость. Нетронутая благородством ни на йоту.

Иногда мне попадался свет. На секунду — и хватало: он сжигал хуже огня.

Люди? Вампиры? Утомляли одним вздохом. Их мысли шевелились как старые часы — предсказуемо... пресно...

Я перевернулся на другой бок, цепи кровати жалобно звякнули.

Лисса...

Её разум — это тёмный хаос без ошейника и поводка...

И я обожаю, как он меня зовёт на край рассудка.

В её объятьях нет тепла, в её флирте нет любви, в её желании помочь нет великодушия, в её желании убить нет зла, в её служении нет преданности...

Но я не мог позволить себе такую роскошь.

Ледяная буря, мои ноги, семенящие по льду, и детские слабые кулаки, пытающиеся разбить лёд, расчистить снег, чтобы увидеть её, чтобы вытащить, спасти. Кулаки сжались от гнева, и я глубоко вздохнул, возвращаясь в реальность.

Под вечер мой мозг напоминал отбивную. Мысли сражали одна другую: от желания понять Лиссу до того, чтобы съесть её, от бегства до обладания.

«Мне не нужна спутница. И тем более фляжка.» — я вложил в последние слова максимум неприязни, чтобы оттолкнуть, но она, кажется, не обратила на это внимания и лишь спросила имя какой звезды ей подходит.

Я поднял глаза на небо на ковш большой медведицы, прочертил мысленную линию и указал на полярную звезду.

Когда Сириус забрал меня на разговор, я был даже рад. Заходя в каюту, он воровато оглянулся и принялся застилать смятую кровать. — Как бы тебе сказать... та женщина с большой грудью, что заведует кораблём, пришла сегодня ко мне.

Она была пьяна и, кажется, совсем без одежды...

— Сириус, ближе к сути.

— В общем, похоже, она перепутала нас с тобой.

— Как нас вообще можно было перепутать? — я закрыл лицо руками, не от досады, а от абсурда.

— Ну, было темно, и Лисса сказала не разговаривать, так что я думаю, что это её рук дело. Но вот что странно: проводница во время близости назвала меня «мой принц». Может, это, конечно, совпадение, кто знает, какие у этих корсарш фетиши... но...

— Либо они знают, кто на их корабле. Понял тебя, спасибо.

Я тут же вышел. Если капитан знает обо мне, то всё, что мне оставалось — перебить их. У трапа уже собирались Лён и Фиал.

— Ага, — протянул Лён, заметив меня, и расплылся в ухмылке. — А мы как раз искали тебя, чтобы предложить выпить с нами.

Я слегка поклонился, как принято у особ, и улыбнулся краем губ.

— Вы слишком быстро прознали мои слабые места, господа.

Они провели меня в помещение, которое напоминало одновременно погреб и трактир: низкий потолок с чугунными крюками, дубовый стол, по углам — бочки, лампы, старые стулья. Здесь пахло вином, дымом от ламп и ничуть не скры-

ваемой плотской радостью. Фиал устроился у печи, в руках у него был большой нож, но он не делал из этого зрелища — просто нарезал закуски к трапезе. Впрочем, людей я не опасался.

Разговор потёк плавно, как в хорошо поставленном застолье, в то время как я выжидал момент, чтобы напасть. Когда миновала занудная вводная часть, я наконец перешёл к сути.

— Мы плывём точно по курсу? — спросил я ровно.

— Не волнуйтесь, ваше высочество, — пожал плечами Лён. — Корабль идёт прямиком в восточный порт. Если бы собирались сдать вас стражи — не отплыли бы вовсе.

Как легко они прочитали мои намерения. Это впечатляло и пугало в равной степени.

— С чего такое великодушие? — усмехнулся я, приподняв бокал, чтобы поймать игру света на вине.

— Мы ценим вас. Свою безопасность и сохранность нашего корабля мы ставим гораздо выше, чем какая-то предполагаемая награда, — Лён схватил кусок рыбы со стола и закинул в рот, пока Фиал занимался приготовлением остальных закусок.

— Совсем не похоже на морских волков.

— Ох, мой драгоценный друг, мы не какая-то шайка бандитов и охотников за головами, у нас есть свои интересы... — усмехнулся Лён, — наш выбор сделан.

Наш разговор свернул на пустяковые темы: ветер, улов, слухи о Востоке. Я ждал третьего капитана, который явно за-

держивался, хотя уже сомневался в правильности своей планируемой расправы. Фиал слушал, медленно потягивая вино, не вмешиваясь — его молчание действовало как скала в волнах слов.

В дверях послышался треск — кто-то вошёл, ввалившись в тёплый полумрак. Это был Яров, который казался ещё более раскрепощённым, чем прежде: глаза блестели, он чуть покачивался, а на лице сияла довольная улыбка, которая мне совсем не понравилась. В его мерзком спиртовом дыхании я уловил едва заметную ноту — сладковатую, как мёд. Кровь Лиссы.

Я моргнул и дернулся — и в тот же миг почувствовал резкую боль в затылке.

Нож. Холодная рукоять вонзилась в затылок из тени; мир сузился до белого, резкого света фонаря. Если больно — значит пробили мозг. Голос Фиала звучал близко и хрипло:

— Ваше высочество, — протянул он, влажно ухмыляясь, — мы с вами ещё не закончили. Мы ведь обещали пир на утро, так вот, он скоро начнётся. И ты был прав: мы очень быстро прознали твои слабые места.

Яров вдавил меня назад так резко, что голова ударилась о холодный край стола, и мир на мгновение закрутился. Металл корабля, запах плесени, тёплая липкость крови — всё сливалось в один сплошной фон, но в нём ясно прорезались чужие голоса, шаги, звон посуды. Моё тело пыталось подняться, но мышцы не слушались: сытость и вампирская сила

восстанавливали плоть, а кортик в мозгу делал её неподвижной. Самая уязвимая часть тела — мозг — теперь была для этих ублюдков ключом к победе. Откуда им стало известно? Где, чёрт возьми, Лисса?

Яров усадил меня обратно, надавив ладонью на плечо так, чтобы я не мог сдвинуться. Его запах жёг, как кислота.

— О! Я ведь говорил — сработает! — воскликнул он и схватил мою руку, бесчувственную, и бросил её на стол; удар глухо отозвался по комнате. Стекло звякнуло, капли крови разлетелись брызгами.

— Он в сознании? — Лён опустил, посмотрел мне в глаза. Я не мог двигать глазами, только фиксировал обзор, который мне был позволен.

— Ага. Всё видит, слышит, но сделать ничего не может, — ответил Яров.

— Долго ждать, пока из него кровь сольётся? — спросил Лён. В его голосе не было жалости, только расчёт.

— Минут пятнадцать, — Яров вытер виски краем ладони, — и ещё минут тридцать на обработку эссенции.

Самым худшим в этом положении было то, что приходилось надеяться на придурка Сириуса.

Они хлопнули бокалами. Вино, красное и густое, пролилось по дубовой доске и в лужах смешалось с моей кровью.

— Сегодня, братья! Сегодня мы станем вечными вампирами с иммунитетом к солнцу!

Смех, грубый и удовлетворённый, заполнил погреб. Во

мне вскипала ярость и гнев. Опять я стал ресурсом.

— Девчонка в клетке, ею потом перекусим, если будет строптивой. Говорят, первый голод у вампиров самый сильный, — произнёс Лён.

Фиал молчал, только качнул ключами, жестами показывая, что полный вампир закрыт.

«А, нет. Нам конец...»

Яров облокотился на стол и уставился в мои пустые глаза с удивительной для него торжественностью. Его речь превратилась в лекцию:

— Видишь, белый воротничок, — губы его тянулись в усмешке, — ты, наверное, думал, что это жалкая лодчонка, для перевозки снобов вроде тебя и кормления таких, как ты, но это великий корабль, внуков первородного! К сожалению, нам не повезло так, как вашему высочеству, так что в генетической лотерее нам выпала старость и скучная человеческая смерть. Но в наши планы это не входит.

— Грабить суда, терроризировать порты... как мило с твоей стороны, Яров. Расскажешь, что принц пропустит из-за своей глупой смерти?

— Ты ведь знаешь, что может исправить эту досадную ошибку природы? О, да, ты точно знаешь — кровь рождённых или первородных вампиров. Таких, как два тебя, таких, как четверо нас, таких, как восемь наших отпрысков. Сыворотки для нас собраны жертвами наших детей. Так что радуйся: твоя смерть спасёт несколько невинных младенцев.

Хотя на человека ты не похож.

— Я принесу сыворотку, и мы начнём. Ни к чему откладывать, к тому же, вон глядите... — он указал за окно. За окном забрезжил рассвет. — Сольём кровь с него прямо тут. Принесу сыворотку и переработчик сюда, внизу небольшой беспорядок.

— Встретим рассвет вместе с нашей новой силой?

Фиал кивнул. Они подхватили меня под руки и понесли вверх, в столовую.

— Я сейчас, я быстро, — Яров кивнул и ушёл вдоль коридора.

Лисса... Лисса... Лисса... Что ты с ней сделал, грязный ублюдок!? Почему на тебе её кровь!? Как бы я ни сопротивлялся, моё тело абсолютно не слушалось.

Они несли меня, словно тушку, вверх по скрипящим ступеням к столовой. Каждый шаг отдавался в рёбрах, в висках; кости стучали о металл. Мир сокращался до воняющего коридора и чужих рук на моей коже. Яров свернул в сторону, исчез в проходе — и я услышал его быстрые шаги.

Столовая встретила меня гробовой тишиной: длинный дубовый стол, свечи, бочки с вином и молчаливые жены, поспешно покинувшие помещение, как только бастарды втащили меня внутрь. Меня посадили во главе стола, так будто усаживали на трон убитого короля. Фиал и Лён заняли места по бокам, напротив друг друга, их профили вырисовывались на фоне бледного рассвета, что полз по окнам и рисовал на

потолке светлые полосы.

Воцарилось молчание.

К ярости примешивалось отчаянье.

Дверь скрипнула.

Лисса.

Её появление было резким и в то же время не контрастировало с её будничным поведением: она вскрыла бутылку, глотнула вино прямо из горла, села напротив и посмотрела на меня, откинув голову назад.

— Доброе утро, — её голос прозвучал почти детски. Светлое личико уставилось на нож, что торчит в моей голове. Бастарды встретили её молча, наблюдая за реакцией. Лисса хихикнула.

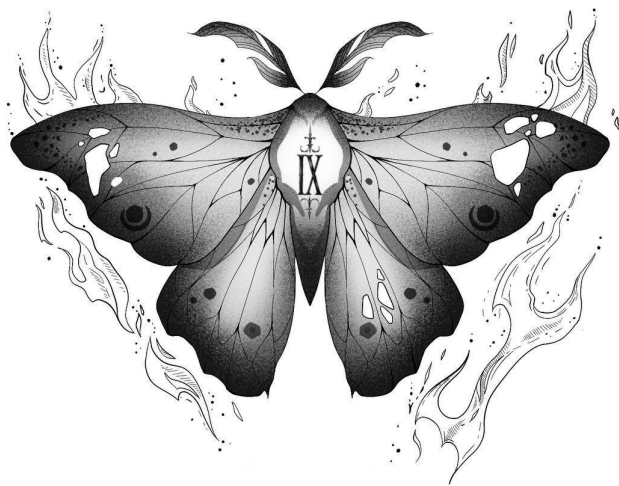
Лён вскинулся мгновенно, но не набросился на Лиссу. Его лицо вытянулось, глаза округлились — он выскочил за дверь, в его глазах бегал страх.

Пташка, не обращая внимания на сбежавшего капитана, качнула бутылкой вина, предлагая её Фиалу. В ту же секунду, словно по команде, Фиал поднялся, и воздух разрезал стальной клинок, пробив его мутный глаз. Его взгляд замигал, потух, тело обмякло и с глухим стуком упало обратно на сиденье.

Снизу, в глубине столовой, проревели крики — сначала один, потом цепная волна истерики и боли.

— Я бы дала тебе последнее слово, жаль, что ты нем, как рыба, — хмыкнула Лисса. — Да начнётся шоу!

Глава 9. Мотыльки летят на свет. Кадериан

Шаги Лиссы были лёгкими, странно размеренными на фоне паники и агонии, что звучала внизу.

«Ну же, вытаци это дерьмо из моего черепа»

Она обошла меня сзади и резко наклонилась. Я увидел в её перевёрнутом личике необычную, хищную сосредоточенность. Рука её — тёплая и твёрдая — перехватила моё лицо, пальцы пробежали по щеке и сцепились с подбородком, и

она прижалась губами к моим. Поцелуй был быстрый и холодный, как у призрака. Лисса выдохнула:

— Всё-таки умер, — констатировала факт и безжалостно пожала плечами.

Она отошла, отвела взгляд от меня, резко перехватила клинок и вытащила его из глаза Фиала.

«НЕТ! НЕТ! НЕТ! ВЕРНИСЬ!»

— Жаль...

Она отвернулась, подкинула оружие и покрутила лезвие между пальцами. Я поразился, как легко женщина, едва не зарезавшая себя, когда я оставил её одну в таверне, приняла мою смерть. Конечно, она не должна была горевать, но...

— Жаль, ведь ты не увидишь, как я захвачу этот чертов корабль! — она ярко улыбнулась, и я понял, что в её чудесном настроении даже грусти нет места.

«ЖЕНЩИНА! ПРОСТО ВЫТАЩИ ЧЕРТОВ КЛИНОК!»

— кричал я мысленно.

Яров, зомбированный, ударился головой в окно, оставляя там красно-чёрные разводы. Он налетел плечом, оставив на стекле дыру. Лисса поиграла пальцами, спускаясь на бедро, наткнулась на пустующее место четвертого клинка, вздохнула и вытащила его из моего черепа, не оглядываясь, перелезла через стекло за моей спиной на крышу.

Я вылез за ней. Она подпрыгнула, когда я оказался рядом, и я едва успел перехватить её руку с лезвием у своего горла.

— КАКОГО ЧЕРТА!?! — наши голоса слились в один

крик.

Я резко развернул её спиной ко мне, прижал к своей груди так, что она не могла даже вздохнуть без моего разрешения. Её тонкая спина вжималась в мой камзол, пальцы сомкнулись вокруг её запястий.

— Опять за своё? — прошипел я ей прямо в ухо, дыхание чуть заметно колыхнуло прядь волос у виска. — Неужели никто так и не научил тебя: нельзя тыкать клинками в тех, кто может потом отплатить?

Она издала короткий ломкий смешок, от разрывающего её восторга. Глаза блестели, как у кошки в темноте.

— М? Это как? — посмотрела на меня снизу-вверх соблазнительно и оттолкнула бедром. Она вновь закинула бутылку и сделала несколько больших глотков; струйки вина текли по краю её губ, стекали по шее, ключицам и скрывались под рюшами платья. Она покрутилась, танцуя под крики и хрипы зомби, что тянулись к ней внизу. От неё пахло кровью, и я стискивал зубы до скрипа.

Лисса встала на четвереньки и ударила долбящегося к телу Фиала Ярова.

— Ещё твёрдый, зараза! — выругалась она, долбя его череп. Через несколько ударов он захрипел и упал. И тут я увидел в её спине несколько торчащих осколков стекла.

Я сделал шаг, но затем оглядел картину внизу и спрыгнул. Мир взорвался звуками — треск досок, хруст костей, крики. Корабль дрожал, как живое существо. Зомби, искажённые, с

глазами цвета грязного молока.

Я ступил в эту мясорубку, как во дворец, — тихо, холодно. Женщины, что ещё недавно кормили нас, теперь были искусаны; я дарил им смерть быструю, лёгкую. Вырывая сердца, которые уже бились не для жизни. Крики обрывались один за другим. Их руки, которые ещё недавно кормили и утешали, теперь дрожали, цепляясь за меня.

Из-за бочек вышел Лен. Его когда-то мощные руки были изъедены зубами, кожа вздута, как старое мясо. Глаза лихорадочные, пылающие. Он шёл на меня, шатаясь, но с ножом в руке.

— Это мой корабль! — заорал он, и голос срывался на визг. — Я построил его! Я должен был жить вечно! Я убивал! Убивал своих детей ради... РАДИ ЧЕГО?

Он остановился. Его нож прошёл по моему боку, но я перехватил запястье, выворачивая его. Доски под ногами трещали, брызги крови смешивались с солёной водой. Лен бился как зверь, ломался, но не сдавался.

— Так не может всё закончиться! — выдохнул он, оседая на колени, но пытался подняться, хрипя. — Дай мне немного своей крови... хоть глоток... Я стану как ты... Я буду служить тебе! Мой корабль будет служить тебе! Я отдам всех своих фляжек! Я все отдам! Я что угодно сделаю, чтобы не умирать! — его глаза наполнялись слезами.

Я посмотрел на него сверху вниз. Его руки дрожали, пальцы судорожно тянулись ко мне.

— Я подарю тебе кое-что более ценное, Лен. Покой.

Он хотел ответить, но слова захлебнулись, когда мои клыки вошли ему в горло. Одно короткое движение — и сердце перестало биться. Его тело обмякло, осело на пол, нож звякнул о доски.

Тишина. Лишь хлюпанье воды и далекий стон умирающего зомби.

Я вытер кровь с губ, подобрал прибитую к стене аптечку — потертая, но полная, с красным крестом на крышке. Я поднялся, и солнечный свет окутал меня, когда я вернулся на палубу и взобрался на крышу. Лисса сидела, вытянув ноги, глядя в даль, ветер играл с её волосами.

Я поднял аптечку.

— Твой корабль чист.

Она обернулась. На раскрытой ладони лежал обгоревший мотылёк. Она сдула его, и тот, подхваченный ветром, спланировал в море. Её покачивало, то ли от боли, то ли от выпитого алкоголя.

— Как ты выбралась, маленькая птишка? — я сел позади неё, расстёгивая платье с холодной заботой хирурга. — Яров сказал, что запер тебя в клетке.

— С Божией помощью.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Этот идиот оставил ключи в комнате. Достаточно далеко, чтобы я могла до них дотянуться, но довольно близко, чтобы мне мог передать их мой зомби-сосед.

— И ты попросила его? — я ухмыльнулся с неожиданной нежностью и аккуратно извлёк осколок стекла из её спины. Она даже не дернулась.

— Вроде того, он сказал: «Теперь ты будешь моей королевой».

Я помычал, подбадривая её шутливый тон, и продолжил обрабатывать спину. Некоторые раны требовали швов, и я, вздохнув, надкусил себе руку и вытянул капли над бутылкой вина, отправляя их прямо в горлышко.

— А я ответила: «Когда поднимусь к власти, первой наградой будет твоё освобождение от проклятья».

Из нижнего коридора вышел маленький зомби. Я напрягся, уже готовый броситься, но Лисса перехватила меня за воротник, подтягивая к своему лицу. Она взяла крестик, покрутила его в руке, пока не поймала солнечный зайчик.

Блик запрыгал по палубе... прямо к краю борта...

— Наша последняя игра, маленький мотылёк.

Малыш потянулся за ним, как за бабочкой...

И шагнул в пустоту.

Лисса опустила руку.

Вода глухо приняла его без веса и боли...

— Ты свободен.

Я обхватил её за плечи и уткнулся носом в затылок, смеясь. Никогда бы не подумал, что столь патовую ситуацию способен решить солнечный зайчик. У зомби всегда была особенная любовь к свету, к огню, бликам, к солнцу, они

толпились у западного берега, завороженно наблюдая закат.

Вид её изрезанной обнажённой спины неожиданно не вызывал во мне аппетита. Я провёл рукой по зажившим шрамам — как по рунам из книги, которые не осмеливаются читать вслух: рваные, точки от клыков, полосы от розог, ожоги.

— Он не первый, кто прыгает в бездну за светом, и не последний, — Лисса перехватила бутылку вина и пододвинула мне аптечку. — Шей, даже если не умеешь, отступай пять миллиметров от края и сделай новые шрамы красивыми.

— Умею, — я хмыкнул. — Разве шрамы можно сделать красивыми, а не просто напоминаниями о плохих решениях? — Раны затягивались с каждым её глотком вина. — Если бы мои мучители знали об эстетике рубцов, может, и я бы стал произведением искусства.

Мои руки водили по её спине, щипали и иногда кололи иглой. Я и в самом деле умел шить, но надобности в этом не было: всё заживало само по себе.

— Можешь назвать их в свою честь.

— Ладно, — и тут мне стало даже жаль, что от них и следа не осталось. — Попробую не испортить твою коллекцию.

Она поднялась, облачиваясь на меня. Я отстранил её — не резко, аккуратно, будто она была хрупкой статуэткой, которая рассыплется от резкого движения. Отошёл на пару шагов назад, развернул её к себе, чуть наклонил голову, рассматривая лицо. Её клыки были человеческими.

— Ты пьяна, — я констатировал факт.

— Начинает вонять, — она осмотрела корабль сверху, сползла с крыши и влезла в разбитое окно. Пошарившись в карманах Фиала, взяла ключи.

В каюте уже раздавались мольбы о помощи от Сириуса. Когда Лисса провернула ключ, он выскочил ошарашенный.

— Вы зачем это? Вы что? — он недоуменно оглядывался по сторонам и осматривал нас с Лиссой, залитых кровью. — Это всё-таки была засада, да?

— Ах, вы черти! Вы всё знали!

— Всё было не так, — я закатил глаза. Лисса окинула нас обиженным взглядом и поднялась на палубу. Корабль качало, и, к удаче Сириуса, на эту сторону не падало солнце.

— Помогай убирать это! Начинает вонять... — Лисса перекатило женское тело ногой и скинула в море — кто-то слишком плохо себя вел...

- Эй! Оставьте мне перекусить, вот это, вот это — я тыкаю пальцами в тела, которые пострадали меньше всего.

— Зомби? Кто-то заразился? — Сириус был шокирован.

- Мы были в ловушке, но я взмолилась Богу, крест в моих руках поймал солнечный луч и зомби из соседней клетки потянулся за ним, Яров оставил ключи на столе и зомби сбросил их на пол, я вела его руки за бликом, перемещая ключи, так чтобы я могла освободиться и освободить дитя - Лисса кратко пересказала, что он пропустил. — У нас накопилось очень-очень много вопросов друг к другу, — она ткнула в меня пальцем и с шипением спросила: — Что ты такое?

— Я — вампир, глупая женщина, — я перетащил недо-
еденное тело сверху и скинул в воду. Чайки вокруг пировали
и громко кричали от благодарности.

— Вампиры горят на солнце.

— Но я не принадлежу ни ночи, ни дню. Я дитя тьмы и
мертвечины, но кровь во мне всё ещё поёт. Как ты могла за-
метить: не у каждого бастарда преобладает вампирская сущ-
ность? — я перевалил Фиала через плечо и скинул в воду.

— Но у тебя есть клыки! Помнишь то священное здание?
Когда мы уходили, я наклонилась в зеркало, чтобы осмот-
реть шею, и знаешь, что я увидела?

— Удиви!

— Тебя на фоне!

Сириус кивал, ожидая продолжения, и нахмурился, когда
она замолчала.

— Вампиры не отражаются в зеркале, дурень! Ты в зерка-
ло совсем не смотришься?! — рявкнула Лисса. — Господи,
да ты же видел, как он метался в баре: он даже кровь не пьёт,
он ею запивает!

— Кстати, как ты выжил тогда? — Сириус спросил. — Я
слышал, что бастард короля погиб в кровавой битве с Запа-
дом, ходили легенды, что Каллисто лично сделал из лунного
принца Ригеля дуршлаг. Почему он вообще тогда напал на
замок?

— Мёртвым быть гораздо удобнее, чем живым.

Лисса поморщилась, как от головной боли.

— Я тут единственная не выдумывала себе имя? — психанула она и с усилием пнула труп в воду.

Из коридора, хрипя, вышла проводница. Её руки были искусаны, а в глазах — мутная, безумная пелена. Красные ногти вытянулись в сторону Лиссы. Сириус инстинктивно отпрянул, но, заметив, что зомби не проявляют к вампирам ни малейшего интереса, шагнул вперёд, ухватил её за плечи, обнял, будто в вальсе, чмокнул в щёку и повернув, бросил за борт.

Тело шлепнулось о воду, и волна хлынула обратно на палубу. Меня замутило. Я отступил, схватился за стену.

Она тонула так же... Руки — вверх, потом вниз.

Воздух стал густым, как сироп. Я сглотнул, но ком не проходил. Мир сузился до хриплого дыхания. В ушах бился шум крови.

Вода. Не смотри в воду. Не смотри.

Лисса бросила взгляд на меня, нахмурилась, но вместо сочувствия ткнула пальцем в Сириуса:

— А ты! Не был ты во дворцовой ферме.

— Что? — Сириус чуть не подавился воздухом.

— Дети правы, ты слишком... полный для фляжки. Особенно при дворце. Там отбор такой, что один из тысячи пройдёт. Даже я не прошла, хотя у меня показатели силы, выносливости и, — она указала на себя, — очевидно, внешности выше среднего!

Сириус оскорблённо вскинул подбородок.

— Юные обращённые часто выглядят как люди, — встал я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Но со временем, с каждой выпитой каплей крови, их внешность меняется. Становится... притягательнее.

— То есть я могу стать ещё красивее? — Сириус расправил плечи.

— Сложно представить, — хмыкнул я.

— Я, между прочим, в отличной форме. И фляжек в замке кормят как богов!

— Нет. И у дворцовых фляжек нет общих комнат. Их растят без привязанностей. А ты... слишком общительный, слишком... Не такой. Так откуда ты взялся? С востока, да?

— Это... долгая история, — пробурчал он, отворачиваясь.

— А знаете, что? — Лисса раздражённо фыркнула. — Храните свои секреты! Пусть они сдохнут вместе с вами. Я спать. Этот дерьмовый день и без вашего занудства был слишком долгим. Корабль мой. Фляжки мои. На востоке я схожу с корабля.

Она перепрыгнула через мои ноги и исчезла внизу.

— Это... она уйдёт, получается? — Сириус почесал голову.

— Она злится, имеет право. Если эти трое бастардов меня умудрились обездвигить, то тебе бы лучше отошёл на десерт, — пробормотал я, выпрямляясь и стирая холодный пот со лба. — Пошли. Нам нужно кое-что проверить.

Мы спустились вглубь корабля, туда, где стоял запах гнили, плесени и формалина. Старые ампулы перекатывались по полу, на стенах дрожали синие огни ламп, стекло трескало под ногами. На столе — раскрытые журналы, перепачканные чернилами.

— Что это... — Сириус осматривал трубы, ведущие к стенам, и большую схему на дальней стене, похожую на генеалогическое древо.

— Как бы тебе объяснить... Ты знаешь, что нужно для обращения в вампира?

— Кровь первородного, — Сириус подошёл и провёл пальцами по нарисованной схеме, во главе которой вырисовывались три имени: Яров, Лен, Фиал. А внизу, точно ничего не значащие черточки, определяли количество убитых ими детей.

— Или двух дампиров. Вампиры не могут иметь детей с вампиршами, но вампиры с людьми — с редким шансом — могут зачать дампира. Помимо меня я знаю о существовании ещё двоих. Те трое, что владели этим кораблём, были братьями — детьми дампира.

— То есть их дедушка был первородным?

Я коротко кивнул и призадумался, чьих внуков мы убили.

— Путём несложных вычислений выходит, что для синтеза сыворотки нужно либо один первородный, либо два ребенка первородного, либо четыре внука. То есть им было необходимо убить по восемь детей и синтезировать сы-

воротку для каждого. Но этого им было мало — похоже, тут проводились эксперименты над зомби.

Половинки мозгов пузырились в банке.

— И тут же они гнали кровь детей, чтобы создать вампирскую эссенцию?

— Похоже на то. Кстати, где она? — Я внимательно осмотрел стол, провёл глазами по лабиринту стеклянных труб и дошёл до последнего горлышка: с него стекала вязкая синяя капля. Я смахнул её указательным пальцем и положил в рот. На вкус действительно походило на кровь первородных, но под ней ничего не стояло — ни ампулы, ни стакана. Странно.

— Что если ампула была в кармане у Ярова?

— Я проверил его одежду прежде чем скинуть за борт тело.

— Судя по запаху крови, Лиссе тут досталось неплохо. Может, тара с эссенцией разбилась? Всё же ей как-то удалось выскользнуть за дверь и закрыть Ярова внутри вместе с зомби. Наверняка он просто так не дался... — Сириус принюхался и осмотрел пол.

Я склонился над страницами и провёл пальцем по аккуратным строчкам. Их идея была не просто в превращении в вампиров — их интересовала возможность вечной жизни без последствий, с возможностью находиться на солнце. Яров проводил тут множество экспериментов над зомби и упырями.

Помимо записей о ходе исследований, на столе лежал бор-

товой журнал. Я изучил записи и узнал, что корабль получал хороший доход с продажи слитой крови фляжек. Путники на борту тоже не были роскошью, однако наших имён тут не было — вероятно, потому что никто из нас по замыслу бастардов не должен был доплыть до порта. Прогулявшись пальцем по именам, я едва не пробил страницу.

«Вирго. Причал улья — остров Мелет. 11.10.»

Внизу отмечены координаты. Я швырнул книгу в стену.

«Стук. Стук. Стук. Стук. Стук.Равномерный. Проходящий эхом по камере и сводящий с ума. Графиня Венера заказала Вирго собственную статую, но была разочарована результатом, сочтя её изображение обманчивым. Венера и королева стояли друг друга в безумии, так что в качестве наказания она заставила скульптора четверть века провести в темнице с завязанными глазами, но даже так он не прекращал работу и творил на ощупь. Всё бы ничего, но этот звук... К боли привыкаешь, но это...

Стук. Стук. Стук. Стук. Стук.

— Вирго, прекрати! — взмолился я. Слушать это месяцами, годами было невыносимо...

Стук. Стук. Стук. Стук. Стук.

— Для кого вечность — мечта, для кого — заключение, — хмыкнул он.

Стук. Стук. Стук. Стук. Стук.

— Хватит! Хватит! — ревел мой голос.

Стук. Стук. Стук. Стук. Стук.

— Разве не поэтично: я вынужден вечно стучать молотком, ты вынужден вечно слушать?

Стук. Стук. Стук. Стук. Стук.»

Я откинул стул назад, чем вызвал обрушение полки с банками со странными жидкостями. Меня будто током ударило.

— Что случилось? — Сириус дернулся и вжался в шкаф.

Мой взгляд прояснился, и я потерял уши, отгоняя этот противный звук, что стучал в моём сознании.

— Добыча из рук ушла, — я вернулся, чтобы проверить время. — С другой стороны, можем успеть, на остров он приплыл недавно, но нужно торопиться... Чёрт... Сириус?

— Да? — нервно откликнулся он.

— Нужно развернуть корабль и заплывать на один остров. Нет времени причаливать к порту.

— Да мне-то что? Мне вообще на восток нельзя, да и на север, честно говоря, тоже. Но Лисса сказала, что это её корабль.

— Лисса?

Неужели он и правда думает, что я стану считаться с какой-то фляжкой? С другой стороны, есть шанс, что она согласится, и тогда не придётся разбираться с ней.

— Я поговорю с ней. Мы отплываем на остров немедленно. Я поставлю курс, ты вставай за штурвал.

Лисса спала спокойно. Корабль раскачивался, и свет от фонаря медленно скользил по её лицу. Пальцы сжимали что-то мелкое — солонку. Она что-то шептала, губы дергались.

— Эй, — я наклонился, тронул её за плечо. — Проснись, женщина.

Она резко вздохнула, словно вынырнула из-под воды. В глазах — паника. Вскрик, и рука сама метнулась — ударила по моей груди.

— Отойди! — она тяжело дышала, глядя на меня как на врага. — Не трогай!

— Тихо, тихо, — я поднял ладони. — Это я. Никто тебя не кусает.

Она осознала, где находится, провела рукой по лицу и тяжело опустилась обратно на постель. Солонка всё ещё была в её руках.

— Ты спишь с приправами? — хмыкнул я, пытаюсь разрядить обстановку.

Она спрятала солонку в декольте.

— От нечисти это не спасёт. Или ты пытаешься так перебить собственную сладость?

Она фыркнула, но уголок губ дрогнул.

— Ты что-то хотел?

Я замолчал на пару секунд.

— Хотел поговорить. И, наверное, рассказать кое-что о себе.

Вирго стал находкой, изменившей мой маршрут. Он стоял куда выше прочих в списке моей мести — я совсем не был готов к этой схватке. Тридцать лет я шёл по лестнице силы, оставляя за собой водопады крови, и Вирго был на несколь-

ко ступеней выше по силе каждого с кем я сражался прежде. Скульптор дворца пропал год назад после смерти жены, и в моём списке он был номинальной фигурой, фантомом, посланным судьбой. Я мог бы оставить его и позволить пройти через обряд и даже, возможно, когда-то забыть этот противный стук, но...

Он был порождением Каллисто, в нём текла моя кровь и кровь других первородных. Теперь, когда отец и мачеха знали, что я выжил, гонка за силой не позволяла упускать добычу, особенно такую крупную. Вот только я не знал, не стану ли я сам его закуской?

Так что... может, я мог позволить себе немного человеческой правды с женщиной, которая впервые коснулась моих губ?

Лисса приняла полусидячее положение, уперевшись головой в переборку, и постучала пальцами по свободному месту рядом с собой. Я снял обувь и сел, напротив.

— Ты спрашивала, что я такое? Я бастард короля Аркто-ра, рожденный от фляжки.

Её брови дрогнули. Хорошо, значит, слушает.

— Не бывает у вампиров детей! — фыркнула она.

Я развёл руками, демонстративно показывая на себя:

— Когда живёшь сотни лет, невозможное случается. Трое психов, которые теперь кормят чаек, тому подтверждение, как и я.

— На человека ты едва ли похож...

Я кивнул.

— По началу казалось, что я унаследовал лишь недостатки обоих родителей. С детства я был слишком слаб для вампира, боялся солнца, нуждался в крови и медленно взрослел... Однако во мне текла кровь первородного — моего отца, что испил из озера. Она обладала теми же свойствами: несколько глотков — обращение в вампира, и даже капля усиливала тех, кто уже обратился. В детстве я не представлял особенной ценности, но когда мачеха заметила, что мой рост замедлился и я перестал стареть, я стал бездонной фляжкой. Ресурс сотни лет, живущий под землей, прикованный цепями к стеклянным трубам, воющий и беспомощный.

Её светлые волосы качнулись, волны спали на плечо, голова наклонилась — она посмотрела на меня с интересом.

— То место было своего рода тюрьмой для провинившихся. Мои руки были абсолютно чисты, но помыслы... Я каждый день мечтал о мести, но был слишком слаб, чтобы даже поцарапать первородного. Всё изменил один день. Каллисто заключил с королевой контракт: она не притронется к саду, разбитому внутри замка. Запретный уголок, за заваленным арочным входом. Но власть всегда испытывает границы. Его упыри напали в тот же день, голодные до плоти. В отличие от зомби, они не так разборчивы в еде.

— Сириус сказал, что вампиры появились, когда люди испили из озера, а зомби — когда люди испили озеро, отравленное кровью и трупным ядом. Но как появились упыри?

Они выпили недостаточно крови первородных?

— Нет, они испили из того же озера, той воды, что ещё помнила вкус первородных, но уже разбавилась гнилью. Им удалось сохранить крупницы сознания, промежуточное звено. Жизнь и яд породили полусмерть. Каллисто сохранил бутылки с этой эссенцией, чтобы создать собственную армию. Твари с глазами воинов и инстинктами бешеных псов.

Лисса понимающе помычала и приложила палец к полуоткрытым губам.

— И они так же заразны для людей?

— Они передают вирус зомби.

— И тебя заразили? — сделала вывод она.

— Умная птичка! — безрадостно воскликнул я. — Да, один из упырей успел цапнуть моё горло, остальные кинулись следом, как стая крыс на упавшее со стола мясо. Я был сильнее и быстрее из-за крови первородного, но... их было много. Я с трудом отбилсЯ, отъелсЯ их телами. Но это не спасло меня от гибели. Я встретилсЯ в холле с Каллисто и даже не успел понять, как его меч превратил моё тело в фарш. Гребанный дьявол!

Лампа качалась всё интенсивнее, а вместе с ней — сам корабль.

— Каллисто... — она пробовала это имя на вкус — почему все зовут его дьяволом?

— Потому что так и есть. Из-за чудовищной силы он последний в моём списке смертников. Первый вампир.

Лисса забубнила какую-то песню про Каллисто: «О, Каллисто брошенный агнец...»

— Меня похоронили, закопали, даже надгробья не поставили, как чертову лошадь... Но вирус сделал своё дело. Благодаря вампирской крови я сохранил разум и регенерацию, благодаря заражённой крови не боюсь света и слабо чувствую боль. А зеркала... в них я всегда отражался.

— И теперь... ты хочешь мой корабль.

Я кивнул.

— Скажи «пожалуйста».

— Нет, — отрезал я, вскочив.

Ее длинные коготки, уже успевшие обломаться за время нашего короткого путешествия, застучали по трубе.

— Тебе нужно убить первородного, чтобы стать сильнее?

— Я пью и ем всех вампиров без разбора, они как комары. Могли питаться моей кровью — она хоть и стоила хороших денег, но была доступна даже придурку вроде твоего рыжего хозяина. Обращённые тоже в счёт. Каждый из них делает меня сильнее. Но от этого мало проку — нужны те, кто отпил хорошее брюхо за счёт крови первородных, а затем придёт час графов и короля с королевой.

— Звучит как самоубийство.

— Именно поэтому я не хочу брать тебя с собой.

— Но это предложение?

— Не совсем...

— Я в деле! — Лисса вскинула руку и протянула её мне.

— Сделаем тебя сильнее и свергнем короля с королевой!

— Зачем тебе это, пташка?

— Хочу увидеть, как горит трон. Фляжки вроде меня живут недолго. Даже если я сойду в Ноктилии, Крокус найдёт меня и закончит начатое. Я буду вечно бежать, как кролик, но рядом с тобой могу быть опасной, могу быть хищницей! Не сожалею о моей гибели, как и я не буду сожалеть о твоей.

Я медленно протянул кисть. Сейчас мне было важно получить корабль и добраться до Мелета; остальные проблемы буду решать по ходу, если выживу. Я сжал руку Лиссы, и вокруг вспыхнул синий огонь. Она вздрогнула, трясая рукой, и я отстранился.

— Что за магия!?

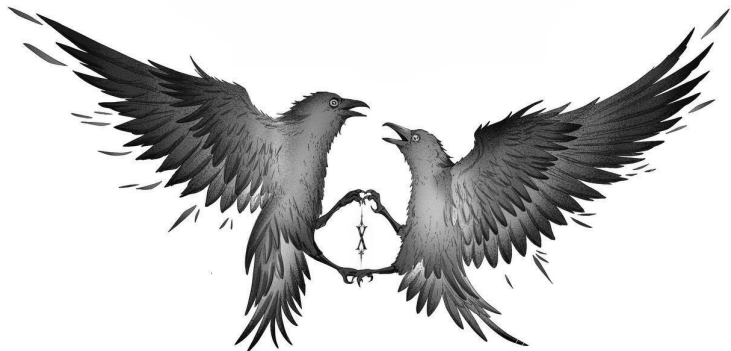
Я видел такое впервые и покачал головой.

— Я тут немного подслушал, — Сириус неуклюже ввалился в дверь. — Шторм приближается, и фляжки волнуются. Я открыл их дверь и выпустил. Похоже, они давно не гуляли.

— Разбирайтесь с этим сами. Я слишком долго не спала. И куда мы теперь направляемся? — Лисса нахмурилась.

— Убить одного очень жирного комара.

Глава 10. Тайны претерпевших. Лисса

Детский плач. Такой громкий, что хочется заткнуть уши и убраться подальше. Он действовал на меня как молитва на беса. Мне казалось, что корабль чист, что я убила всех вредителей, но этот противный звук... Он рвал мою душу, и я шла к нему, как сила вездесущая и безжалостная.

Вспышка. Я наблюдаю крещение, плачущих младенцев, такие нежные, такие чистые...

Вспышка. Я подхожу и опрокидываю одеяло, глядя на вопящего ребёнка. Мои руки в крови, я тяжело дышу, и мне вдруг становится стыдно. Не от содеянного. От того, что это

светлое существо видит меня такой грязной.

Резкий толчок.

Пробуждение.

Корабль качнуло. Я протерла глаза и увидела, как в иллюминатор бьются волны. Живот протяжно заныл — давно не ела. Я закрыла лицо руками, меня подташнивало от сна, будто прочитав мои мысли, в каюту вошёл Кадериан.

— О, уже проснулась? — Он оглядел меня. — Я нашёл что-то для смертных в столовой, и фляжки сами приготовили ужин для тебя: тут и рыба, и... э... Что это? — Он поднял коричневый комочек на вилке. — Что-то вроде овощей, да? Или останки чего-то неудачливого?

— Что-то вроде, да, — улыбнулась я. — Выглядит очень вкусно. Как дела наверху?

— Всё хорошо. Сириус поладил с фляжками, они на удивление оказались благодарными за то, что случилось с их хозяевами. Не знаю, какие у тебя на них планы, но несколько старших выразили желание сойти с корабля на востоке. Сейчас мы держим курс на крохотный островок выше Ноктилии — Мелет. Его местонахождение тайна, но Яров записал координаты в бортовой журнал. Я сойду там, нужно навестить одного старого друга.

Я хмыкнула, набирая полные щеки еды, и пробубнила с набитым ртом:

— Сильный друг?

— Очень-очень сильный. Вы останетесь на корабле. Если

я не вернусь до заката — отплывайте на восток без меня. Сириус неплохо чувствует себя за штурвалом.

— Сильнее, чем начальник стражи из Улья?

— Да. Эстер был порождением Королевы, одним из фляжек. Мы с ним ровесники. А Вирго столько же лет, сколько стране. Первое порождение Каллисто.

— Иди сюда, — кивнула я на свободное место рядом. Он медленно подошёл и опустился на кровать, а я положила голову на его плечо.

Волны раскачивали корабль. Я ела, Кадериан не двигался, будто боялся, что если нарушит мой покой, я снова стану неуправляемой.

— То есть... вероятно, сегодня мы прощаемся?

— Вероятно, — подтвердил Кадериан без грусти.

— Так что насчёт капли честности перед вероятным прощанием?

— Ты права, — неожиданно согласился вампир. — Есть много моментов, которые стоит прояснить.

Я удивилась, что Кадериан всё же решился пооткровенничать. Он наклонился к моему уху и томным голосом начал:

— Первая правда: мне нравится этот нелепый звук, когда ты ешь с набитым ртом. Он напоминает мне о настоящей жизни, жадной до каждого кусочка. Это звук детства! Крыс, что доедали останки заключённых из соседних камер.

— Вторая правда, — вторила я, смеясь, — у тебя отвратительно получаются комплименты. Ну а если хочешь пого-

ворить о еде: если я выпью твою кровь, я стану вампиром?

— Трудно сказать. Может, упырем, может, зомби. Всё зависит от дозировки. Ирония в том, что единственный человек, который знал это, был убит тобой вчера. Ты уже пила мою кровь, и вроде выглядишь как обычно, но если подумать, то после ты зарезала парочку вампиров, сожгла город, устроила апокалипсис на корабле...

— Когда это я пила твою кровь?

— Когда мы впервые встретились, и ты провела без сознания пару дней. Ах, ну и несколько часов назад я добавил пару капель лекарства для твоей «картинной галереи» на спине.

— А, а я-то думаю, почему я так странно себя чувствую...

— Я неожиданно дернулась, зарычала, вскочила на кровать и притворно напала на Кадериана. Он ухмыльнулся, перехватил меня и вернул на место.

— Аххх, ты такая невыносимо очаровательная идиотка,

— сказал он, прикрывая глаза и медленно, шумно дыша.

Я тут же вскочила с диким визгом и бросилась снова. Он поймал меня за талию игриво и переброшил через свои ноги, прижав спиной к кровати, пока я клацала зубами налево и направо.

— Ого-го, — протянул он с ленивой усмешкой. — Это кто тут рычит как щенок? Тебе не хватает ярлыка прямо на лбу «опасно для психики».

Он смотрел на меня терпеливо, ожидая, пока я прекращу баловаться, но улыбка прорывалась сквозь маску серьёзно-

сти.

— Глупая женщина, — прошептал он.

— И что если я выпью недостаточно вампирской крови для обращения? Просто исцелюсь?

— Зависит от количества. Недостаточная дозировка может привести к временному обращению, но после человек часто умирает от лихорадки.

Я поджала губы и решила, что стоит снова наведаться в лабораторию. Пока Кадериан казался мне самым надёжным вариантом, чем скорее я обращусь, тем лучше. Но риски...

— Что тебе всё время снится? — неожиданно спросил Кадериан. — Зомби? Вампиры? Зомби-вампиры? — Он указал на себя. — Или тот рыжий придурок в цветастом костюме? Признаюсь, такие кошмары, как его стиль, действительно могут быть пугающими.

Я отвела глаза к двери и распутывала разбросанные по одеялу волосы.

— Мне снится дитя. Сны разные, но всегда очень тревожные: то она играет у обрыва, то зовёт меня, то я слышу её крик из соседней комнаты, но не могу выбраться, потому что дверь закрыта или коридор до её комнаты становится бесконечным. Сегодня она снилась мне на корабле, прямо вот на этом, снилось, что она плачет.

— Это... интересно, — Кадериан явно не ожидал такого ответа. Он удивлённо приподнял бровь, руки, прижимающие меня к кровати, ослабли, и он откинулся на стенку, совер-

шенно не обращая внимания, что мои ноги всё ещё лежат на его коленях.

— На ферме не было младенцев. К нам привозят уже подросших детей. Я никогда не видела в осознанном возрасте никого младше четырёх лет, и сама помню тот период с трудом. Но во снах это дитя кажется таким настоящим... — я запустила ногти в свои плечи, отгоняя навязчивые воспоминания.

Кадериан перехватил мои руки и растёр следы полумесяцы на плечах.

— Просто дурацкие сны, не предавай этому значение.

Я замороженно смотрела в его серые глаза.

- Зачем ты поцеловала меня?

— А... я... ну вроде как хотела попрощаться с тобой, — я пожалала плечами. На самом деле не знала ответа, мне просто было весело.

Он резко наклонился, и его холодное дыхание рядом с моим ухом вызвало молнии в спине.

— Хотела попрощаться или прощальный поцелуй?

— Разве... разница велика? — я глубоко вдохнула, скрывая трепет.

— Разница огромная, — Кадериан навис надо мной, кладя руки по обе стороны лица. — Ведь сегодня нам нужно попрощаться снова.

Я засмеялась и толкнула его в бок. Кадериан отшатнулся, на его лице появилось мученическое выражение, он вытянул

воображаемым меч из места, куда я ударила его.

— Я губы в порошок сотру, прощаясь с тобой каждый раз!

— Убила наповал и не за заслуги! — он покорчился на полу и высунул язык, подсматривая одним глазом. — Ну что? Так меня больше хочется поцеловать? Или клинок в голове — обязательная деталь?

Хихикая, я запустила в него подушкой.

Корабль остановился. Я взглянула в иллюминатор и увидела землю. С лица вампира сошла шутливая усмешка. Он соскочил и быстрым шагом пошёл к двери, но, не закрыв её, выглянул из-за поворота и ткнул пальцем в меня:

— Следующий поцелуй будет не твоим выбором!

Я вышла из каюты и двинулась за ним.

— Остров Мелет! — крикнул Сириус с верхней палубы. Голос почти заглушил ветер.

— Тут стой, постараюсь побыстрее, — бросил Кадериан, проходя мимо него и забирая с вешалки плащ.

— Да-да, — ответил Сириус, в его голосе проскользнуло что-то невнятное.

Я поднялась по скользким ступеням, и как только открыла дверь, в лицо ударил солёный порыв — такой сильный, что меня чуть не сдуло с трапа. Я ухватилась за перила, щурясь сквозь липкие брызги.

За стеной дождя проступали очертания острова — неровный тёмный кусок камня среди серого моря. Он казался слишком маленьким, чтобы на нём кто-то мог жить: четы-

ре длинных отрога скал сходились к центру. Между скалами клубился туман, похожий на дым от тлеющего костра.

Корабль медленно приближался. Сириус стоял у борта, держа штурвал, но взгляд его всё время метался — от берега к горизонту. Он выглядел напряжённым, губы плотно сжаты, пальцы белые от усилия.

Корабль ударился о подводный камень и резко качнулся. Я вцепилась в поручни. Кадериан даже не пошатнулся — прыгнул через борт прямо в воду, которая дошла ему до груди, и тяжёлые волны выбросили его на берег. Он поднялся, мокрый с головы до ног, посмотрел на нас и, подняв руку в прощальном жесте, пошёл к скале в центре острова.

Я смотрела ему вслед и молилась, пока силуэт не растворился. Тогда перевела взгляд на Сириуса. Его губы дрогнули, будто он собирался что-то сказать, но передумал.

— Что-то не так? — спросила я, перекрикивая ветер.

— Всё в порядке, — коротко бросил он.

Сириус опустил взгляд, провёл рукой по мокрым волосам. Я шагнула к перилам. Дым из расщелины в скале и редкие всполохи света. Море начало стихать. Я поднялась выше, спасаясь от холодного ветра на верхней палубе, рядом с Сириусом. Место в самом деле казалось странным: берег был усеян лодками и тем, что от них осталось, будто те, кто приплыл сюда, так и не вернулись.

— Что за остров?

На выступе рядом с вампиром лежал журнал. Страницы

уже разбухли от влаги, но подчерк оставался разборчивым: «Вирго», «Мелет».

— О нём легенды ходят, но я никогда не встречал никого, кто видел бы его в живую. Это что-то вроде рода чистилища, говорят, тут излечивают вампиризм.

— Какой идиот станет лечиться от вампиризма?

— Тоже ума не приложу, — согласился он. — Я душу продал за то, чтобы жить вечно. Зря мы сюда приплыли. У меня мурашки от этого места.

Волны осели, ветер уgomонился, но небо оставалось свинцовым, низким, давящим.

Фляжки вышли из комнаты, ещё не привыкшие к тому, что дверь больше не запирается на ключ, и шептались у борта, осматривая новое место. Через некоторое время вновь вернулись в комнату продрогнувшие.

— Я его видел... — сказал Сириус, помедлил и посмотрел на меня, убеждаясь, что я слушаю. — Вирго. Он был один из первых обращённых.

— Где ты видел его? — спросила я, не отрывая взгляд от горизонта, за которым скрылся Кадериан.

— В замке на севере, в праховодье. Великий творец, создающий из мрамора скульптуры, кажущиеся живыми, ими весь материк усеян.

— Но что он забыл здесь?

— В замке ходили слухи, что он полюбил женщину с колыбели, забрал её, вырастил её дитя, а затем обратил их. Он

очень боялся потерять их, но его возлюбленная не смогла принять новую жестокую природу и вышла на солнце вместе с ребёнком. После этого Вирго пропал.

Помимо ферм для пропитания и фляжек существовали также колыбели. У людей в колыбелях участь была ещё менее завидная, чем наша — заполнение ферм людьми, размножение. Внезапная вспышка привязанности одного из первых, обращённых могла стать для неё золотым билетом, но... всё было гораздо сложнее.

— Похоже, все грустные истории так или иначе завязаны на любви вампира и человека, — вздохнула я. — Смертное и бессмертное не может закончиться хорошо.

Сириус задумчиво хмыкнул, выглядел чужим. Тучи заслоняли небо так, что было непонятно, насколько высоко поднялось солнце. Я вновь спустилась к носу корабля, пытаясь рассмотреть что-то сквозь скалы, вымокла насквозь и начала трястись от холода в ожидании.

И тут корабль качнулся и начал разворачиваться в синюю гладь.

— Что происходит? Кадериан сказал ждать его возвращения до захода солнца. Почему мы отплываем?

Сириус медленно поднял глаза к горизонту.

— Потому что он не вернётся, — произнёс он спокойно. — У него нет шансов против Вирго.

В его взгляде было слишком много всего: и злость, и жалость, и какая-то усталость, как будто он несёт груз, который

никто другой не может понять.

Я нахмурилась.

— Остановись! Он же там!

— Именно, — сказал он тихо. — И пусть остаётся там.

Он подпер штурвал тростью проводницы и спустился ко мне, выходя под проливной дождь.

— Останови корабль, Сириус, — твёрдо сказала я. — Это моё судно! Всё по законам королей: кто убил прошлого — садится на трон или встаёт за штурвал!

Его ладонь легла на моё плечо, в его взгляде было что-то страшное, решённое заранее.

— Прости, — произнёс он едва слышно — теперь я тут король.

Толчок.

Мир перевернулся. Ветер вырвал крик из моего горла, и холодная вода сомкнулась надо мной, забивая рот, нос, уши. Солёная тьма поглотила всё — шум корабля, свет неба, крики чаек.

«Давай, кто быстрее до того берега и обратно?» — прокричала моя подружка, её лицо было смазано временем. Я нырнула в речку, вынырнув на следующем берегу и оглянувшись в поисках её косичек с красными атласными лентами. Но их нигде не было. Кусты зашуршали, и из них пополз зомби без ног, рот его был в крови. Испугавшись, я нырнула обратно в воду, вернувшись на наш берег.

Подруга уже была там. Я выразила разочарование, что она

опять оказалась быстрее меня, но девочка не радовалась. Я заметила укус на её ноге, который она быстро прикрыла полотенцем. Её большие испуганные глаза округлились, следя за моим взглядом. Она перехватила мою руку и взмолилась: — Не говори никому, пожалуйста, не говори фермершам и остальным! Я просто порезалась!

Я отшатнулась и оглянулась в поисках помощи, но она уже начинала реветь, и я кивнула.

— Обещай! — проскулила она.

— Обещаю, — ответила я, и наши руки вспыхнули синим пламенем.

А затем... Она обратилась, а я пару дней сидела под полотком, наблюдая за реками крови.

Я билась, вырывалась, но волны крутили меня, как тряпичную куклу. В какой-то момент я почти сдалась — пока нога не задела что-то твёрдое. Дно.

Я оттолкнулась, рванулась вверх и, с глотком воздуха, выплыла на поверхность. Корабль уже уходил. Его силуэт, чёрный на фоне серого неба, медленно растворялся в тумане. На палубе никого. Только флаг, мокрый и тяжёлый, бился на ветру.

Я выругалась и поплыла к берегу, тяжёлая длинная юбка путалась в ногах. Камни скользкие, острые, но я вцепилась в них и выбралась. Мокрая, дрожащая, злая, кашляющая, я сразу проверила солонку и клинки. Всё на месте, и я тяжело выдохнула и поднялась на ноги, глядя, как вдали исчезает

корабль.

— Да чтоб ты подавился, Сириус!

Я шла по обломкам чёрных плит, покрытых соляной коркой, и каждый шаг отзывался эхом в гулкой пустоте острова. Сооружение, представшее предо мной словно само, поднялось из скалы. Величественное, монолитное. Мои ноги переступили порог треугольной арки.

Внутри ангел был высечен прямо из цельного массива. Его лицо — безглазое, стертое временем — склонялось вниз, казалось, будто он наблюдает за каждым, кто осмелится переступить порог. Я замерла, вглядываясь в его прекрасное лицо, и рот сам собой открылся от восхищения.

Внутри царил полумрак. Сквозь трещины в куполе сочился тусклый серый свет, ложась на пол, выложенный мрамором. Над головой нависали крылья ангела, образуя купол; они уходили вглубь, откуда доносились крики и удары, что говорило о том, что Кадериан ещё жив.

Между колоннами стояли они... Люди или вампиры? Или ни то и ни другое? Худые, обтянутые чёрными тканями, полностью скрывавшими тела, руки под чёрными перчатками. На лицах — маски, заострённые кверху и книзу, без единого отверстия для глаз. Их движения были плавными, бесшумными, будто ожившие тени. Когда я вошла, они одновременно повернулись ко мне, казалось, что битва, разгорающаяся внутри чистилища, их совершенно не заботит.

Один из них чуть дрогнул, другой сделал шаг ко мне и,

похоже, поняв, что я человек, сказал:

— Претерпевшие приветствуют вас, — слышалось за одной из масок.

— Мы не даём силу, не возвращаем память, не обращаем в вампиров людей.

— Мне не нужна ваша благодать, — пробормотала я и, не дожидаясь разрешения, двинулась вперёд.

Претерпевшие расступались, как волны перед камнем. Их головы медленно оборачивались вслед, но никто не пытался остановить меня.

Где-то впереди, в глубине коридора, глухо донеслись звуки: удары. Тяжёлые, короткие, сотрясавшие камень. С каждым новым шагом свет становился ярче, стены уже сужались, воздух — горячее. За последним пролётом — арка, и за ней — зал, погружённый в шум.

Я вошла в зал, и первый звук, ударивший в уши, был не стук, а рев. Протяжный, глухой, почти звериный. Воздух дрожал от грохота ударов и звона стали. В свете, пробивающемся сквозь трещины в куполе, мелькали две вспышки, оставляя за собой дым: одна — лёгкая, быстрая, другая — тяжёлая, обросшая тьмой, будто сама ночь приняла облик человека.

— Оставь меня! Я больше никогда не трону твоей крови! Дай мне отчиститься! Я не хочу перед возрождением забирать ещё одну жизнь! — кричал высокий вампир, его тень была бардовой, и я едва успевала различать детали его об-

раза в бою, пока противники делали короткие паузы между молниеносными атаками.

— Я забираю своё, Вирго! Твоя сила — моя сила, кровь твоей семьи принадлежит мне! А ты хочешь попросту выбросить её! Я сотню лет провёл в агонии, а ты собираешься отчиститься!

Пол зала был усеян обломками мрамора, трещинами, потёками крови и следами когтей на стенах.

Вирго был огромен. Под его кожей двигались вены, полные густой тёмной крови. На шее — следы ритуальных ожогов, а глаза горели нечеловеческим светом. Его доспехи изломанные, спаянные. Казалось, ритуал был прерван в самом начале, так что он был весь мокрый, такой же, как мы с Кадерианом, только в чём-то более вязком.

В чёрных глазах — агония, но не физическая; что-то большее, нестерпимое. Его история не давала мне покоя, и несмотря на страдания, которые он принес Кадериану, мне даже было его вроде как жаль. Кто из нас не желает бессмертия себе и близким? Но его желание было эгоистично: он хотел вечной жизни для себя, а не для них.

Но... если бы меня когда-то кто-то так любил, я бы сгорела ради этого.

Сверху коконы для бабочек свисали стеклянными слезами, в них были тела — множество тел в разных позах, какие-то казались совсем крошечными, маленькими детьми. У нижнего крыла ангела слеза была разбита. Чёрная и бардовая

тень схлестнулись вновь где-то под потолком, и сила удара вновь заставила камень содрогнуться. Я прислонилась к стене спиной и обхватила себя руками, пытаюсь согреться. Прогремела молния, разошлась паутиной в центре пространства и тени вновь разлетелись по разные стороны.

— Ты не заслуживаешь очищения! Ты живое напоминание о том, что жажда власти превращает человека в уродство! Ты заслуживаешь смерти! — рычал Кадериан.

— Я лишь хочу прожить жизнь как она, — прокричал Вирго, видимо имея в виду свою покойную жену. — Хочу страдать так же, как страдала она...

- Ты не заслуживаешь искупления! Не заслуживаешь прощения!

Серый пепел вспорхнул, и молнией Вирго нанес удар; стены содрогнулись, с потолка упала пара капель с телами и разбилась об пол. Мужчина развернулся, его плечо было разрезано.

— Едва успел увернуться. Сколько же ты перебил ради этого момента? — он обнажил окровавленные зубы и стер кровь с плеча. — Ты вернулся к жизни ради этого!? Ради мщения!? — Вирго засмеялся протяжно, но в смехе не было ни ноты веселья.

Кадериан задержался на мгновение, и это едва не стоило ему жизни. Серия ударов вновь разделила вампиров по разные стороны купола.

— Все было зря. Они не вынесли этой проклятой ноши...

И ты зря страдал...

— И даже после смерти семьи по твоей вине ты ещё цепляешься за жизнь, Вирго? — произнёс Кадериан, вытирая клинок. Я пошарила по бедру.

Мой клинок.

Глупый вампир украл у меня клинок! Это я тут ворую!

— Или мне нужно научить тебя умирать!?

Они сошлись снова. Каменные крылья над ними начали осыпаться пылью, слёзы с телами затряслись, будто вот-вот опадут кровавым дождём. Когда серый дым пробил камень, ещё три слезы разбились.

Претерпевшие, как призраки, ходили под ними и поднимали бесчувственные тела из сосудов, унося куда-то. Я разглядывала их лица, когда их проносили рядом, пальцы нащупали крест на шее:

«Даже в аду некоторые стремятся к очищению. Может, для нас ещё не всё потеряно? Может, хватит нас наказывать?»

Лишь отрывки ожесточённой борьбы долетали до меня. Я сделала пару шагов назад под арку, когда их схватка пролетела в нескольких метрах. Фляжку никто не замечал, как и всегда. В этой битве мне не было места.

— Я могу остаться тут? — спросила я у претерпевшего, идущего мимо, но мой вопрос был проигнорирован.

Перспектива остаться на этом острове меня не привлекала, особенно среди этих странных людей в чёрных одеяниях,

так что я переживала за Кадериана. В ярости он был жутким, настоящим монстром — большим, свирепым.

Но он проигрывал. Его рука была неестественно вывернута, и, кажется, ресурсов для восстановления ему не хватало: регенерировать он мог лишь частично. Он чаще останавливался и отбивался, в то время как Вирго наносил удар за ударом без устали, даже без оружия пронзая его тело и ломая кости.

— Прощай, Кадериан.

Я глубоко вздохнула, слыша, как мой клинок со звоном встречает пол, и смотрела, как его серебряная голова бьётся о плиту. Вирго молчал, стоя над серым дымом, который рассеивался и открывал разбитое тело Кадериана. Мужчина раздумывал над решающим ударом, пелена рассеялась полностью.

Высокий вампир сделал шаг к нему, но внезапно застыл. Его взгляд скользнул в сторону — туда, где я стояла.

Воцарилась тишина; казалось, даже шум волн умолк.

Он смотрел на меня, и на лице, изуродованном шрамами и копотью, проступило что-то неуловимое.

Уверена, я выглядела как жалкий котёнок: волосы липли к лицу, одежда потрепанная, уставшая, измученная, злая, явно недостойная такого взгляда от мужчины. Казалось, он собирался что-то сказать, но не находил слов. Всё в нём будто на миг вспомнило, что значит быть человеком. Его глаза дрожали и отражали что-то давно утраченное.

Он выдохнул. Вся сила, вся ярость, что кипела в нём мгновение назад, просто ушла, мышцы сдулись и сейчас он казался обычным человеком, потерянным и сломанным. Я медленно поддалась вперёд шаг за шагом. Если он собирается меня прикончить, то смысла бежать нет.

Громкая тишина разрезала пространство, и его грустный голос эхом отразился в зале:

— Ты была права. Бога не превзойти.

Я молча склонила голову, глядя в его глаза. Он... говорил это мне? Или себе? Или кому-то в своём измученном болью сознании?

Тело Кадериана успело немного восстановиться, он поднялся на локти, медленно ожидая продолжения боя, но увидел полную капитуляцию. Я перехватила клинок с пояса и разрезала руку вытягивая перед собой, кровь заструилась в приоткрытый рот принца.

Едва он сделал глоток его рука рванула к клинку.

Вирго не сопротивлялся. Он стоял прямо, тяжело дыша, с опущенными плечами, будто подставлял грудь под правосудие, которого сам ждал слишком долго.

— Пусть твоя рука завершит то, что я начал, — сказал он спокойно, глядя прямо на Кадериана. — Я не спас никого. Ни их, ни себя.

Он взглянул на меня ещё раз — коротко, мягко, так, как смотрят на свет в конце долгого пути.

И кивнул, простое принятие без просьб, без слов, без

оправданий.

Клинок Кадериана вошёл в грудь без звука.

Вирго не закричал — только выдохнул, почти с облегчением. На губах осталась слабая улыбка. Я пошла к выходу, когда обернулась — Кадериан, как волк, пожирал тело Вирго.

Я отвернулась, позволяя ему закончить начатое без моих глаз.

Море успокоилось. Обхватив себя руками, я начала обходить остров, едва балансируя на острых мокрых камнях. У старого причала было прибито небольшое судно, казалось, оно тут уже давно, и лишь каким-то чудом пережило бурю. Металл вместо дерева поблескивал от влаги.

Кадериан подошёл сзади и без слов накинул мне свой плащ на плечи. Он тоже был влажный, но снятый с его горячего тела казался тёплым, и я закуталась в него плотнее.

— Почему ты здесь, птишка? Где Сириус? Где наш корабль?

— Уплыл, а меня с корабля спихнул, как мусор, — я потерла глаза руками; все эти приключения меня утомляли.

— Вот ублюдок! Надеюсь, эта яхта на плаву и в ней есть топливо, — серые глаза недоверчиво обошли металлического монстра.

— Что такое яхта?

— Лодка, которой пользовались люди до того, как вампиры выбрали архаичность.

— Архаичность? — переспросила я.

Кадериан наклонился к воде, смывая с себя остатки трапезы, и терпеливо пояснил:

— До того... как вампиры решили, что всё красивое должно быть из гниющего дерева и дырявых парусов. Замки, когда нет рыцарей. Костюмы, когда давно нет ни графств, ни двора. Пустые традиции и дань прошлому, которое никогда не уважали.

Мне хотелось укрыться где-то от ветра и дождя, но механический черепаховый панцирь не встретил меня долгожданным теплом.

— На самом деле мне плевать, из чего собрана эта посуда. Главное — что мы выбираемся отсюда живыми.

Кадериан залез, а я устроилась около его ног. Яхта заскрипела, задрожала, а затем рванула вперёд. Сил пугаться не осталось, я заметила, что продолжаю кашлять из-за того, что наглоталась солёной воды.

— Юху! — Кадериан засмеялся. — Ну и скорость, мы в два счёта Сириуса догоним.

— Да черт с ним, — махнула я рукой.

— Ты разве не хочешь мести, дорогуша? Неужели твои библейские книжки научили тебя подставлять вторую щеку после удара?

— Зачем? — переспросила я. В той книге об этом не было ни слова. — А разве мы не поступили бы так же? Гоняться за ним — только время терять. Кто там дальше в твоём списке?

Кадериан задумался, внимательно осмотрел меня и резко развернул лодку. С панели управления упала намокшая книжка и под наклоном скатилась ко мне. Я пролистала напухшие страницы, но чернила слились в зловещие каракули.

— Следующие в моём списке — Графиня и её гарем из трёх верных псов, — он потер руку, что ещё недавно была выгнута под неестественным углом. — Но что-то подсказывает, что туда соваться рано... Как на счёт развлечься в порту неподалёку и сладко выспаться? М? — в голосе проскользнули тёплые нотки, казалось, он понимал мою усталость.

— Было бы славно, — отозвалась я.

Мои мысли всё ещё были поглощены Вирго. Его взгляд... Будто лишь мой вид заставил его принять бесполезность человеческого существования.

— Почему он сдался? — озвучила я вопрос.

Кадериан посмотрел на меня снизу-вверх и погладил по голове:

— У меня есть одна версия... Порой даже самые жестокие создания ломаются из-за самого дешёвого чувства. Любви. Может быть, он увидел обеспокоенные глаза женщины и не смог вырвать сердце её возлюбленного?

— Обеспокоенные? Возлюбленного!?

Я вскочила и ударила его мокрой книгой по затылку. Он не двинулся, лишь ухмылялся.

— Да-да, фляжки на это не способны, это мне ещё на корабле рассказали. Да и я не герой любовных романов, ни од-

но чудовище не выберет нежность вместо победы, но... быть может, в его глазах это выглядело так? Мне непонятно только... Почему ты так отчаянно хочешь стать вампиром? Жена Вирго покончила с жизнью из-за этой ноши.

Неожиданная нотка беспокойства в его словах заставила меня отвернуться. Он будто спрашивал: «Ты ведь тоже сломаешься, да?»

— Она была роженицей, — сказала я, и Кадериан поднял брови, удивлённый моей осведомлённостью. — Их воспитывают иначе. В отличие от фляжек, об их репродуктивной системе и психике заботятся, потому что их задача — плодиться. У девушек-фляжек с этим, как правило, проблемы, но для отбора это скорее плюс, чем минус. Жена Вирго вышла из лживой идеальной картинки в реальность, вероятно узнала, что стало с её прошлыми детьми, и увидела ад. Я же никогда не питала иллюзий.

В отражении стекла я увидела, как Кадериан на мгновение опустил голову, будто размышляя, а затем вновь уставился прямо по маршруту. Волны били о судно, и оно было куда менее устойчивым, чем корабль. Подпрыгнув на очередной волне, я едва не ударилась головой о потолок. Впереди замаячил остров, его очертания вырисовывались сквозь туман. Новый удар волны о борт отправил меня к противоположной стороне лодки, и я покрепче обхватила спинку сидения.

— Это не восток. Я пытался маневрировать между волнами, но, кажется, сбился с маршрута, — он стукнул по при-

борной панели. — Эта рухлядь едва работает! — он глубоко вздохнул. — Ладно, смотри, там, кажется, что-то светится. Можем переждать бурю тут.

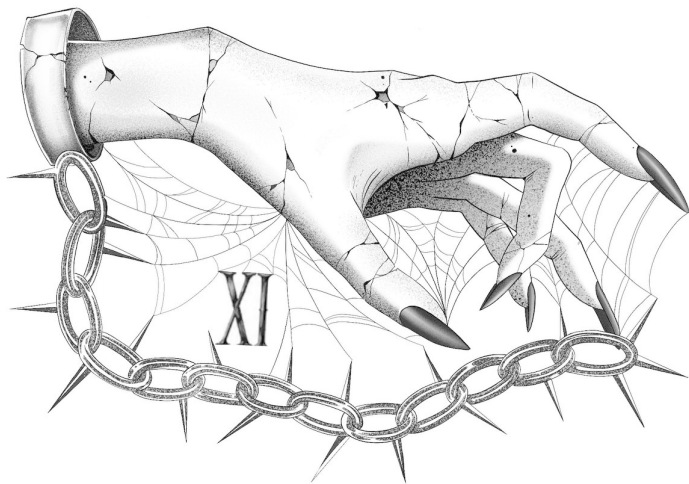
Мы причалили. Туман укутывал остров, точно одеяло. Я была рада наконец сойти на берег, ведь временами казалось, что море проглотит нас целиком.

Сквозь туман я заметила очертания человеческой фигуры, но подойдя ближе, наткнулась на камень. Я оглянулась — Кадериан на пристани пытался привязать яхту, пока я бродила по берегу.

Ветер рассеял туман, и вдоль берега возникло ещё несколько человеческих фигур. Я пошла к ним навстречу. Облако открыло мне видимость на берег, и я узрела толпу... Каменные, застывшие в самых разных позах люди, дети, старики — сотни и сотни статуй, которые казались слишком живыми, чтобы быть чьим-то творением.

— Кадериан! Тут что-то не так!

Глава 11. Раздор. Лисса.

Очнувшись, я не обнаружила Кадериана рядом. Простыня была ледяной, и я судорожно забегала рукой по пустому месту, будто могла нащупать его тень. Пальцы наткнулись на шероховатый край бумаги. Я схватила лист обеими руками и, несколько раз моргнув, попыталась сфокусироваться на размашистых, будто торопливых буквах.

«Прости. Уйти вот так — отвратительно с моей стороны, но я всегда был негодяем, птишка. Выпей лекарства, не

уплывай с острова, не ищи меня. Не будь глупой».

Я шумно выдохнула — и тут же закашлялась, согнувшись пополам. Оттолкнув подушку, села. На тумбочке лежала ещё одна записка.

«Одна таблетка утром, одна вечером. Комната куплена, еда оплачена. Перестань жевать подушку от стресса, ты не хомяк».

— Вот же засранец, — прорычала я, запивая таблетку заботливо подготовленной водой. — «О, я такое чудовище», — передразнила я его напыщенным тоном и ударила кровать. — «Это опасно, Лисса, не ходи за мной!» Да чтоб тебя! Он хочет лишить меня лучшего аттракциона в моей жизни!

Я шлёпнулась обратно, уставившись в потолок. Узоры на штукатурке казались паутиной, из которой нельзя выбрать-ся. Жить тихо, послушно, безопасно? Мирно стареть на постели, накрытой кружевной простынёй? Никаких слёз, драм, убийств... От одной мысли стало мутно. Нет уж. Вкус жизни рождался именно там, где пахло смертью.

Будь я вампиром — я бы танцевала на границе тени и света каждый день. Но даже будучи человеком, я давно потеряла страх перед тем, что может меня убить. Меня куда больше пугало прожить скучную жизнь... В отличие от меня у Кадериана была цель, грандиозная, амбициозная...

В тот самый момент, когда я очнулась посреди леса, я поняла, что хочу стать не просто свидетельницей, а участницей тех разрушений, что ему предстоят. Слабый свет костра

освещал список: в нём было зачеркнуто несколько известных мне имён, сутенёрша пропавшая пару лет назад, разыскиваемый вор, главный глашатай дворца, подружка Крокуса, что исчезла еще до нашего с ним знакомства, а выше всех прочих — написанные самым резким подчерком имена короля и королевы.

За последние пять лет в знатных кругах погибло много вампиров. Лира и Крокус обсуждали это не с подозрением, а со злорадной радостью. Загадка десятков громких убийств и исчезновений — Ригель, восставший из мёртвых незаконнорождённый принц.

Время субъективно, и последние дни пролетели за мгновения. Кашель и головная боль казались низкой платой за то, что я пережила с тех пор, как отправилась на охоту.

С ноющим стоном я поднялась и начала натягивать одежду.

— «Графиня и её псы»... — буркнула я, затягивая корсет. — Глупый вампир, лишает меня такого зрелища...

Я вылетела из постоянного двора, едва не сбив старика с корзиной рыбы, и рванула вниз по мощёной улице к морю. Роса цеплялась за одежду, сердце грохотало так, будто хотело вырваться вперёд: успею—успею—успею. Я почти скатилась по деревянным ступеням к берегу и сощурилась, оглядывая берег сквозь туман — нашей лодки нигде не было видно, и губы выпустили разочарованный вздох.

Подобные чувства были несвойственными для меня.

Неужели моё искусство подражать чужим эмоциям достигло планки, когда я и сама поверила, что могу чувствовать что-то вроде привязанности?

Больше всего в Кадериане меня цепляло то, что в отличие от остальных он не садил меня на цепь, наблюдал за моими шалостями со стороны и не вмешивался, пока всё не заходило слишком далеко. Он давал мне... свободу? Но своим уходом сейчас он лишь вогнал этот крючок глубже, зацепив меня по самые жабры.

Я уселась прямо на лестницу и запустила руки в волосы, раздумывая, как успеть добраться до графини раньше, чем от неё или от него останется мокрое место.

К причалу приставал корабль — большой, тёмный, с серыми рваными парусами, увитый цепями, словно ритуальными украшениями, с резным гербом Ноктилии — черепом с вампирскими клыками.

Трап опустили. Люди в тяжёлых кожаных доспехах выкачали на берег первые клетки, металлические, с замками, совсем как те что были в лаборатории и в этих тоже сидели зомби.

В одной клетке мужчина бился лбом о прутья, его глаза были матово-белыми, пустыми. В другой — женщина сидела на корточках, обхватив себя руками и раскачиваясь, шепча что-то невнятное, будто пытаюсь удержать остатки разума. В третьей тело подростка, уже полностью обратившегося, выгибалось в судорогах, зубы стучали, вырывая пену с кровью.

Запах — кислый, гниющий, с металлическими нотками — ударил в лицо.

В какой-то степени им повезло — это место дарило безнадёжным три ценных года.

Кто-то из стражников — огромный, с железным намордником на лице — ударил клетку сапогом:

— Тихо, пададь!

— Поверить не могу, он жену свою сожрал и ещё будет жить после этого, — возмутился второй.

— Не зарекайся, от этого никто не застрахован!

Из клетки раздался хрип — почти человеческий. Почти умоляющий.

Я зашагала ближе к причалу; руки шарили в карманах в поисках чего-нибудь ценного, что сошло бы в качестве платы за переправу в Ноктилию. И тут с трапа раздался характерный звук:

Цок. Цок. Цок.

И этот звука было достаточно чтобы развернуться и пойти назад.

Первым, что я увидела, был цвет. Яркий, вызывающий, совершенно неуместный на фоне мрачного корабля и клеток с заражёнными. Алый, фиолетовый, золотой — переливающиеся узоры будто дрались за внимание. Костюм сидел на нём, словно слитый с кожей, ткань блестела. Плащ, расшитый золотом и яркими перьями, шлейфом скользил по доскам трапа.

Крокус.

Он шагнул на причал с видом хозяина жизни. Рыжие волосы были собраны в высокий хвост, на шее звенели тонкие цепочки. В руках — трость с набалдашником в форме цветка, усыпанного крошечными камнями. Он приложил платок к носу, морщась от запаха из клеток, и обвёл всех вокруг презрительным, усталым взглядом.

— Ничего не меняется... — протянул он мелодично, словно певец между куплетами. — Сырость, вонь и плохие декорации.

Стражники выпрямились — кто-то даже поклонился, хотя и боялся смотреть ему в глаза. Крокус всегда умел заставить людей подчиняться — не силой, не страхом... а истериками и капризами.

Я медленно развернулась. От слабости меня слегка повело, и я стала подниматься по лестнице обратно. Вампир уже ждал меня наверху. Я подняла взгляд, глядя на него снизу вверх. И вдруг на его вечно раздражённом лице мелькнула новая эмоция — он, кажется, был рад?

— Ну и ну... Не надоело бегать? — он расправил плащ и встрепенулся, как обиженный лебедь.

— Не надоело догонять? — вторю я.

— Надо признаться, немного утомительно.

- Как ты... Как ты вообще нашел меня!?

- Ты же знаешь, у меня везде есть уши. Что ж, ты бросила меня дважды, изрезала своими крохотными кинжалами.

Полагаю, мы в расчёте за тот инцидент? — он внимательно следил за моей реакцией.

— Я так не думаю.

— Ни один уважающий себя вампир не станет бегать так за какой-то фляжкой. Я бы мог получить скидку от твоей фермы и купить двух таких же, как ты.

— Так почему ты тут?

— Потому что я всегда получаю то, что хочу, — выплюнул он. — Посмотри на себя: одета как нищенка, скрываешься на краю материка, бледная, как...

Крокус вдруг замолчал, переводя взгляд за мою спину. Я обернулась, понимая, что он смотрит на клетки с зомби, которых по очереди тыкали длинной палкой с иглой.

— Только не говори мне, что...

— Дорога была долгой, — я пожала плечами и закашлялась.

— Я знал, что шансов выжить у тебя столько же, сколько у овцы запеть, но не думал, что ты умудришься угробить себя за две недели, — его плечи опустились. — А где твой пёс? Бросил тебя здесь одну?

— Нет, — я шагнула ближе, демонстрируя спокойствие. — Сегодня Кадериан даже злее обычного из-за того, что нашу лодку украли. Так что я бы на твоём месте не попадалась ему на глаза. Тем более в таком виде.

Заморосил слабый дождь, прибивая перья на костюме Крокуса, и я поёжилась. Его ярко-жёлтые глаза расшири-

лись: он смотрел не по сторонам, а только на меня, пытаюсь уловить намёк на ложь.

— Ты беспокоишься обо мне? — он спустился ещё на две ступени, и нас стала разделять всего одна.

Я отрицательно мотнула головой. Он протянул мне руку, и я вопросительно перевела взгляд с его ладони на лицо.

— Не будь идиоткой. Если тебе всё равно осталось три года, не лучше ли провести их в замке, где к тебе относятся как к принцессе, а не в этой гнилой деревушке с такими же обречёнными? Как знать, может, мои деньги побудят Регулуса разработать более совершенное лекарство.

— Как к принцессе!?! — вспыхнула я — Принцесс не кормят кровью, принцесс не выгуливают на поводке, принцесс не сбрасывают с лестниц! И ты собираешься спасти меня? — усмехнулась я.

— Я бы даже дал тебе бессмертие.

Его рука инстинктивно дёрнулась — как у пса, знающего своё место, и было оно на моём горле, — но он успел остановиться и тут же обернулся, будто чувствуя, что Кадериан стоит за его спиной.

— Какая щедрость! А ещё полцарства в придачу, — съязвила я.

На самом деле Крокус уже обещал мне бессмертие. Он любил превращать людей в ослов, бегущих за обещанной морковкой и звонко смеялся, когда те понимали, что гонка будет вечной. Лет, проведённых вместе, хватило, чтобы вы-

учить его повадки наизусть.

— Но если ты тут собираешься исполнять мои желания, то прямо сейчас я хочу поплыть к Графине и её псам.

— К Венере? Совсем крыша поехала? Что ты забыла у этой полоумной? Лисса, возвращайся во дворец, хватит, это путешествие меня порядком утомило, — захныкал он.

— У меня вышел срок годности.

— Плевать, — он отмахнулся, словно это ничего не значило, и вдруг оживился, вспомнив, чем может меня подкупить. — Ты хотела на бал? Да? Мы пойдём на бал! Сразу как вернёмся. Лисса, не будь идиоткой, тебе и так осталось совсем ничего, я — твой единственный шанс на спасение!

— Да плевать мне на твоё спасение и на твои пустые обещания, мерзкий ублюдок!

Статуи за его спиной задвигались. Я обернулась на треск досок позади и заметила несколько упырей — четверых мужчин и трёх женщин.

— О, прекрасно, — выдохнул Крокус. — Сцена была слишком драматичной, не хватало только...

— Голодных монстров? — подсказала я, пятясь к меньшему злу в лице Крокуса.

— Я хотел сказать «аплодисментов», но да, это тоже подойдёт.

Он легко перехватил упыря, попытавшегося кинувшегося на него, и отбросил в сторону. Я выхватила новый клинок из ботинка и вонзила его в шею нападавшего.

Справа — две упырихи, бледные, тощие, но двигались слишком быстро. Волосы слиплись в клочья, глаза блестели жёлтым бешенством, они напали разом.

Я рванулась в сторону в надежде добежать до корабля, чтобы эти упыри стали нашей общей проблемой с моряками; но ноги не слушались, каждый шаг становился борьбой, второй клинок выскользнул из ножен с коротким визгом.

Упыриха метнулась прямо ко мне — я едва успела пригнуться, её когти полоснули по воздуху, срезав прядь моих волос. Я была медленнее, чем обычно, мои руки двигались вяло. Упав, я перекатилась по песку и бросила недовольный взгляд на мужчин на берегу, наблюдавших с опаской, но не вмешивавшихся.

Эти упыри были необычными — быстрее и сильнее тех, что я видела в улье. Укусят — и я в самом деле обернусь зомби.

— Не подходи! — выдохнула я, но их это только подстегнуло.

Вторая бросилась сбоку, я отпрыгнула назад, скользя по мокрым доскам, и ударила в ответ. Сталь вошла в живот, как в мокрую тряпку. Упыриха заорала, но не от боли — от ярости, и, схватив меня за рубашку, потянула вниз. Мы рухнули вместе, брызги и грязь полетели в стороны.

Я оттолкнулась, упала на спину, перекатилась. Когти сверкнули у самых моих глаз.

— Чёрт... — прохрипела я, ударив её ногой в грудь.

Она отлетела к перилам, глухо стукнулась, но снова поднялась. Кожа у них была в трещинах, как у старого фарфора.

Я кружила между деревьев, не позволяя им взять меня в кольцо.

— Крокус, твою мать! — закричала я, когда упыриха, визжа, схватила меня за рукав и поволокла по земле.

Облокотившись на перила, он развёл руками.

— Плевать на спасение? Тогда спасай себя сама!

Крокус выступал лишь зрителем сего спектакля, пока я была в главной роли. И мне это жутко не нравилось. Я выдернула руку, оставив кусок ткани в её пальцах. Однако силы быстро уходили. Упыри, будто чувствуя, что я слабею, пошли на сближение.

Одна прыгнула, и я не успела увернуться — её вес сбил меня с ног. Кто-то схватил меня за волосы, за горло. Мешок — запах старой ткани и рыбы. Всё потемнело. Несмотря на бушующий адреналин, я зевнула.

Я всё ещё брыкалась, но осторожно — если хоть одна из них укусит, конец. Ругань, шипение, удары по бокам — меня тащили по земле, по камням, к воде.

Через мгновение ноги утонули в холодной жиже. Меня поставили на колени. Руки завели за спину и связали чем-то мокрым, липким.

Я судорожно втянула воздух. Крокус не даст меня съесть. Но... он думает, что я заражена. Я сказала это лишь затем, чтобы убить его интерес ко мне, показать, что не смогу быть

его фляжкой, но, похоже, его интересовало нечто большее, чем моя кровь. Зная его, он будет ждать, пока я начну молить, может даже позволит им попробовать, оторвать пару кусков в качестве наказания.

— Чёрт... — прошептала я, чувствуя, как по спине стекает холодный пот, смешиваясь с дождём. — Чёрт, чёрт, чёрт...

— Пахнет... — рыкнул один, втягивая воздух через скрещённые зубы.

— Пахнет? — переспросил другой и уткнулся носом мне в шею. Его дыхание было холодным.

Не знаю, о чём они, но...

— Я выпила святой воды! Укусите — растворитесь к чертям собачьим!

Меня игнорировали. Тело с каждой минутой становилось всё слабее; казалось, я вот-вот усну. Я надеялась, что это не потому, что меня поцарапали, а я не заметила.

— Статуя, — вдруг сказал второй.

— Пахнет, — настаивал первый.

Я затаила дыхание. Верёвки впились в запястья, но за этим странным шёпотом не последовало укуса. Только приглушённое, беспокойное рычание.

— Голод... — просипела женщина.

— Хозяин, — пробормотал первый.

— Не еда, — поддакнул второй.

Тишина. Только плеск волн и стук крови в ушах.

И вдруг — удар.

Резкий порыв ветра прибил мешок к моему лицу. Что-то тёмное мелькнуло. С рук слетела повязка, и я тут же сорвала мешок с лица. С туманом слился знакомый серый дым.

— Господи... — выдохнула я.

Второй бросился в сторону, но Кадериан уже был там. Глаза сверкнули янтарём. Один рывок — и челюсть упыря разошлась, как треснувшая маска. Женщина попыталась отползти, но он схватил её за волосы и ударил головой о дерево — глухой хруст, тело обмякло.

Вокруг — трупы, грязь, гул моря. И... покой.

Он стоял, тяжело дыша, сжимая в руке окровавленный клинок, и на миг напоминал зверя, который только что выбрался из клетки.

— Ты в порядке, пташка? — его голос был хриплым, низким, почти нечеловеческим.

Я кивнула, стараясь не смотреть в его глаза, и тут же оглядела свои руки и ноги на предмет царапин, к счастью, не обнаружив ничего нового.

И именно в этот момент из-за груды брошенных портовых ящиков лениво вышел Крокус. Он похлопал в ладоши — тихо, но с непередаваемым презрением.

— Bravo, — протянул он, не глядя на упырей. — Такая страсть, такая... варварская грация.

Кадериан повернулся к нему, клинок всё ещё был в его руке.

— Скажи хоть раз что-то полезное — и, может быть, я не оторву тебе голову.

Тот картинно закатил глаза, приподнимая бровь.

— Не горячись, красавчик. У меня как раз есть то, что тебе нужно. — Он ткнул тростью в сторону моря, где на горизонте маячили чёрные огни. — Сириус, между прочим, не в лучшем положении. Его поймал Траппист. Помнишь такого? Бывший муженёк твоей сестрицы. Говорят, ваш дружок был крысой, подосланной королю, чтобы украсть бутылёк с кровью первородных и доставить Трапписту, но выпил сам. Страшно представить, что он с ним сделает...

Мы не ответили, но переглянулись с явной усмешкой.

— Могу помочь его вытащить, — добавил Крокус, и в его голосе проскользнул деловой тон. — У меня есть связи. Ворота, ключи, кое-кто в его тюрьме мне должен... Но, — он взглянул на меня, — только если твоя пташка пойдёт со мной.

Он сделал шаг ближе, цепочки на его шее звякнули, я сузила глаза и облизнулась, представляя, как Кадериан прямо сейчас растопчет его.

— Попытайся в другой раз. Ты предлагаешь обменять фляжку на крысу.

Крокус рассмеялся, показав острые зубы, а затем перехватил крестик на моей шее, с интересом вертя его между пальцами.

— О, нет, я всего лишь предлагаю обменять одного Иуду

на другого.

— Кого? — переспросила я, выдёргивая крест из его рук.

Он проигнорировал мой вопрос, точно акула, кружась возле Кадериана.

— Скажи, она уже играла с тобой в клинки? Ну, знаешь, когда она бросает нож в потолок и ждёт, когда тот пронзит ей шею?

Я рыкнула и ударила ножом ему в грудь, но острие прошило воздух — Крокус уже переместился на несколько шагов от нас.

— Зачем ты его слушаешь?! — зашипела я.

«В тот раз в таверне всё было по-настоящему... Я бы не перевернулась в последний момент. Это не было драмой, я ведь не знала, что Кадериан вернётся. Не было же? Да?» — мысленно вопрошала себя я, встревоженно глядя на Кадериана.

— Впрочем, вы правы: мне совсем незачем вмешиваться в эту бессмысленную войну, которую ты затеял, названный принц. Я вполне могу покружить над побоищем и доесть останки, как делал всегда, преумножая свой капитал. Но вот ты, — Крокус указал тростью на Кадериана, — ещё не понял...

— Что? — прохрипел Кадериан скучаяще.

— Она предаст тебя, — сказал Крокус, мягко оборачиваясь ко мне. — Так же, как предавала меня — не раз и не два. — Он говорил почти ласково, будто о капризе, а не о ножах и

крови. — Она ведь уже занесла над тобой клинок, но не нашла подходящего момента для удара в спину. Ты подпустил её опасно близко, как я когда-то, но мне повезло поймать её за руку. И знаешь, что самое забавное? Она дрожала. Не от страха, а от желания.

— Заткнись, пока я ещё держу твои желания в узде, — процедила я.

Крокус усмехнулся, чуть склонил голову и отступил назад, за деревья.

— Она — твоя погибель. А ты — её. Огонь, который боится погаснуть, и лёд, который боится растаять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.